
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок Н. ЦЕЙТЛИНА.

На первой странице обложки: **Т. М. Самсонадзе.** РУСТАВИ.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

На последней странице обложки: Птичница Надя Котенко. Птицефабрика подсобного хозяйства города Азова.

Фото Риммы Лихач.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 2 (1647)

4 ЯНВАРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ТАКИЕ МАШИНЫ ВЫЙДУТ НА ПОЛЯ

«Одним из решающих условий выполнения заданий по развитию сельского хозяйства на 1959—1965 годы является всемерное расширение механизации и электрификации производства, дальнейшее оснащение колхозов и совхозов передовой техникой».

Из тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

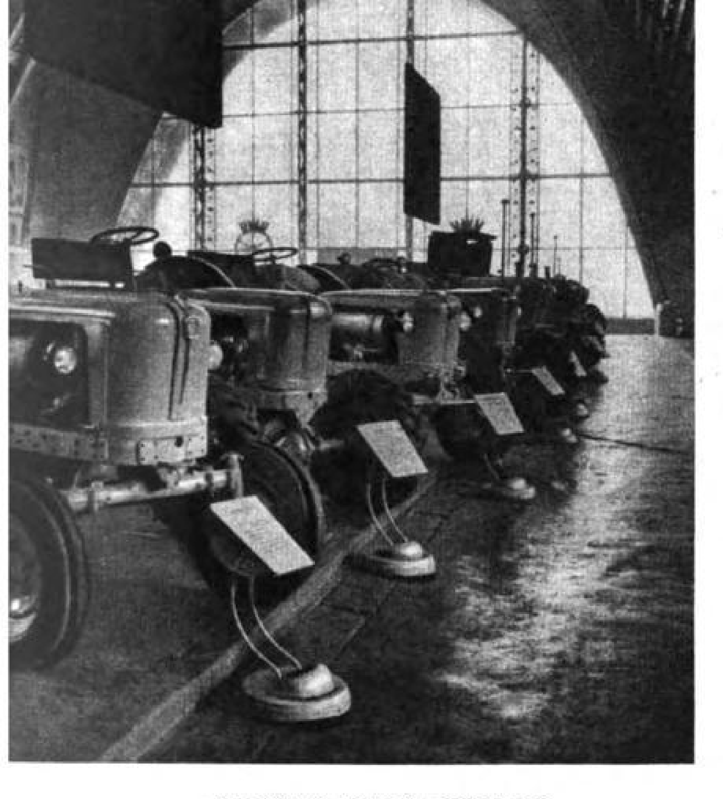
На площади Механизации.
Фото Б. Кузьмина.

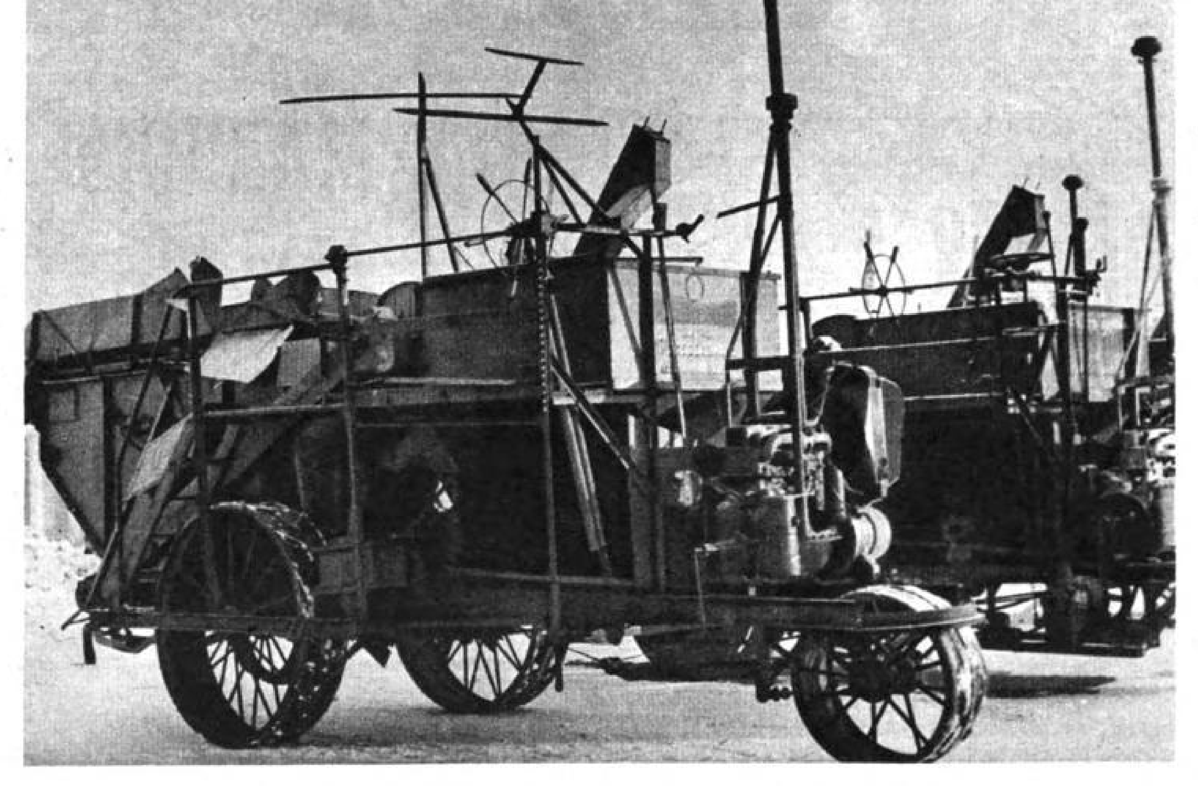
Мороз и ветер. Скрипит под ногами окрепший снег. Индевеют белые пуховые платки, брови, ресницы, шапки, бороды. А глаза, лица все такие же задорные, как и жарким летним днем, когда сюда, на площадь Механизации Выставки достижений народного хозяйства СССР, прямо с полей съезжаются тысячи и тысячи тружеников сельского хозяйства.

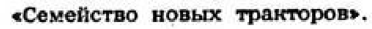
Не слышно на асфальтированных проспектах и аллеях мягкого шума автомашин и троллейбусов. Спит в серебряном убранстве Мичуринский сад, попрятались розы, георгины, гладиолусы, левкои. Мороз разукрасил окна домов и павильонов. Вместо загара на щеках посетителей пылает крепкий январский румянец.

Несколько комбайнов стоят на снегу и, признаться, выглядят зимой довольно странно. Привезли их из разных концов страны: с берегов Волги и Енисея, с Дона, с Приазовья и с Урала. Как только сняли брезент, бросилось в глаза, что чего-то этим комбайнам не хватает. Перед каждым из них должен был бы стоять мощный гусеничный трактор, который таскал бы их за собой, теперь его нет. Удивило ли это посетителей выстав-

Товарищи Н. С. Хрущев и Н. Г. Игнатов на Выставке достижений народного хозяйства СССР.
Фото Ю. Трушина и Л. Лыткиной.

«Семейство новых тракторов».

Прицепные комбайны, переоборудованные в самоходные.

ки, пришедших осматривать образцы новых сельскохозяйственных машин? Нет, нисколько. Всем известно, что хлеб эти комбайны будут убирать без помощи тракторов.

Не случайно вначале назвали мы комбайн, присланный на выставку с берегов Волги, он и стоит на правом фланге. Да, именно механизаторы Саратовской области первыми переоборудовали прицепной комбайн в самоходный.

Они доказали, что и старые машины при некоторых «поправках» можно вновь с успехом эксплуатировать. Прицепной комбайн переоборудовали в самоходный. Оказалось, что мощность двигателя старого комбайна при несложных переделках позволяет машине передвигаться самостоятельно. Саратовцы установили, что только по одной их области это новшество при самых скромных подсчетах даст не менее десяти миллионов рублей экономии, сохранит десять тысяч тонн горючего в год, высвободит девять тысяч тракторов. Это только по одной Саратовской области.

Инициативу саратовцев одобрили Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР.

И вот в Москву прибыли варианты переоборудованных комбайнов. Рядом с саратовским еще тринадцать образцов, представленных конструкторскими бюро заводов, научно-исследовательскими институтами, механизаторами и новаторами сельского хозяйства. Это плоды большой и напряженной творческой работы, проделанной за сравнительно короткое время. На каждой машине один узел выкрашен в цвет, отличный от общей окраски. По этим «пятнам» можно догадаться о различных решениях задачи, но догадываться мало, надо твердо установить, на каком варианте остановиться, по чьему образцу равняться гигантскому парку прицепных комбайнов страны.

Далеко от Москвы, на юге, в окрестностях азербайджанского города Кировабада идет проверка этих вариантов. Далекий путь проделали машины, но зато климатические условия позволили провести испытание зимой. По образцу лучшей конструкции приступят к изготовлению нужных узлов.

...Переступаем порог павильона Машиностроения. Сейчас им целиком завладели творцы сельскохозяйственной техники. Если на площади Механизации речь шла главным образом о предстоящей жатве, то здесь, в просторнейшем павильоне, похожем на эллинг, стоят машины, рассчитанные на все этапы сельскохозяйственного производства, начиная от предпосевной подготовки почвы до раздельной уборки и многих, многих других работ.

Стенды! Два этажа справа и два этажа слева заставлены новыми машинами. Можно безошибочно сказать, что ни одна из них не успела еще войти, или, как говорят живописцы, врезаться в пейзаж современного села. На подобных картинах мы привыкли видеть мощные тракторы, комбайны, целые вереницы орудий, прицепленных к тракторам. А вот такой техники ни один художник еще не запечатлел. Говорится это не в упрек художникам, потому что при всем их желании сделать подобное невозможно. Машины пока существуют в единственных экземплярах, им еще предстоит получить путевку в жизнь, но они ее, безусловно, получат и завладеют полями Родины, станут по-настоящему одной из неотъемлемых принадлежностей современной советской степи.

На выставке кто-то метко назвал самоходное шасси добрым конем, а навесные машины — его сбруей. Это близко к истине. Купив самоходное шасси, колхоз может его использовать круглый год на самых различных работах, меняя лишь соответствующие комплекты навесных машин. Здесь мы увидели самоходные уборочные шасси Ростовского и Таганрогского комбайновых заводов, однобрусные и двухбрусные самоходные шасси с набором машин, свеклоуборочные комбайны, механизмы для возделывания кукурузы и сахарной свеклы.

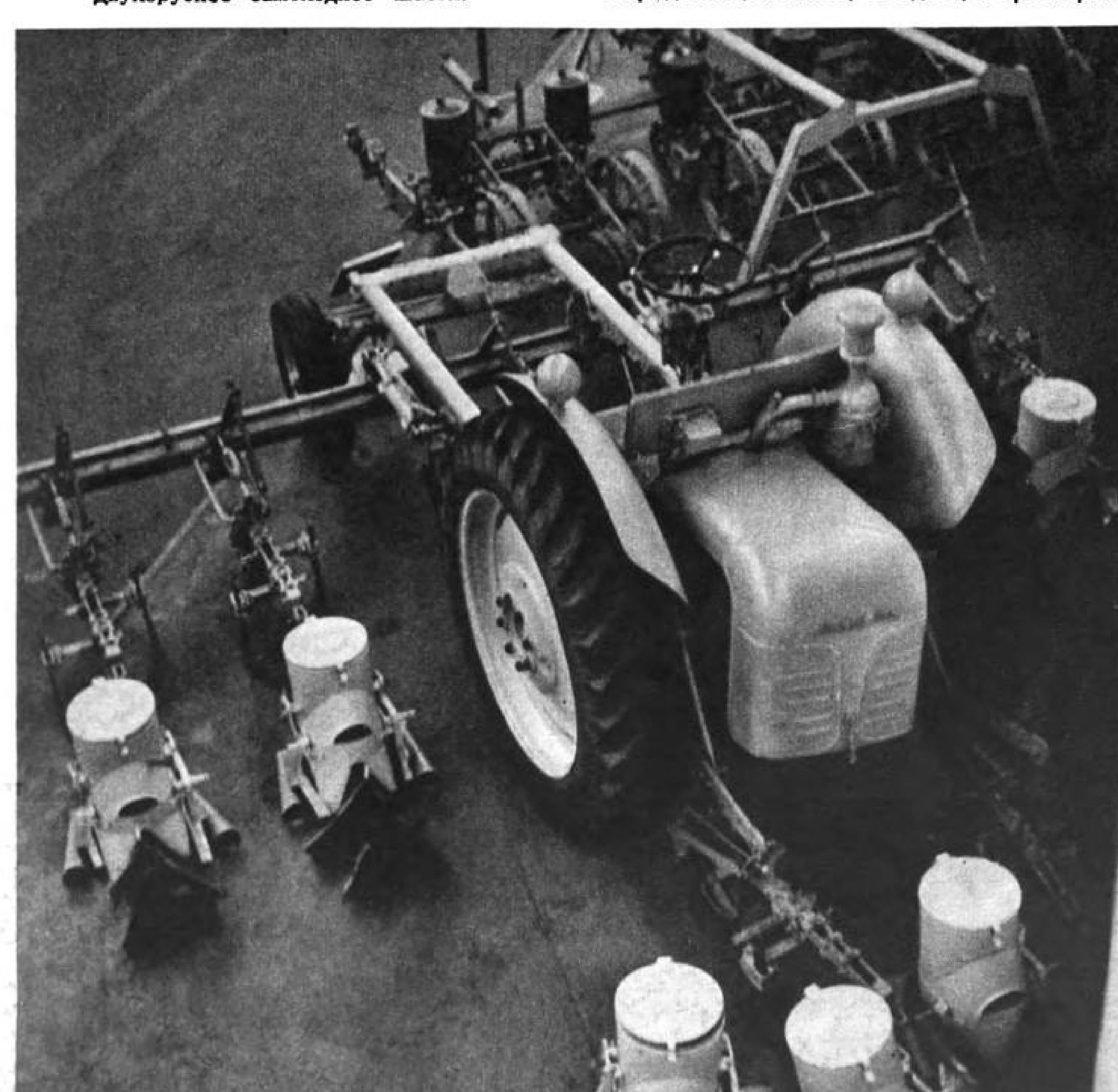
Не приходится и говорить, что с внедрением этой техники резко меняется жизнь села. Известно, что навесные машины ликвидируют профессию прицепщика. Сотни тысяч технически грамотных людей будут использованы на более производительной работе. Нетрудно представить себе, как улучшится быт колхозников! На выставке не раз задумываешься над тем, какое благотворное влияние окажет на быт и благосостояние села вся эта техника.

Судить о машинах по их внешнему виду трудно. И все же, поднявшись на второй этаж павильона, взглянув на новые тракторы с четырьмя ведущими колесами, созданные коллективами конструкторов заводов и научными работниками и очень удачно названные на одной из табличек выставки «семейством тракторов», редко кто не выразит громко своего восторга. Уж очень непохожи они на обычные. Они легки, компактны, стройны. Радостнее всего то, что тут же узнаешь: машины успели показать себя хорошо в работе, получили всеобщее признание колхозников.

Образцы новых сельскохозяйственных машин осмотрели товарищи Н. С. Хрущев и Н. Г. Игнатов, тут побывали также участники декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, многие депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, новаторы сельского хозяйства, ученые, конструкторы, рабочие заводов сельскохозяйственного машиностроения.

З. ХИРЕН

Двухбрусное самоходное шасси.

На шестой сессии Верховного Совета РСФСР четвертого созыва Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. Е. Ворошилов вручает представителям Российской Федерации товарищам А. Б. Аристову, Д. С. Полянскому и М. П. Тарасову орден Ленина.

Фото А. Гостева.

«Северянка» уходит в океан

Неспокойно в эти дни студеное Баренцево море. Ледяной ветер вздымает сердитые волны. Смутными белыми пятнами проглядывают из сизой темноты полярной ночи вспененные гребни. У пирса подводная лодка «Северянка». Она напоминает диковинную рыбу, только что появившуюся на поверхности, готовую снова ринуться в глубины моря за добычей.

Да, так оно и есть. «Северянка» скоро нырнет в море: отправится в научно-исследовательскую экспедицию. Поход будет долгим и трудным. Поэтому к нему готовятся особенно тщательно. Еще раз проверяется аппаратура — замечательные приборы и механизмы отечественного производства. Принимаются на борт запасы воды и продовольствия.

Старый морской волк, оператор кинохроники С. С. Масленников, уже прикидывает опытным глазом, как бы сделать кадр поэффектнее. Здесь это не так просто: лодка тесновата для съемок.

В кают-компании пахнет свежей хвоей, устанавливается крошечная елка: ведь Новый год мы будем встречать в плавании, возможно, под водой! От елочки в тесном отсеке кажется теплее, уютнее, словно сюда попал кусочек родной Большой земли.

Мы не спрашиваем нашего боцмана, какие подарки готовит он к празднику, хотя по штату именно ему положено быть на корабле дедом-морозом. Главных даров все мы — ученые, кинооператор, журналист — ждем от другого, не менее знаменитого старца — хозяина морей Нептуна. Ведь впереди несколько недель увлекательного, захватывающего плавания!

В. КРУПИН,
спец. корр. «Огонька»

Заполярье, борт подводной лодки «Северянка».

Полярная ночь над Баренцевым морем. Гуляют по небу сполохи северного сияния. Научно - исследовательская подводная лодка «Северянка» всплывает из глубин на поверхность.

Фото М. Редькина (ТАСС).

Новый уникальный станок для обработки цилиндров высокого давления и втулок рабочих колес турбин изготовлен на заводе имени Свердлова в Ленинграде.

На снимке: сборка нового станка в гидротурбинном цехе Металлического завода. ←

Фото Б. Уткина.

Далеко от родных берегов будут команды многих судов Черноморского торгового флота в дни, когда в стране развернется Всесоюзная перепись населения.

Перед уходом судов в рейсы работники статистического управления Одесской области знакомят моряков с порядком проведения переписи на судах.

На снимке (слева направо): экономист Г. Л. Беда инструктирует капитана танкера «Махач-Кала» А. С. Журавлева и его помощника Н. Я. Золина.

Фото А. Фатеева. →

«Ветер с Востока» — так называется новый широкоэкранный цветной кинофильм, который ставят совместно Мосфильм (СССР) и Чанчуньская киностудия (Китайская Народная Республика).

Фильм расскажет о строительстве плотины и борьбе с наводнением в Китае, о дружбе двух великих народов. Авторы сценария — Вадим Кожевников, Лин Шань, Ган Сюэ-вэй и Ефим Дзиган. Режиссеры-постановщики — Е. Дзиган и Ган Сюэ-вэй.

Съемки начались в павильоне Мосфильма. Вскоре труппа выедет в Китай.

На снимке (справа налево): режиссер Е. Дзиган, артисты Тянь Фань и Ма Тин-у на репетиции перед съемкой.

Фото В. Уварова.

В Москве в Центральном выставочном зале открылась выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

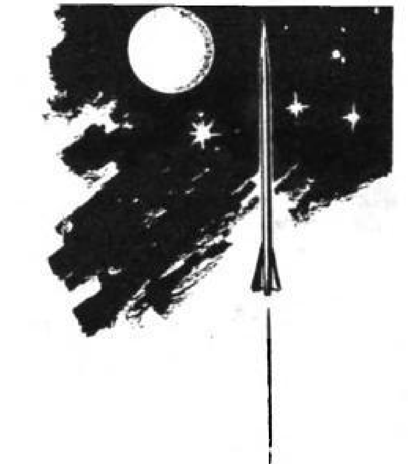
На снимке: народный художник СССР С. Т. Коненков открывает выставку.

Фото Е. Умнова.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Рисунок Н. КОЛЬЧИЦКОГО.

На кого работает время!

Когда были опубликованы контрольные цифры семилетнего плана, на кухне буржуазной прессы, где готовится так называемое «общественное мнение», воцарилось явное замешательство. Шефы экономических отделов газет, даже самых невзыскательных по части качества газетной стряпни, в смущении подталкивали друг друга, но никто не хотел подать свой голос первым. Наспех было сервировано дежурное блюдо, изготовленное из традиционных сомнений в том, что развитие социалистической экономики и на новом этапе может происходить с той же явно опережающей капиталистический мир стремительностью.

Но обманут мог быть только тот, кто сильно хотел быть обманутым. Нужно обладать уж очень, мягко выражаясь, ограниченным умом, чтобы поверить в то, что страна, обладающая ныне всеми мыслимыми видами ископаемого сырья, владея математическими машинами, шагающими экскаваторами, установками для непрерывной разливки стали, ракетными разведчиками космоса, автоматическими заводами, хуже сумеет воспользоваться неоценимыми преимуществами социализма, чем тогда, когда она тачками отсыпала плотину на Свири и на плечах энтузиастов таскала козлы с кирпичом для первых магнитогорских домен.

До сих пор мы наращивали промышленность в три, а то и в пять раз быстрее, чем Соединенные Штаты, Англия, Германия или Франция. В 1913 году США могли свысока посматривать на Россию, где на душу населения приходилось в 13—14 раз меньше промышленной продукции, чем у них. В 1937 году это расстояние сократилось вдвое, а сейчас разрыв сжался до 2,3 раза. В области сельского хозяйства он еще меньше.

Сейчас наша экономика развивается не только опережающими темпами, но и абсолютный прирост промышленной продукции в целом у нас выше. Мы уже опередили США по размеру годового прироста железных руд, чугуна, стали, угля, нефти, цемента, многих важных видов машин. Чтобы достигнуть уровня производства США 1958 года, наша страна должна увеличить выпуск промышленной продукции на четыре пятых. Мы не ожидаем, что американские капиталисты будут в последующие годы стоять на месте. Но тут уж мы им, что называется, наступим на пятки. В своей речи на приеме выпускников военных академий товарищ Н. С. Хрущев говорил: «Превосходство Советского Союза в темпах роста производства создаст реальную основу для того, чтобы в течение примерно пяти лет после 1965 года догнать и превысить уровень производства Соединенных Штатов Америки на душу населения. Таким образом, к этому времени, а может быть, и несколько раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения, что обеспечит самый высокий в мире жизненный уровень населения.

Это будет всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом».

В поисках новых аргументов, которыми можно было бы доказать состоятельность капиталистического мира в предложенном ему мирном состязании, комментаторы буржуазной прессы вспомнили было о неиспользуемых американской промышленностью резервных мощностях, замороженных в годы депрессии в отдельных отраслях производства. Они страшно обрадовались этой находке, не заметив впопыхах получившегося конфуза: в доме повешенного неловко говорить о веревке. Ведь пустить в ход резервные или какие-то другие мощности не позволяют законы капиталистического производства.

Что же касается наших возможностей, то они определяются наличными ресурсами, которые мы можем немедленно двинуть в дело. И на глазах всего мира, ни от кого не таясь,—«Читайте, завидуйте», как писал Маяковский,— страна наша осуществляет несколько смелых маневров, позволяющих нам быстрее пройти намеченные маршруты. Эти маневры представляют собой торжество здравого смысла, достижимого только в едином социалистическом хозяйственном комплексе.

Мы будем строить новые предприятия в районах самого богатого сырья. С воплощением этого принципа в значительной степени связана стратегия нашего индустриального продвижения на восток, поближе к сибирским углям, забайкальским полиметаллическим рудам, ангарскому железу, красноярским бокситам и нефелинам, якутским алмазам, приенисейским лесам.

Мы выиграем на замене угля нефтью и газом. Выиграем немало. Производительность труда при добыче нефти в три раза выше, чем при добыче равного по калорийности угля, а добыча газа, включая его транспортировку, производительнее в семь с половиной раз.

Мы будем в большом количестве строить тепловые электростанции, сооружение которых требует на единицу мощности примерно в четыре раза меньше капитальных затрат. Каждый выработанный киловатт-час будет нам обходиться немного дороже. Но мы выиграем при этом драгоценное, ничем и никак не возместимое время.

Вот она, чудесная власть над временем и пространством, которую мы обретаем не по щучьему велению, а умно и тонко используя главные преимущества советского общественного строя!

Можно ли планировать счастье!

Только для тех, кто знает, в какую гавань он плывет, существует попутный ветер. На всех парусах мы идем к обетованному берегу, имя которому Изобилие. Ни один житель нашей страны не сможет съесть всего хлеба, который в расчете на него в 1965 году принесет урожай, и сносить всех тех тканей, которые придутся на него в том же году. Кое в чем — производстве на душу населения металла и в киловатт-часах электроэнергии — нам еще придется на протяжении пятнадцатилетия, а может быть, и более короткого срока, догонять некоторые капиталистические страны. Но уже задолго до этого мы собираемся заложить основу материально-технической базы коммунизма.

Наши противники делают вид, будто речь идет только об арсенале научных и технических средств покорения природы — тех самых, что в ходу у них и сейчас.

Нет, речь идет прежде всего о том, в каком направлении и во имя чего прогрессирует техника.

Заказывая своим ученым новые типы кибернетических машин и скупая патенты на новые конструкции химических полимеров, капиталистические монополии в конечном счете совершенствуют рукавицы, при помощи которых бизнес хватает человека за горло. Каждый очередной шаг вперед в реконструкции индустрии оценивается числом людей, выброшенных за борт жизни. Поэтому сами по себе цифры производства на душу населения капиталистической страны далеко еще не являются свидетельством благоденствия. Горек хлеб, приправой к которому служит страх. Недешево обходится человеку тепло очага, которое закрепощает душу.

Совершенствование техники при социализме — это совершенствование способов освобождения человека от повседневных мелочных обременительных забот о пище и крове, от тяжелых и утомительных форм труда. К концу семилетки у нас будет самая короткая неделя при самом коротком рабочем дне.

Но контрольные цифры семилетки планируют отнюдь не беспечный досуг. Нет, то счастье, имя которому коммунизм, многостороннее, содержательнее и богаче.

Семь лет творения

Когда я пытаюсь представить себе облик завода, перешагнувшего наше семилетие, я ловлю себя на том, что думаю о нем, как о живом существе — изменяющемся, развивающемся, растущем. Даже если он будет состоять из одних только лязгающих сочленений, перемигивающихся пусковых реле и самодвижущихся транспортеров,— таких заводов мы построим десятки, а отдель-

ных же цехов — сотни,— все равно он не будет бездушен. Все эти нагромождения заводского металла, все это тихое бушевание электрических токов, приводящих в действие безгласные автоматы, вся «вторая природа», мудро названная так Горьким, насквозь пронизана теплом созидания.

Желая представить себе рабочие будни советского завода образца тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, я невольно думаю о тех, кто сегодня уже живет в этом будущем. Скажем, об инженерах, технологах, мастерах и рядовых рабочих Грозненского химического завода, выпускающего продукты для производства пластмасс и искусственного волокна. Воспользовавшись четырьмя тысячами изобретательских предложений заводских новаторов, завод этот живет «вперед» — выполняет программу двух с половиной таких заводов. А их надо было бы еще строить! Я думаю о жажде творчества, обуревающей слесаря Рижского радиозавода имени А. С. Попова Евгения Рыжова, которому пришлось овладеть знаниями магнитолога и металловеда, чтобы в шесть раз ускорить сборку электрических трансформаторов и избавить от заусениц руки резчиц.

Думаю о вдохновении, которое испытал Махмут Мулюков, альметьевский нефтяник со знаменитых Ромашкинских промыслов, когда, сочетав специальности горняка, бурового мастера и радиста, он создал оригинальный, автоматически действующий сигнальный диспетчерский пункт на двести скважин, сохранив для страны сотни тысяч рублей. Думаю об изумительно верном и точном постижении ведущих начал эпохи, которое проявляют в бесхитростном и бескорыстном своем порыве юноши и девушки, сами для себя утверждающие заповеди своей жизни в завтрашнем дне. Они создают бригады коммунистического труда и пишут в своих обязательствах несколько простых слов, заключающих в себе поистине гигантское содержание: день ото дня лучше работать, учиться, изобретать.

Перестройка образования укрепит связь учения и труда.

Изобретательство уже сегодня, а тем более завтра — это одна из главных современных форм проникновения науки на производство. Изобретатель, рационализатор, новатор работают методами ученого, начиная с того, что квалифицированно формулируют выдвигаемую жизнью задачу. Они всесторонне оценивают уже имеющиеся средства ее решения, глубоко и тщательно осмысливают недостатки существующих для этого способов. А чтобы отказаться от проложенных уже дорог, недостаточно простой отваги — необходимы и широкие знания. Нужна нерасторжимая связь с коллективом, из опыта которого обычно вытекает изобретательская идея.

Массовость, всеобщность лавинообразно разрастающегося технического, а следовательно, и научного творчества советских людей — такое же знамение будущего, как и расцвет самодеятельного искусства.

Наша семилетка — это семилетка вдохновенного творчества, всестороннего роста духовных сил народа.

Хозяин и друг природы

Еще дальше — и в просторы времени, и в глубины Вселенной, и в недра атома — заглядывает наша большая наука. Она готовится к очередному прыжку в Космос. Овладев термоядерными реакциями, она навсегда снимет с человечества заботу об источниках энергии. Совершенствуя способы формирования готовых изделий непосредственно из атомов и молекул, она приближает наступление эры высочайшей, коммунистической производительности труда. Сосредоточив всю мощь новейшей измерительной техники, автоматизированных расчетов, беспощадной точности физико-математического анализа на раскрытии тайны живого, она обещает нам покорение биосферы, скорое избавление от многих недугов, старческой дряхлости.

И в этих самых далеких, перспективных своих устремлениях наука нисколько не отдаляется от среднего жителя нашей части планеты. В том-то и состоит примечательная особенность социалистической культуры, открывающей миллионным массам дорогу к творчеству, что все большее число людей начинает активно соучаствовать в увлекательном расширении границ нашего мира, которое непрерывно осуществляет наука. В 1965 году известия о разгадке тайны черных провалов в Крабовидной туманности, о новых применениях в технике химических процессов, заимствованных у растений и микробов, об управлении погодой, о создании новых морей и новых пород животных будут волновать значительно большее число умов, чем это происходит сейчас.

Вместе с тем, приобретая все большие возможности для досуга, советский человек все с большей любовью будет обращаться к непосредственному, душевному соприкосновению с родной природой. Он будет больше думать о сохранении ее нежной, естественной красоты. Новые города, как это случилось с городом атома Дубной, будут бережно врастать в вековые боры, не разрушая их дикого очарования. Еще шире разольется народное движение за охрану «зеленого друга» и наших неторопливых, задумчивых рек.

Подчеркнутое заданиями семилетки, происходящее уже сейчас сглаживание различий между крупными центрами и маленькими поселками (и по качеству жилья, и по наполненности библиотек, и по возможности приложения здесь же, на месте, всех сил молодых дарований) сопровождается возрастанием сыновней привязанности к родному краю. Все чаще будут приходить к нам вести о скромных, но жгуче важных и нужных деяниях краеведов, закладывающих музеи, где найдут себе место и колосья с полей, прославленных сказочным урожаем, и вынутый из земли позеленевший патрон с грамоткой, писанной кровью,— светлая память о том, как отстояли от врага нашу святую землю верные ее сыны, и портреты друзей из братских краев, что приезжают учиться к нам или радушно принимают нас у себя, нас, посланцев первого в мире государства, поднявшего знамя грядущей свободы всего человечества.

МЫ ВИДИМ ЗА ЦИФРАМИ ДУХОВНЫЙ МИР

Милан ЛАЙЧИАК,

словацкий поэт, лауреат Государственной премии Чехословацкой Республики

Все, что в эти дни, перед XXI съездом Коммунистической партии, происходит на советской широкой земле, это грандиозное движение мысли и воли на фабриках, в совхозах и колхозах, в рабочих кабинетах ученых, техников и художников, производит волнующее впечатление. Энтузиазм в стране Ленина всегда был необыкновенно осязаемым. Это была поэзия, очаровавшая Юлиуса Фучика в годы первых советских пятилеток. Она наполняла верой в победу справедливого дела пролетариат всего мира.

Народы нашей республики с чувством гордости и любви следят за мощным движением советского народа к новым вершинам. Ведь все планы Советского Союза касаются и нас. При взаимоотношениях наших стран, чистых, незатуманенных, полоса границы не разделяет народы, а сплачивает их. У нас столько общих планов на будущее! И без дружбы с Советским Союзом моя Словакия не могла бы стать тем, чем стала сейчас.

Давайте хотя бы мысленно совершим путешествие по моей родной стране. Я видел ее тринадцать лет назад оборванную, нищую. Когти войны оставили открытые раны на ее теле. Растерзанные железные дороги, уничтоженные мосты, засыпанные рудники, сожженные деревни на местах партизанских боев... Несколько маленьких фабрик и мастерских с разбитыми корпусами без машин не могли стать базой развития экономики. Людям трудно жилось.

Мы были проклятым краем. Но не волшебная палочка сняла с него проклятие. Социализм высвободил ее скованную энергию, бурную, как молодое словацкое вино. За 14 лет свободной жизни в составе народно-демократической Чехословакии, верно идущей плечом к плечу с Советским Союзом, при надежной постоянной помощи чешского рабочего класса в Словакии совершились такие перемены, о которых когда-то говорилось только в народных сказаниях.

От Чехии и Моравии Словакия в экономическом развитии отстала на 80 лет. В период между 1920—1937 годами за границу эмигрировало более 200 тысяч человек. Это немало для трех с половиной миллионов населения Словакии. А собственная страна этих беженцев, где они не могли найти хлеба и работы, была для туристов объектом экзотики. На плодородных равнинах лежали крупные поместья, а в горах люди ютились в переполненных избах.

В страхе перед народными забастовками и волнениями правители держали наготове войско, полицию, жандармерию. А во время создания так называемого «Словацкого государства» против забастовщиков в Гандлове вышли танки, революционных студентов бросали за тюремные решетки.

За 14 лет Словакия превратилась из отсталой, аграрной области в область быстро растущей тяжелой и легкой промышленности. Проблема безработицы отпала. Сейчас, 14 лет спустя, вы не увидите разницы между большинством районов Словакии и чешскими районами. Промышленное производство возросло в Словакии в 6 раз и составляет шестую часть всего промышленного производства республики. Строительство 170 новых крупных промышленных предприятий, оборудованных по последнему слову науки и техники, реконструкция и расширение 190 существовавших небольших фабрик и мастерских изменили характер словацкого края. Где раньше высились только вершины гор и шпили церквей, теперь уже нет такой долины, в которой не дымились бы заводские трубы. Изменился социальный состав моего народа, в котором главенствующую роль играет теперь рабочий класс. Нет уже больше крупных помещичьих поместий. Большая часть земли обрабатывается едиными сельскохозяйственными кооперативами и государственными хозяйствами.

Капиталистическая республика дала Словакии одно высшее учебное заведение, 200 школ, подобных современным восьмилеткам. Сейчас в Словакии 12 высших учебных заведений, более 600 восьмилетних школ. Вступила в жизнь первая смена социалистической интеллигенции, воспитанная в духе верности Коммунистической партии Чехословакии.

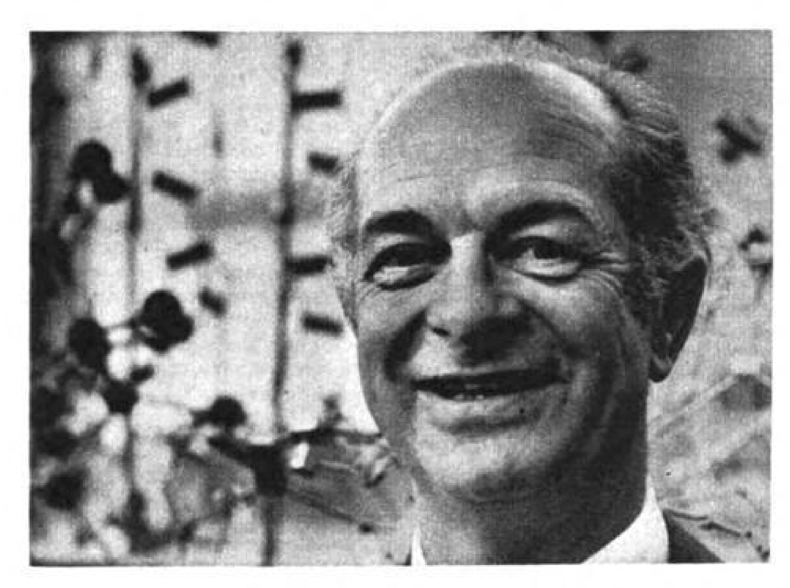
Так как трудовой человек Словакии убедился в реальности наших планов и увидел возможности освобожденного человеческого труда, он радостно в эти дни следит за Советским Союзом. В семилетнем плане он чувствует мощную пульсацию советской страны.

За всеми цифрами развития мы видим духовный мир советского человека. Этот мир уже имеет надежный жизненный опыт, он выдержал все испытания, это мир новой человеческой морали, отношений и чувств. Он непоколебим и крепок, так как со времени взятия Зимнего советскому человеку ничего не подносилось готовым, он все должен был созидать сам.

Мы следим за полетом спутника и думаем о том творческом размахе освобожденного человеческого труда, примером которого для нас всегда была и будет Страна Советов.

НЕБО НАД МИРОМ ДОЛЖНО БЫТЬ

Американский ученый Лайнус Полинг об опасных последствиях испытаний атомного оружия

Профессор Лайнус Полинг.

Американские журналисты Роберт Коэн и Вирджиния Милл прислали из Нью-Йорка в редакцию «Огонька» запись интервью с профессором Калифорнийского технологического института Лайнусом Полингом.

Доктор Л. Полинг, в настоящее время занятый изучением молекулярной основы нарушений мозговых функций, был в 1954 году удостоен Нобелевской премии за исследование природы химических соединений. Он автор вышедшей в 1958 году книги «Никаких войн!».

На протяжении ряда лет Л. Полинг возглавляет борьбу большой группы американских ученых против испытаний атомного и водородного оружия. По его инициативе была составлена петиция, требующая немедленного заключения соглашений о запрещении испытаний ядерного оружия. Под этой петицией подписались более одиннадцати тысяч выдающихся ученых разных стран.

Ниже публикуется сокращенный текст интервью Л. Полинга.

Вопрос. Каковы, по Вашему мнению, самые вредные стороны разделения мира на два вооруженных лагеря и затрат столь огромных сумм на вооружения?

Ответ. Большая опасность состоит в том, что создается вполне реальная возможность возникновения атомной войны, следствием которой явились бы огромные разрушения. Это главная опасность. Другая сторона вопроса состоит в том, что огромные средства порядка 10—15 процентов нашего национального дохода, мирового национального дохода тратятся самым непроизводительным образом, не принося народам никакой пользы, а именно — на вооружения. Это в полном смысле слова выброшенные деньги. Жизненный уровень народов во всем мире мог бы быть весьма значительно повышен, если бы мы заключили международные соглашения о сокращении ассигнований на вооружения. Это означало бы укрепление безопасности для народов всего мира, включая Соединенные Штаты.

Вопрос. Находите ли Вы, что американцы отдают себе отчет в реальной опасности, которую представляют атомные испытания и возможные последствия атомной войны?

Ответ. Нет, я не думаю, что американцы сознают эту опасность. Я думаю, что люди в общем лишь удивляются тем фактам, которые я привожу в моих выступлениях и в моей книге «Никаких войн!». Большая часть содержащихся в них сведений доступна каждому, но эти сведения не распространяются среди населения и, таким образом, являются часто новостью для большинства людей.

Вопрос. Считаете ли Вы, что эта недостаточная осведомленность объясняется тем фактом, что американцы никогда не испытывали ужасов войны у себя дома, в то время как народы Европы и Азии гораздо сильнее чувствуют и сознают все это?

Ответ. Я полагаю, что в Соединенных Штатах действительно существует недостаточно реальный взгляд на эти вещи вследствие того, что мы вели войны далеко от родины. Многие наши семьи пострадали, и все же в Соединенных Штатах нет настоящего понимания полного значения последствий войны. Но я думаю, тем не менее, что главнейшая причина этого непонимания лежит в другом: наши методы распространения информации среди широкой публики не содействуют просвещению ее, и само правительство не стремится к тому, чтобы народ Соединенных Штатов как следует осознал нынешнюю обстановку.

Вопрос. Каковы, по Вашему мнению, главные причины того, что правительство не решается осведомить народ о действительном положении вещей?

Ответ. Некоторые считают, что движению по тому пути, который намечен для нашего народа Вашингтоном, помешали бы слишком широкие публичные дискуссии по текущим делам. Нет никакого сомнения, что разговоры о «чистой» бомбе год назад затеяны были с целью успокоить общественное мнение, взволнованное выпадением радиоактивных осадков. Все это просто вводило людей в заблуждение, ибо заявления насчет «чистой» бомбы либо были просто неверными, либо их формулировали таким образом, чтобы создать у публики ложное впечатление. В частности, люди подумали, что якобы прилагаются усилия для создания такого оружия, которое имело бы пониженную радиоактивность. Но известно, что оружие ядерной войны будет в высшей степени радиоактивным.

Вопрос. Какой, по-Вашему, должна была бы быть первая и самая срочная мера со стороны правительства США в целях уменьшения нынешней опасности?

Ответ. Я думаю, что первым шагом должно быть эффективное международное соглашение относительно испытаний атомного оружия. Я полагаю, что оно должно быть заключено не только с Россией, но также и со всеми другими странами в мире. По-видимому, дело идет к такому соглашению.

Вопрос. Как Вы считаете: есть у правительства США основания утверждать, будто какая-либо страна может рассчитывать, что ее испытания атомных бомб останутся необнаруженными?

Ответ. О, нет никакого сомнения, что сколько-нибудь значительные испытания могут быть легко обнаружены с помощью вполне доступных средств!

Вопрос. Как могут люди из нашего правительства добавлять к бомбам новые элементы, которые делают их еще более смертельным оружием? Ведь этим людям должно быть известно, что применение бомб даже без всяких добавлений вызвало бы такие разрушения, что все наши возможные цели, как политические, так и военные, потерпели бы полный крах?

Ответ. Я и сам хотел бы понять это. Я хотел бы знать, просто ли они закрывают глаза на такую возможность или дело в том, что они ограничены своей сферой, где каждый говорит: «Мое дело сделать то-то и то-то, задаваться же вопросами большой политики — дело не мое». Министр обороны Макэлрой недавно сказал: «Я считаю, что Соединенные Штаты в состоянии вынести ядерную войну, а СССР — нет». Я думаю, что действительный смысл его слов можно выразить так: «Я полагаю, что если бы возникла ядерная война, то все находящиеся за «железным занавесом» были бы убиты, а в Соединенных Штатах остались бы в живых пять или десять миллионов человек». Если бы он изложил свою мысль этими словами, впечатление было бы совершенно другим. Я не знаю, так ли формулировал он сам в уме то, что заявил публично.

Я не могу понять, почему очевидная и разумная альтернатива — заняться разрешением мировых проблем иным путем — не подвергается серьезному обсуждению.

Вопрос. Что могут сделать граждане, являющиеся членами каких-либо организаций или не являющиеся ими, чтобы изменить эту опасную тенденцию?

Ответ. Я считаю, что разные люди могут поступать по-разному и что существуют более или менее общепринятые способы действия. Можно писать письма в конгресс и лично президенту, это всегда имеет смысл; можно писать письма в газеты. Затем, есть люди, способные на более активную, публичную форму защиты своих убеждений, и это хорошо; например, люди, объявляющие голодовку у помещения комиссии по атомной энергии и требующие беседы с членами этой комиссии или передачи им петиции; или люди, устраивающие походы за мир к Белому дому, отправляющиеся в плавание в Тихий океан [1], а затем — и в тюрьму.

Мы знаем о людях, посаженных на два месяца в тюрьму за то, что они протестовали против политики правительства, имея на это, как мне кажется, достаточные основания.

Вопрос. Могли ли бы Вы назвать примерное число ученых, отказавшихся работать в области производства атомного оружия?

Ответ. Назвать такое число трудно, но, без сомнения, есть тысячи молодых людей, перед которыми встала проблема: что делать? Эти люди принимают решение: подальше от атомного оружия, подальше от вооружений вообще...

Я еще ничего не сказал об ущербе, наносимом испытаниями бомб. Это совершенно бесспорный факт. Верно, что на этот счет существует некоторая неопределенность, но ученые согласны между собой относительно фактической стороны дела, хотя кое-кто из них иногда допускает заявления, могущие ввести в заблуждение. Отчет научной комиссии ООН «Влияние атомной радиации» или, по крайней мере, то, что сообщает об этом отчете газета «Нью-Йорк таймс», почти совершенно согласуется с моими заявлениями по поводу этих фактов.

Существует различие в терминологии, применяемой представителями комиссии по атомной энергии и мной. В моих заявлениях я говорю о множестве отдельных человеческих существ, в то время как она, комиссия, рассуждает о процентах, а иногда употребляет такие уклончивые слова, как «незначительное число».

Вопрос. Считаете ли Вы, что употребление подобных терминов

[1] Четыре американца весной прошлого года пустились на своей яхте «Золотое правило» в опасную зону на Тихом океане в знак протеста против испытаний водородной бомбы. Они были арестованы американскими властями.

ЧИСТЫМ!

представляет собой попытку уклониться от истины?

Ответ. Рождение ста тысяч дефективных детей в результате испытаний именуется людьми из комиссии по атомной энергии «незначительным» числом, ибо — так рассуждают они — фактически каждый год и без того рождается гораздо бо́льшее число неполноценных детей; однако то, что они понимают под словом «незначительный», представляется весьма спорным.

Итак, положение таково, что Великобритания и Соединенные Штаты состязаются сейчас между собой в испытаниях бомб. Я заявил, что испытание одной большой бомбы может стоить жизни пятнадцати тысячам еще не рожденных детей и, разумеется, такому же, по грубому подсчету, числу взрослых, которые, возможно, погибнут от белокровия и тому подобных заболеваний. Идет полемика по вопросу о том, вызывается ли белокровие определенным количеством радиоактивных осадков или нет. Указывается на две возможности: первая — радиоактивные осадки вызывают белокровие; вторая — они не вызывают этого заболевания. При всем том, однако, налицо несомненная вероятность, что испытания влекут за собой определенное количество смертей именно от белокровия.

Вопрос. Кто были те ученые, которые подписали Вашу петицию в ООН, требующую заключения международных соглашений о прекращении испытаний атомного оружия? Обращались ли Вы только к тем ученым, политические убеждения которых Вам известны?

Ответ. Вообще говоря, я разослал экземпляры петиции ученым, которых я знаю или чьи имена знакомы по литературе или обозначены в справочниках. «Мир ученых» — один из тех справочников, которыми я пользовался. Я не так хорошо знаю многих из этих ученых, чтобы иметь представление об их политических убеждениях. Петиция эта рассылалась широко, ученым всего мира. Большая часть ее вернулась обратно подписанной.

Вопрос. Каким способом, по Вашему мнению, можно было бы наилучшим образом добиться взаимного доверия между народами?

Ответ. Вначале, по мере того как будут заключаться соглашения о разоружении и по другим международным проблемам, у нас будут продолжать не доверять России, а России придется продолжать не доверять нам. Каждый шаг должен проводиться весьма осторожно. С течением времени чем больше мы будем полагаться на международное право, тем больше будет развиваться чувство взаимного доверия и уверенности. Пройдет еще некоторое время, пока все это осуществится; то, что сейчас этого чувства доверия не существует, не должно помешать нам продолжать заниматься разрешением мировых проблем.

Вопрос. Считаете ли Вы, что соглашение по вопросу о разоружении могло бы смягчить такие моменты, как, например, озлобление против США, которое существует у народов многих стран?

Ответ. Я думаю, что отношение к нам со стороны народов всего мира сильно улучшилось бы, если бы мы сократили наши вооружения и выступили за разрешение мировых проблем разумным и законным порядком, за справедливое отношение ко всем народам и нациям мира.

Вопрос. Не думаете ли Вы, что и мирное применение атомной энергии несет в себе известную опасность?

Ответ. При использовании атомной энергии на предприятиях возникает вопрос о том, что делать с высокорадиоактивными продуктами распада атома.

Мне не совсем ясно, как можно разрешить его. Вероятно, лучше всего было бы взять курс на предприятия, работающие на термоядерной энергии. Во всяком случае, все это довольно сложная проблема, и предсказать, как она разрешится, пока весьма трудно. Возникнут ли предприятия, работающие на термоядерной энергии, через 50 лет или через 25 лет? По-видимому, через какой-то срок между 25 и 50 годами, считая с сегодняшнего дня, такие предприятия будут созданы. Им не будет грозить большая опасность от продуктов атомного распада.

ОБВИНЯЕМЫЙ СОЗНАЛСЯ

Альберт КАН

Приехав месяц тому назад в Москву по приглашению друзей из Союза советских писателей, я был приятно удивлен, увидев на страницах «Огонька» текст моего заявления [1], которое я направил недавно в Соединенных Штатах в сенатскую комиссию «по внутренней безопасности», возглавляемую сенатором Истлэндом. Вызывали меня в это судилище по вздорному обвинению в том, что я являюсь «платным пропагандистом Советского Союза». Вместо того, чтобы тратить попустому время и отвечать на подобные бессмыслицы, я постарался воспользоваться случаем и сказать допрашивающим меня сенаторам все, что я о них думаю.

У писателей, как известно, есть слабость делиться своими чувствами с возможно более широким кругом людей. Мое заявление появилось в ряде органов печати. Я высоко ценю то, что «Огонек» оказался в их числе.

Но во всей этой истории есть одна деталь, о которой я не упомянул в своем заявлении. Мне захотелось рассказать о ней читателям «Огонька» сейчас.

Я находился уже на «свидетельской скамье» в комиссии Истлэнда добрых два часа, когда главный советник комиссии задал мне следующий вопрос:

— Мистер Кан, получали ли вы когда-либо инструкции из Советского Союза?

Вопрос этот не был для меня неожиданным, и я решил ответить на него правдиво и без околичностей.

— Поскольку я дал присягу говорить правду,— ответил я сенаторам,— я должен признать, что в одном случае — но только в одном — я действительно получил инструкцию из Советского Союза.

В зале заседаний воцарилась напряженная тишина. Сенаторы привстали в креслах, стараясь не проронить ни слова.

— Эту инструкцию,— продолжал я,— передал мне в 1949 году в Париже известный советский писатель Илья Эренбург. Инструкция была на русском языке. Я взял с собой на заседание вашей комиссии фотоснимок с оригинала этого документа, а также английский перевод его текста.

— Прекрасно, мистер Кан! — воскликнул председательствующий.

— Желают ли джентльмены получить этот документ для включения его в протокол моего допроса? — осведомился я.

— Разумеется, разумеется, мистер Кан!

Я достал из кармана фотокопию и протянул ее председательствующему. После некоторого молчания я продолжал:

— Видите ли, мне хочется добавить, что когда мистер Эренбург передавал мне этот документ, он одновременно преподнес мне в подарок курительную трубку. Заголовок документа, если его перевести на английский, гласит: «Инструкция для курильщиков». Документ содержит самые подробные директивы касательно пользования трубкой, содержания ее в чистоте и тому подобное...

Когда в зале стихли смех и веселые восклицания, а главный советник комиссии снова обрел дар речи, он пробормотал:

— Я полагаю, этот документ едва ли следует приобщать к протоколу.

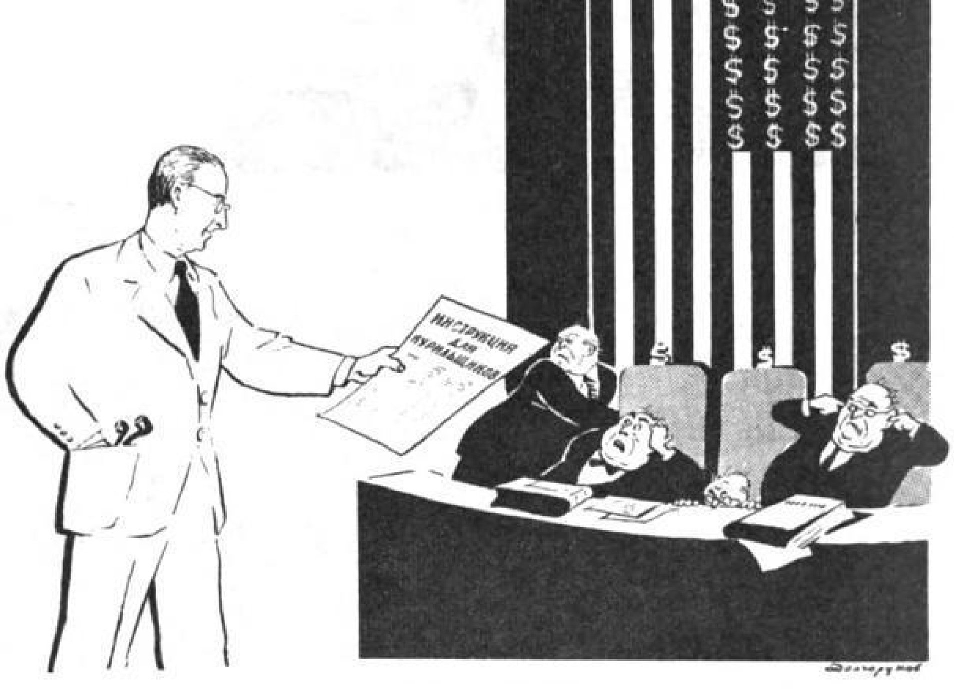

Рисунок Н. Долгорукова.

Но я стал настаивать. Я доказывал, что, поскольку документ был предъявлен с разрешения председательствующего, он тем самым уже является органической составной частью слушания дела.

— Кроме того, насколько могу судить,— продолжал я,— это очень детальная и заботливо составленная инструкция. Она гораздо полнее, чем любые подобные наставления, которые мы можем найти в Соединенных Штатах. Я, например, очень строго следую ей, и даже сейчас, находясь перед вами, джентльмены. Вот видите, со мной две трубки. Инструкция рекомендует всегда иметь под рукой две трубки. Одной надо дать остыть и в это время курить другую. Я так и делаю. Вероятно, это первый случай в вашей практике, господа сенаторы, когда лицо, дающее вам показания, действует строго по инструкции, полученной из Москвы!..

А теперь я должен сделать еще одно признание.

Вскоре после приезда в Москву я посетил Илью Эренбурга. Во время беседы я рассказал ему эту случившуюся в Вашингтоне историю с инструкцией курильщикам трубок.

— Нельзя ли устроить мне посещение московской фабрики курительных принадлежностей, которая издала ту инструкцию?—спросил я.

И вот я поехал на Ленинградский проспект, где в доме 12 расположилась фабрика. Это было небольшое здание, скромно приютившееся среди окружающих многоэтажных домов.

На лестнице меня встретил главный инженер фабрики. Он провел меня в свой кабинет, и там — увы, я должен покаяться в этом! — он снабдил меня новой, еще более подробной инструкцией! Более того, он дал мне несколько экземпляров.

По возвращении в США я пошлю по одному экземпляру каждому из членов комиссии «по внутренней безопасности» сенатора Истлэнда.

[1] См. «Огонек» № 47 за 1958 год.

Представители сорока стран мира съехались в Коломбо на сессию исполнительного комитета Всемирной Федерации демократической молодежи. Все они заявили о своей решимости бороться за мир и прогресс, за разоружение, против колониализма.

На снимке: премьер-министр Цейлона С. Бандаранаике приветствует участников сессии.

Фото Цейлонского бюро информации.

↓

В нашей стране гостили учителя Иракской Республики. Они посетили Москву, Ленинград, Сталинабад, знакомились со многими школами, институтами, дворцами пионеров.

На снимке: иракские учителя (слева направо): Джамиль Джирджис, Абдель Рахман Аль-Баззаз, Бекр Мустафа Ас-Салим, Абдель Раззак-Абдель Вахид и Аднан Хуршид.

Фото Галины Санько.

В спортивном зале Центрального спортивного клуба Министерства обороны в Москве состоялся товарищеский матч между сборными баскетбольными командами СССР и Румынской Народной Республики. Советские спортсмены победили со счетом 82 : 54. →

Фото А. Бочинина.

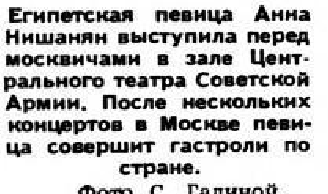

Скоро москвичи увидят новую оперетту Д. Д. Шостаковича «Москва—Черемушки».

На снимке: после генеральной репетиции. Д. Д. Шостакович среди артистов.

Фото Е. Умнова.

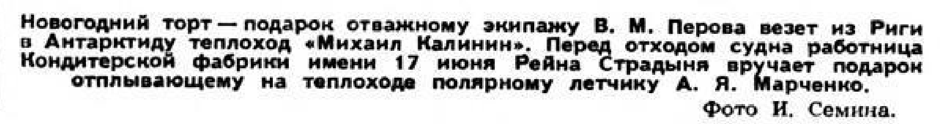

Египетская певица Анна Нишанян выступила перед москвичами в зале Центрального театра Советской Армии. После нескольких концертов в Москве певица совершит гастроли по стране.

Фото С. Галиной.

Новогодний торт — подарок отважному экипажу В. М. Перова везет из Риги в Антарктиду теплоход «Михаил Калинин». Перед отходом судна работница Кондитерской фабрики имени 17 июня Рейна Страдыня вручает подарок отплывающему на теплоходе полярному летчику А. Я. Марченко.

Фото И. Семина.

Общественность столицы тепло отметила 80-летие старейшей медицинской сестры — участницы обороны Порт-Артура Анны Дмитриевны Жуковой-Ростовцевой.

Фото Ф. Короткевича.

АКВАРЕЛИ И ГРАФИКА

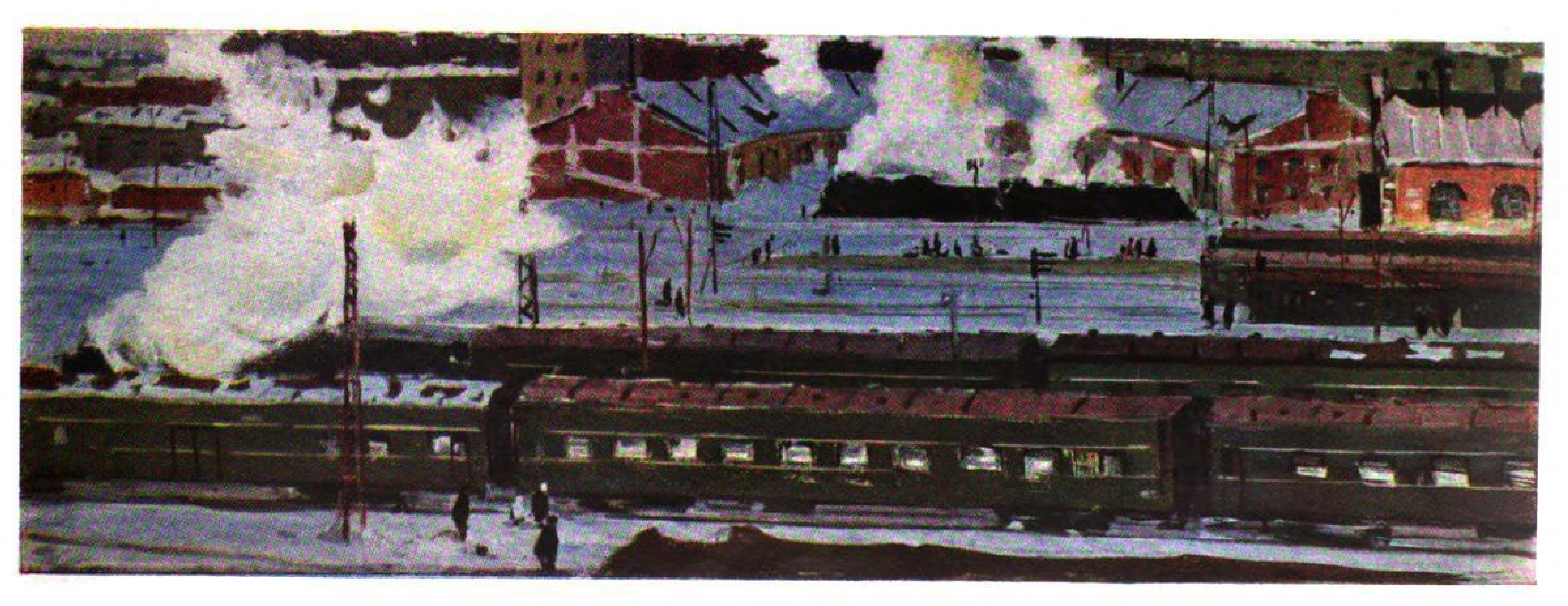
НА ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ 40-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

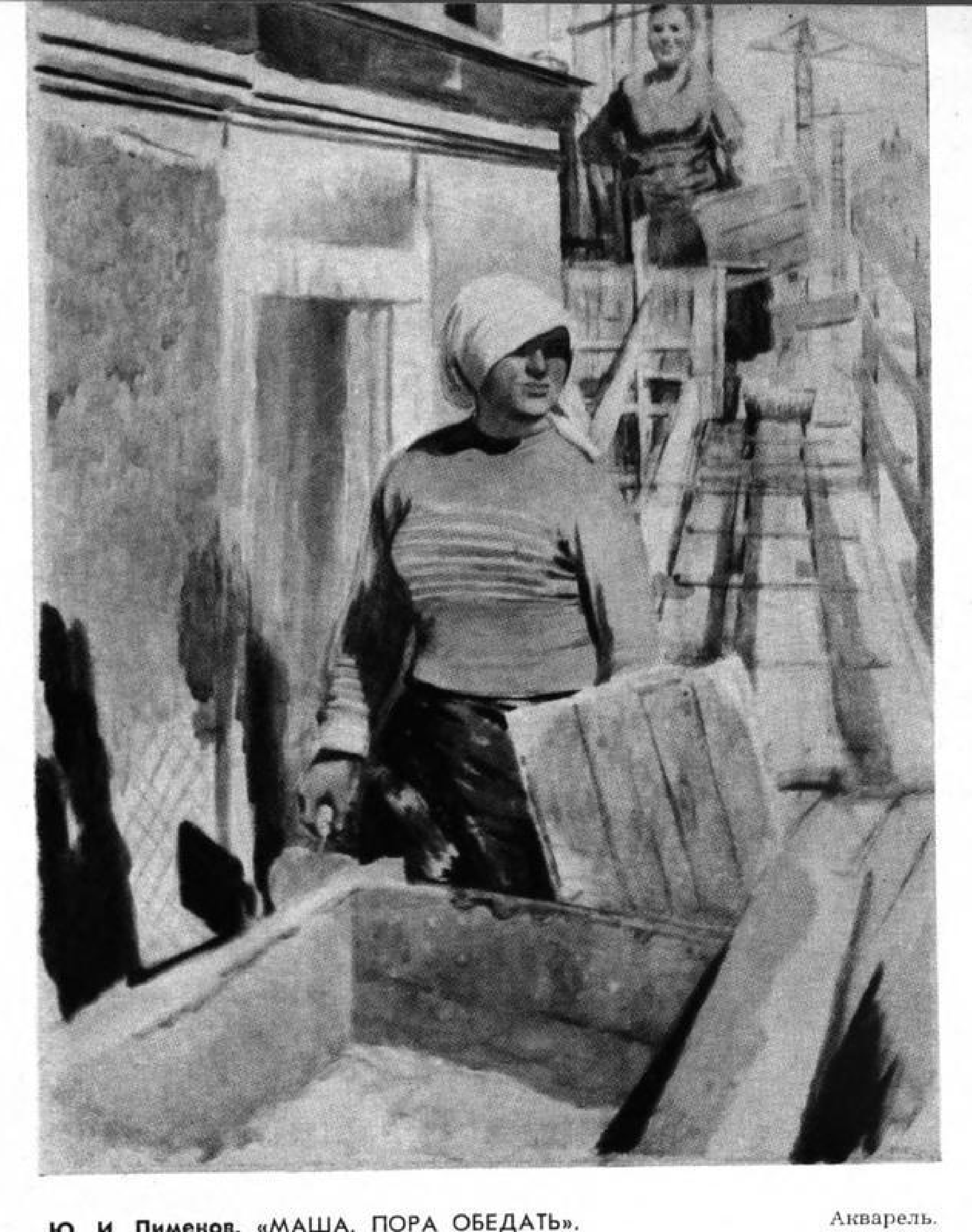
В. А. Новиковский. КОНЦЕРТ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ. Из серии «Металлурги Приднепровья».

Цветная литография.

В. Е. Попков. ТРУДОВЫЕ БУДНИ. Из серии «Транспорт». Цветная линогравюра.

Л. Л. Тукачев. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. Гуашь.

Ю. И. Пименов. «МАША, ПОРА ОБЕДАТЬ». Акварель.
Государственная Третьяковская галерея.

С. П. Герус. РАБОЧИЙ.

Н. А. Пономарев. СВЕРХ ПЛАНА. Из серии «Шахтеры Донбасса». Черная гуашь.

КРЕПИ ТРУДОМ ДЕЛО МИРА!

Сверх плана

ВАНЯ ТЕРАЧИНИ

Рассказ*

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки А. ВАСИНА.

— В Сицилии вам бывать не случалось? Нет? Далековато? А только что ж удивительного при вашей подвижной профессии! Читаешь газету и видишь: то в Англии, то в Китае, то откуда-нибудь из Исландии пишете... А Сицилия, она, в сущности, и не очень-то далеко, особенно для нас, советских людей, которые привыкли просторы тысячами километров мерить... Ну, так если вы там не бывали, может быть, будет и интересно послушать, какая встреча произошла у нас однажды в этой самой Сицилии, о которой мы, грешным делом, как ответим учительнице в пятом классе урок об островах Средиземного моря, сразу и забываем.

Так вот, для начала восстанавливаю географическую обстановку. Если континентальную Италию мы, с легкой руки карикатуристов, представляем себе в виде сапога с ботфортой, то Сицилия в отношении этого сапога будет, ну, вроде бы футбольного мяча. Будто наладился футболист ногой по мячу ударить, но не успел. Между кончиком сапога и мячом осталось небольшое расстояние. Это Мессинский пролив. Вода в нем темно-зеленая, прозрачная, словно расплавленное бутылочное стекло, и по нему, меж материком и островом, курсируют огромные медлительные паромы, похожие на дохлых акул, плывущих брюхом кверху. На них переправляют целые поезда, так что можно совершить путешествие из Неаполя в Мессину, не вылезая из своего купе. Так мы и сделали, потому что в дороге очень устали и, признаться, было не до красот тамошних ландшафтов, в которых нам с устатку все мерещилось что-то оперное.

Ну, а потом мы отдохнули, отоспались в мессинской гостинице, и, когда утром вышли из отеля, все поразились окружавшим нас великолепием: синевой неба, пышностью зелени, белизной домов, которая, казалось, резала глаза, цветами, выглядывавшими на улицу из-за каждого забора, ну, и, конечно, морем, волны которого напоминали нам, северянам, уже не бутылочное стекло, а небо. Да, да, будто два синих неба — одно сверху, другое снизу — были на горизонте так ловко сшиты, что и шва заметить нельзя. Ну, и знаменитая Этна, конечно. Ничего не скажешь, великолепная гора, и выглядит на синем небе, будто написанная акварелью. Снежная шапка на ней сверкает. Дымит эта гора день и ночь, как наш боцман Евстигнеич, который трубки изо рта не выпускает. Однако любоваться видами у нас не было времени: надо было торопиться на вокзал да поспеть к поезду, что отходил на Аугусту — есть такой в Сицилии портовый городок.

Поезда там дизельные, быстрые и короткие, как медвежий хвост. Ходят редко, и потому при посадках такая толкотня, такой шум, что человеку, не знающему языка и незнакомому с сицилийским темпераментом, может показаться, что остров начал опускаться в море и этот поезд — последняя надежда на спасение. Но вот он трогается, и как-то сразу черноокие, смуглые синьоры, которые мгновение назад, казалось, готовы были выцарапать глаза всему человечеству, вдруг становятся милыми, веселыми, необыкновенно общительными спутницами. И вот уже сквозь журчание и озабоченный перестук колес начинают прорываться серебристые звуки мандолины и клочки песни, доносящейся из открытых окон вагона третьего класса, который идет рядом с нашим.

Путь на Аугусту проложен вдоль побережья. Слева синеет, сверкает и вот уж действительно, как у Горького, смеется море, окатывая волной золотые чистенькие пляжики. Справа громоздится каменная гряда — то бурая, то желтая, то серая. И тут, среди этой каменной ржавчины, зеленеют поля, взбираются по склонам вверх виноградники, сереет листва оливковых деревьев. Ну, и, как обязательный атрибут сицилийского пейзажа, торчит перед вами Этна, видная здесь в ясный день, как чудится, отовсюду. Она задумчиво мажет горизонт своим дымом, а если подъехать поближе, видно, как на снежной ее шапке отражаются плывущие по небу облака.

Не надоел я вам своим рассказом? Прошу учесть, что все это, как говорится, только присказка, а сказка впереди...

Ну, едем мы, косимся на море, любуемся на кокетливую Этну, песни, что из соседнего вагона доносятся, слушаем, а в это время идет по коридору контролер, билеты проверяет. Обычный, ничем не примечательный железнодорожный контролер. Худощавый, вежливый, в старенькой, изрядно потертой, но старательно выутюженной форме. Локти и края рукавов у него заштукованы с таким мастерством, что только вблизи можно заметить, что они уже давно протерты. Автоматическими движениями, с профессионально-приветливой улыбкой, которая как бы раз и навсегда приклеена к немолодому худощавому лицу, он, проверив наши билеты, пробивает в них компостером дырочки и, приложив пальцы к козырьку форменного кепи, исчезает за дверями. Этакий служака, состарившийся на железной дороге, для которого жизнь, должно быть, измеряется не днями, а рейсами,

* Из цикла «Далекие друзья».

для которого идеал — пассажир первого класса, от кого может перепасть на чай, а поездные зайцы — главные враги на земле. К этому глубокому выводу приходим мы все, от нечего делать «проработав» незнакомое лицо, появившееся среди нас.

А между тем дорога то отрывается от прибрежной кромки, начинает карабкаться в гору, и тогда клочковатые скалы, как кажется, лезут прямо в окно, то сбегает вниз, и дизельный тягач, обрадовавшись простору, издает ликующее кряканье. Вдруг дверь отворяется. В ней снова появляется давешний контролер. На этот раз в сопровождении проводника и еще какого-то железнодорожного чина, и все они с любопытством смотрят на нас. Что такое? Лезем за билетами, но руки наши как-то сами собой останавливаются на полпути.

Что-то произошло за эти мгновения с человеком, к которому, как казалось нам, раз и навсегда пристала его старенькая, тщательно вытюженная и заштопанная форменная одежда. Профессиональная маска с приклеенной к ней улыбкой как бы сломалась на лице. Живые, очень выразительные глаза по очереди вопросительно осматривают нас — одного, другого, третьего, четвертого. Губы неуверенно, но не по-казенному, а по-настоящему, по-человечески улыбаются. И хотя мы все не писатели, не психологи, а всего только моряки, мы сразу угадываем, что за время, пока поезд полз в гору и сбегал с нее, в жизни этого вытюженного человечка случилось что-то небывалое. На лице его засветилась надежда, которая, видимо, была очень важна для него, и он боялся обмануться в каких-то своих ожиданиях.

— Синьор русский? — спрашивает он.

Это мы поняли без перевода и утвердительно закивали головами. Человек, будто стряхнув с себя остатки своей чинности, вероятно, нарушая все правила, регламентирующие отношения служащих железной дороги с иностранными пассажирами, бросается к нам, начинает по очереди трясти нам руки и с пулеметной быстротой выпаливает одну за другой длинные очереди фраз, не затрудняя себя ни точками, ни запятыми. Говорит он на сицилийском наречии. Я, довольно сносно знающий итальянский язык, ничего не могу разобрать. Но если бы он изъяснялся и на литературном итальянском, все равно мы вряд ли поняли бы что-либо: так быстро строчил его пулемет. Из всего, что он нам сказал в первые минуты, мы узнали только, что его зовут Ваня, так как, произнося это имя, он все время тыкал себя пальцем в грудь. Должно быть, расстреляв всю свою ленту, он вдруг внезапно умолк.

— Ваня Терачини, — произносит он с преувеличенной церемонностью южанина, решившего быть отменно вежливым, и мы, ничего еще не понимая, встаем, и каждый по очереди называет себя. После этого наш новый, так неузнаваемо преобразившийся на глазах знакомый начинает соображать, что все его словесные пули, так сказать, прошли мимо цели и мы из его страстного монолога ровным счетом ничего не поняли.

Тогда из соседнего вагона приводят милейшую зеленоглазую итальяночку с прекрасным овалом смуглого лица и лукавым взглядом Джоконды. Она тоже, хотя и с меньшим интересом, рассматривает наши озадаченные физиономии и выражает готовность перевести беседу с сицилийского наречия. Из ее уст, которые с полным основанием можно назвать коралловыми, мы вдруг узнаем необыкновенную историю появления на свет контролера этой сицилийской приморской железной дороги и тайну его такого странного для католической Сицилии имени — Ваня.

Эта история, как многое в Сицилии, оказывается связанной с Этной, от которой там никуда не спрячешься, как летом в полярном море от солнца, не слезающего с неба ни днем, ни ночью. Вам не доводилось бывать в Арктике? Нет? А я там поплавал... Но это особая история. Вернемся к нашему Ване Терачини.

Так вот, когда этот Ваня еще только намеревался появиться на свет, а его мать, молодая рыбачка, бегала из церкви в церковь, умоляя различных итальянских мадонн, чтобы ее первенец оказался мальчиком, эта почтенная Этна, мирно украшавшая сицилийский пейзаж, вдруг проснулась среди ночи, крепко встряхнула остров и начала буянить, как пьяный матрос в портовом кабаке. За короткое время ее кратер выбросил такое количество пепла, что день не наступил, и никто не увидел в положенное время солнца, и, охваченные паникой, люди заметались по городу в душной мгле. Потом земля начала вздрагивать все сильнее и сильнее; разрушались дома, срывались и неслись вниз скалы. Люди, которые при первых подземных толчках бросились было в церкви, погибли под развалинами.

Вы представляете, что тут началось! Население бросилось к морю, ища спасения на стоящих у причала пароходах. Но капитализм есть капитализм. Почему не нажиться, если есть возможность?! Пароходные компании сразу взвинтили цены. Паника на острове усилилась. Газеты не вышли, телеграфная связь с континентом была прервана. Огромные толпы метались по берегу, у причалов. Прошел слух, что остров стал медленно опускаться. Так это или нет, никто не мог разобраться; все окружала бурая мгла, а воздух все больше насыщался газами. Люди обезумели от страха. Хозяева пароходных компаний, успевшие уже изрядно нажиться на панической эвакуации, сочтя, что собственности их угрожает опасность, отозвали пароходы.

Когда ветер прорвал пелену пепла, люди увидели с берега, что к Мессине приближаются корабли. Это были русские военные суда.

Теперь все надежды устремились на них. Островитяне видели, как с этих кораблей стали спускать на воду шлюпки. Это была нечеловечески трудная работа, ибо вода, казалось, кипела и небывало огромные волны катились по проливу. Сицилийцы — опытные моряки. Они понимали, что подойти на шлюпках к берегу при такой волне почти невозможно. Спасти людей могло только чудо. И вот это чудо свершилось. Шлюпки одна за другой стали подходить к открытым причалам.

Началась эвакуация. Посадкой руководили русские морские офицеры. У них был приказ в первую очередь забирать детей, женщин и раненых, извлеченных из-под развалин. Брали всех подряд: богатых и бедных, без различия положения. Нет, Ваня Терачини не может утверждать, что у них был на это приказ, но его отец-рыбак не раз рассказывал ему о том, что русские моряки с гневом гнали богачей, которые пытались за огромные суммы купить место в лодке. Отец рассказывал, как русский матрос, плечистый, белокурый, огромного роста, принял на руки его жену, мать Вани, и, шагая по воде, отнес ее в шлюпку. Он говорил сыну, что на русских до того случая не обращали особого внимания в Мессине: у них никогда не было столько денег, сколько у французов, англичан или немцев. И тут всех поразило, что матросы, у которых обычно не на что было выпить в портовой таверне стаканчик вина, отказываются от денег... Об этом всегда рассказывали Ване его отец, который еще и сейчас жив, хотя уже давно не рыбачит, и покойная мать, которая до самой смерти молилась и научила детей молиться за своих спасителей.

— Да, да, синьоры, так все и было, и, если бы это было не так, как бы тогда моя мать, бедная беременная рыбачка, попала на палубу русского военного корабля? И как бы я, Ваня Терачини, мог бы, черт возьми, быть встречен на этом свете русским военным доктором, имя которого Врач?..

Все это рассказал нам худощавый контролер с помощью своей смуглой зеленоглазой переводчицы. Вот в память об этом своем спасении и носит, оказывается, наш собеседник, появившийся на свет на борту русского корабля, имя Ваня — в честь того самого белокурого гиганта, который спас его мать.

На вид нашему собеседнику можно было дать лет пятьдесят. Давно это было, но любопытно, что память жителей Мессины хранит рассказы о благородстве русских моряков до сих пор. Забавная деталь: наш Ваня признался, что, узнав в нас русских, он обрадовался и вместе с тем немного разочаровался. Да, да,

По народным мотивам

Сильва КАПУТИКЯН

НЕЗВАНАЯ СПУТНИЦА

На берегу реки вдвоем
С тобой гуляли — я и ты,
Светлы, как юность, и чисты,
Как небеса весенним днем.

Но сплетня тотчас нас нашла.
И, обогнав, на всем бегу,
Оставив нас на берегу,
Она, во весь поднявшись рост,
Перескочила через мост!
И вдаль пошла, пошла, пошла...

Давно вернулись мы с реки
И помним этот день едва.
Но все вперед спешит молва,
Спешит рассудку вопреки...

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Был вечер... В саду под шумящей сенью
Двое бродили во мгле голубой:
Девушка — свежий цветок весенний,
Юноша — с первым пушком над губой.

И, за руки взявшись, как малые дети,
Шептали о чем-то.
А вечер был тих...
Казалось им, что никто на свете
Не говорил этих слов до них.

А по небу тихо луна проплывала
И, слушая их, откровенно зевала.

Перевела Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

* * *

Мы, как солнце и луна:
Рядом наши имена.
Но, как солнце и луна,
Ты один и я одна.
Не сойдутся день и ночь:
Лишь приду — уходишь прочь...
Мы, как солнце и луна:
Встреча нам не суждена!

Перевела Эм. АЛЕКСАНДРОВА.

* * *

Зеленые дороги, неровные, неверные,
Всех вяжут ваши путы любовные, неверные.
Лишь я на бездорожье грущу одна
без милого,
Видать, судьбой пути мне дарованы неверные.

Мой милый за горами, за их грядой печалится,
Ах, добрые дороги, во мгле седой печалится.
Ко мне его ведите, цветы кидая по́д ноги.
Не рано ли, дороги, мне, молодой, печалиться?

Перевела с армянского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

Старый маляр

Эди ОГНЕЦВЕТ

На пенсию дружно его проводили.
Всю ночь не смолкало веселье в дому.
Товарищи ссоры былые забыли,
Былые обиды простили ему.

Они пожимали рабочие руки,
На стройку для многих открывшие путь.
— Живи на здоровье!
Вон выросли внуки!
Пора, бригадир, и тебе отдохнуть.

— Известно, пора!
И гостей проводил он,
И долго зачем-то стоял у окна.
Заря молодая восток золотила...
Как легкий туман, проплывала весна.

Как будто с висков своих сбросивши иней,
Маляр непокорно тряхнул головой.
Кварталы вставали за дымкою синей —
Свидетели славы его трудовой.

— Ну, что ж, отдохну!
Он прилег для начала,
Парадного даже не сняв пиджака.
Потом на жену и на внука ворчал он,
А к вечеру понял,
что это тоска.

Ему не хватало прорабов сварливых,
С которыми он без конца воевал.
Мальчишек ему не хватало шумливых,
Которых учил
и «мурзилками» звал.

Тяжелые мысли роились, как пчелы.
Бессонница ночью сводила с ума.
Маляр стосковался по краскам веселым,
Которыми прежде он красил дома.

А утром свою пенсионную книжку
В комод положил он. (Лежи в тишине!)
Потом он привычно забрался на вышку
И стены покрасил на зависть весне.

Перевела с белорусского
Ольга ВЫСОТСКАЯ.

именно разочаровался. Дело в том, что в представлении семьи Терачини русские все — русоволосые великаны, говорить они должны так, чтобы стекла тряслись, иметь кулаки с добрую дыньку и еще почему-то должны обязательно хорошо петь. То ли матросы наши действительно певали по вечерам, пока мать Вани после трудных родов отлеживалась в судовом лазарете, то ли, по мнению сицилийцев, хороший человек обязательно должен иметь голос и слух, но только русские представлялись Ване Козловскими или Лемешевыми, и, оказавшись людьми обычными да к тому же еще безголосыми, мы его разочаровали.

В этот день поездным зайцам было раздолье. Они могли беспрепятственно ехать на Аугусту, развалившись на диванах первого класса. Ваня Терачини все рассказывал, рассказывал, рассказывал, до тех пор, пока зеленоглазая Джоконда, приустав, не начала проявлять явных признаков нетерпения.

— Может быть, вы знаете фамилии тех, кто вас спасал? — спросил самый младший из нас.

— Конечно, много! — закивал головой наш собеседник. — Я хорошо помню их имена. Мать записала их в семейный молитвенник. — И он отчетливо назвал, в хорошем русском произношении: Ваня, Михаил, Врач, Федор и Огурец.

Мы чуть не рассмеялись по поводу Врача и Огурца, однако вовремя спохватились, понимая, сколь неуместно будет разрушать семейную легенду Терачини.

Потом Ваня ушел вместе со своими спутниками, уведя с собой и зеленоглазую переводчицу.

Было уже поздно. Солнце, как это бывает только на Средиземном море, как-то разом нырнуло в воду, с гор повеяло душистой прохладой, и, высунувшись в окно, мы увидели в густевшей темноте странное зрелище: все море сверкало фосфорическими вспышками. Спешившая к причалу лодка чернела, как сладкий стручок, который тут служит самым демократическим лакомством. Справа и слева от нее все время сверкала, как бы вспыхивала, вода, поднятая веслами. Мы так увлеклись этим зрелищем, что вздрогнули, когда кто-то кашлянул у нас за спиной.

В дверях стоял Ваня Терачини. В руках он держал плетенку, в которой золотились огромные мессинские апельсины, а обоими локтями прижимал бутылки вина, оплетенные соломкой. Он расставил все это на столе, жестом пояснил, что принесенное предназначено для нас, а когда черт дернул одного из нас полезть в карман, гневно посмотрел в его сторону и выбежал из купе.

Больше мы его не видели. То ли бригада сменилась на одной из станций, то ли он снова застегнулся на все свои форменные пуговицы и не захотел докучать пассажирам первого класса, то ли обиделся на неудачный, хотя и вполне естественный, жест нашего спутника. Но слава наша ехала вместе с нами и даже каким-то образом опережала поезд. Даже ночью на станциях мы видели у окон вагона веселых людей, которые, улыбаясь, помахивали нам руками. Но это явно было уже работой девушки с улыбкой Джоконды, так как среди них, где-то на втором плане, все время виднелось ее смуглое личико и сияли ее плутоватые зеленые глаза.

Василий Гайдамак.

Фото С. Малобицкого.

Человек строит мост

А. СТАРКОВ

Человек родился в степном селе, близ которого, да и на сотни верст в округе, не было ни реки, ни речушки, ни самого малого ручейка. И мост через реку увидел он первый раз в жизни двадцати шести лет от роду, когда отправился с Алтая в Донбасс на заработки. То была грохочущая под вагонными колесами железная громада, повисшая над черной, маслянистой водой. И было боязно глядеть туда вниз: кружилась голова, и дух перехватывало от страшной этой высоты. И мог ли подумать тогда Василий Гайдамак, что ему всю жизнь мосты строить!

А получилось это так.

Он возвращался с Донбасса на Алтай. В Новосибирске — пересадка. Сидел, поджидая поезда, на вокзальной площади, подремывал на сундучке. Вдруг кто-то окликнул:

— Ва-ась!

Вздрогнул, обернулся: Петр Шаповалов, односельчанин, в брезентовой куртке и таких же штанах.

— Ты домой, Василий?

— Домой. А ты?

— А я, брат, живу тут...

— На заводе, что ли, устроился?

— Нет, на реке. Мост через Обь наводим. Кессонщик я...

— Чего, чего?

— Кессонщик, говорю. Хошь поглядеть на мою работу? Тут поблизости...

До поезда оставалось чуть не полсуток. Куда время девать? Пошел с земляком. Река была широкая, в Донбассе таких не видел.

— Вон наши быки,— сказал Шаповалов.

Он показал на торчавшие из воды огромные каменные пни. Поверху досками обшиты, а над досками какие-то железные трубы и коробки.

— Где ж она, твоя работа?

— Там, под водой...— сказал Шаповалов.

И объяснил: чтобы мост навести, надо сперва быки поставить — опоры из бетона. Ну, а как его, бетон-то, под водой уложишь? Реку разгораживать и воду выкачивать? Морока! Да и судам где ходить? Вот и сыплют в том месте, где быть опоре, песок или мелкий камень. И подымается из воды насыпной островок. А на островке ставят железобетонный ящик — кессон. Крышка у него есть, а дна нету. В крышке дыра для трубы. Вон она торчит. Она не цельная, из кусков. Их наращивают один на другой, потому как кессону на дно реки уходить. Он и ниже пойдет, метров на 30 может зарыться. Сразу этакую трубищу неудобно ставить. Вот ее и растят постепенно. По той трубе спускаются в кессон люди. И там, внутри, выгребают грунт, сперва островок разгребают, а потом и до «материка» добираются. Дышат как? А им все время воздух подают. Гонят его под высоким давлением машины — компрессоры. И не дает он прорываться воде, вытесняет воду. А то бы она кессон затопила. Давит, понятно, тот сжатый воздух и на людей. Нелегко им. Но народ на подбор, здоровый. Работают. Все глубже и глубже осаживают кессон. А пока он садится, наверх ему, на крышку, другая бригада слой за слоем бетон кладет. Вон доски видать. Так то опалубка. Вырастает вот так, в воде, бетонная махина. Кессон ее на себе держит. Выдержит? А как же! Недаром его на большую глубину загоняют. А загнав, еще и бетоном изнутри набьют. Это все, брат, и называется мостовой опорой и на века рассчитано!

Так примерно объяснял земляк, и хотя Василий не все понял, рассказ Шаповалова завлек его. В Донбассе он работал под землей, уголек добывал. Думал, вернется в родные Кочки, всех дружков удивит. Шахтер! А Петька Шаповалов, глядишь, и переплюнул. Под водой! Был Василий Гайдамак тогда молод, горяч. И на вокзал не вернулся. Ночь переночевал в общежитии строителей моста, с Петром на одной койке. А утром — на медицинскую комиссию. Прошел в кессонщики по всем статьям. В трубку спирометра он так дунул, что кружка выскочила и истинный объем его могучих легких определить не удалось.

Мост через Обь уже заканчивали, вернее, кончали установку опор. А порядок в ту пору был такой: кессонщики, исполнив свою часть дела, поставив быки, уезжали на новый объект, и монтаж шел без них. С Оби Гайдамак попал на Иртыш, в Омск. Между прочим, ехал он туда уже

не один — с семьей. Марфуша его, не дождавшись мужа в Кочки, явилась с малым Ванюшкой в Новосибирск. Переступив через порог, обругала благоверного, что до дому не доехал. Но с днем ее приезда совпала получка, и женушка быстро сменила гнев на милость: кессонщикам платили лихо.

На Иртыше, как и на Оби, мост был железнодорожный. Такой же и на Зее, куда Гайдамак угодил с иртышских берегов. Туда, на Дальний Восток, отправилась с ним и семья. На этот раз он был сам четвертый: в Омске родилась дочка Аленка... А с Зеи — на другой конец страны, в Ленинград. Теперь, переезжая через реки, Гайдамак глазами знатока оглядывал мосты. А через Обь и Иртыш он ехал по мостам, которые сам строил. Открыв окно вагона и высунув голову, он старался заглянуть под мост: ну, как там опоры? Стоят? Стоят!.. Из Ленинграда — под Каширу, на Оку. Марфа Леонтьевна оказалась лёгка на подъем, какой, собственно, и должна быть жена мостовика, человека кочевой профессии. Она мигом собиралась в дорогу: два узла, ребят в охапку — и айда на вокзал!

Четыре года не был Гайдамак в Кочках. Только из Каширы выбрался на побывку в родные места. В ту пору строили второй путь Транссибирской магистрали, прокладывали много новых железных дорог. А на каждой — десятки мостов. Не хватало кессонщиков, монтажников, и всех уезжавших в отпуск просили вербовать людей. Гайдамак постарался. Он вернулся из отпуска с целым выводком алтайских парней с нежными украинскими фамилиями: Нерозя, Коломиец, Демешко, Глушко, Угненко, Евтушенко. Это были внуки полтавских хлеборобов, которые, как и дед Гайдамака, и, говорят, под его водительством, ушли когда-то в голодный год искать счастливые земли на востоке и осели в Кулундинской степи. Нынче молодой Гайдамак увозил своих товарищей в новую для них жизнь... К тому времени среди кессонщиков образовалось уже несколько землячеств. Шла слава о дружных спас-деменских ребятах из-под Калуги и уваровских с Тамбовщины, о смельчаках из саратовского села Романовка. И вот появились кочкинские кессонщики, которыми верховодил Василий Гайдамак и которых называли потому «гайдамаками».

Первым мостом, на строительство которого попала бригада алтайцев, был мост через Ахтубу, близ Астрахани. Ох, и досталось же на том мосту! Ахтуба неглубока, но илиста. А за илом такой же рыхлый, как ил, грунт. И, чтобы достичь тверди, которая удержала бы опору, надо было опуститься на 38 метров. А с каждым десятком метров вниз давление воздуха, нагнетаемого в кессон, повышают на одну атмосферу. Иначе не сдержать напора глубинных вод, атакующих кессон. И вот на глубине 38 метров люди испытывают на себе давление сжатого воздуха, которое почти на четыре атмосферы превышает обычное. А это уже на пределе того, что может выдержать человек. Под таким «грузом» врачи разрешают работать не больше часа. А потом кессонщик час вышлюзовывается. Как пароход в шлюзе, его постепенно «спускают» в особой камере по незримым «ступенькам» — с высокого давления к нормальному. Это во избежание коварного «заломая», как метко называют кессонщики свою профессиональную болезнь, от которой ломит в костях.

Вышлюзовывался однажды Гайдамак. Только-только поднялся с большой глубины, и его еще держали на первой ступени «шлюза». Час без малого предстояло ему сидеть, привыкая к нормальной атмосфере. И вдруг в соседней камере, где находятся подъемные механизмы, раздался страшный треск, будто лопнул гигантский газовый баллон. И сразу же свист, шипение. Видно, выбило там прокладку в герметически закрытой двери. И сжатый воздух рвется в щель. Мигом сообразил это Гайдамак и перепугался за аппаратчика, который стоит у механизмов. Сейчас там не очень-то опытный парень. Ах, бедолага, никак не может забить щель: свист и шипение все нарастают. А неловко повернется, и самого придавит к стенке. Уходит воздух из кессона! Вот-вот хлынет вода. А там, внизу, люди... Все это мелькнуло в голове у Гайдамака: аппаратчик, которого может расплющить, кессонщики, которых зальет. Только о себе забыл! О том, что ему угрожает «заломай». Рванул аварийный клапан, выскочил наружу, схватил широкую доску и обратно в «шлюз». А оттуда в соседнюю камеру, где случилась беда. Так и есть! Аппаратчик сорвал уже с себя и куртку, и фуфайку, и штаны, пытаясь задраить ими дверь. Но яростный воздушный поток втянул все эти вещички в щель и вытолкнул. Ну, доску-то он не протолкнет! Доску он прижмет и сам себе преградит дорогу. Вот так! Щель закрыта. Давление выравнивается, и можно звать слесарей. Опасность устранена. Но над бригадиром она еще только нависает — «заломай»! Гайдамак за каких-нибудь три — четыре минуты перемахнул через все «ступени» шлюзования, испытав на себе резкую смену давления. Но «заломай» не взял его в этот раз за грудки, пощадил. Словно отдавал должное отваге Гайдамака...

И еще один случай — на Ипути, под Гомелем. Это шел уже десятый его мост. Ипуть была совсем тихая, застенчивая речушка. И вот эта-то тихоня, которой не могли нахвалиться мостовики, взяла и совершенно неожиданно (как это, кстати, бывает иногда с тихонями) устроила им неприятность. Подмыла исподволь островок, и стоявший на нем кессон, достигнув уже почти дна реки, начал крениться и сошел, по выражению строителей, с «оси опоры». А вернуть его в прежнее положение очень трудно. Тут кессонщикам надо набраться терпения и медленно, буквально горстку за горсткой выбирая грунт, приподнимая то один край кессона, то другой, выпрямлять его, выпрямлять осторожно, чтобы окончательно не завалить... Да, уж повозились на Ипути «гайдамаки»! Вот выправили ящик, поставили точно по оси. Надо его дальше осаживать, а он уперся, не идет.

— Встряхнем! — сказал Гайдамак своим ребятам, отсылая их наверх.

Там, наверху, мастер ждет сигнала от бригадира.

— Перекрывай! — командует снизу Гайдамак.

И мастер перекрывает клапан сжатого воздуха. Это-то и должно встряхнуть кессон. Но мастер осторожен: внизу человек. Сильно встряхнуть—рисковать жизнью этого человека. Клапан закрыт только минуту, не больше. Снова идет по трубе воздух. Но мастер не знает, что Гайдамак перехитрил его. Гайдамак, понимая, что мастер будет осторожен, захлопнул задвижку трубы. Так что по трубе-то воздух идет, а в кессон не поступает. Вот теперь встряхивает! Сильно, резко, как и хочет Гайдамак, смелый человек. Кессон стремительно движется вниз, выдавливая грунт. Эта тяжелая, липкая масса подступает к шахтному отверстию. Еще немного, и она завалит, замурует выход. Еще немного, и хлынет вода. Гайдамак срывает задвижку. Воздух! Кессон останавливается. Угроза миновала. Рискованно? Рискованно. Но и с точнейшим расчетом. С верой в свой опыт...

А потом был Кавказ: Кура, Гумиста, Хошупсе, Бзыби... Вот у горянок этих характер ясный, прямой, у всех на виду: шумят, бурлят, клокочут. И с ними схватка в открытую, с первых минут схватка. Кура сносила подмости, а их опять ставили, она сносила — их снова ставили. Она угоняла лодки, катера, плоты — натянули подвеску и сверху подбирались к реке... Здесь, на Кавказе, Гайдамак и его орлы начали понемножку изменять своей профессии кессонщиков: они еще и плотничали, и бетон клали, и вели монтаж мостовых ферм. «Гайдамаки» были сильны, выносливы внизу, под сжатым воздухом, и удивительно ловки на высоте, среди стальных переплетений, на вольном ветру. Очень сложный был мост через бурливую Бзыби, возле Гагры. Левобережную его часть спроектировали полудугой, потому что горы на этом берегу подступали вплотную к реке и требовался поворот для поезда. Порядком помучились с той полуподковой. Последние фермы ставили под бомбами: шла война...

На войне Гайдамак не ходил в атаки, не стрелял, но был в самом ее пекле... Мостовосстановительный поезд двигался сразу же вслед за наступающей армией, а часто и вместе с ней. К мосту через Ипуть подъехали, когда он еще был цел. И видели, как рухнул крайний, береговой пролет. Остальные устояли, под остальными немцы не успели уложить взрывчатку... Да-да, это был тот самый мост, который Гайдамак строил. Тот, в кессоне которого рисковал. И взорванное пролетное строение лежало как раз на этой опоре. Убрали скрюченное, еще горячее железо, вколотили между быков сваи, а на сваи — настил, а по настилу — рельсы. И вот уже мост стоит, как раненый солдат, которому на поле боя перевязали рану, и он снова рвется в бой... Так и под Речицей, в верховье Днепра: боковые пролеты сохранились, а средний — в воду. Поднимали его домкратами, не оглядываясь на падавшие близко снаряды. Так и у Жлобина: наша пехота форсировала Березину, а танки не смогли закрепить успеха, они сгрудились у разрушенного моста. И подступиться к нему восстановителям было почти невозможно: враг держал его под прямой наводкой. Но почти невозможно — значит возможно! Под обстрелом, который не утихал ни на час, уложили на полувзорванные быки двухтавровые откинутые взрывом, но уцелевшие балки с настилом, открыв дорогу танкистам. На том жлобинском мосту Гайдамака, как он после рассказывал, «крепко шлепнуло». Накрыло землей, которую взметнул снаряд, накрыло так, что и сейчас спина нет-нет да и заноет.

Припять... Украинская земля, земля деда! На Припяти Гайдамак получил похоронную. Ваня... Сынок, которого Марфа привезла на первый мост в Новосибирск. И который все время ездил с ними по стране. Каждый год учился в новой школе, в новом городе. Шутил, что ему бы в географы. А собирался в железнодорожный, на факультет мостов. Дороги войны стали ему тем факультетом. Сапер! Переправы, переправы, переправы... На какой из них принял ты смерть, сынок? А живым — жить. Живым еще много мостов построить на земле...

После войны Днепр в Днепропетровске, Волга в Астрахани, Томь за Сталинском в Кузбассе, снова Обь в Новосибирске, Енисей в Красноярске...

Вот тут, на Енисее, мы и повстречались с Василием Антоновичем. Он рассказывал про свою жизнь, и это была повесть о мостах. Они заполнили его жизнь и даже сны его. «Чуть не каждую ночь снятся»,— сказал мне Гайдамак. Я напряг фантазию, и представился мне один из его снов, тот, что мог ему присниться, скажем, нынешним летом, когда он отдыхал в родных своих Кочках.

...В избу вошли мосты. Их было много, но они быстро и бесшумно разместились, и даже оставалась еще свободная площадь. Молодежь пропустила вперед ветеранов. Самое лучшее место — на комоде — занял пожилой, но сохранивший изящество фигуры, стройный, ажурный мост. Он заговорил первым и, поскольку находился на комоде, свысока поглядывал на всех.

— Я Володарский мост из Ленинграда,— представился он.— И все вы, конечно, слышали обо мне, потому что я спроектирован самим Григорием Петровичем Передерием, знаменитым академиком. Про меня очень много написано в книгах. Напомню только, что на строительстве моих опор были впервые применены наплавные кессоны.

Но тут его перебил чей-то раздавшийся от окна грубоватый, окающий голос:

— Кессоны, уважаемый, и даже наплавные кессоны, уходят в область предания. Нынче более передовая техника. Вы слышали что-нибудь о современных свайных фундаментах? Вы видели мощные копры и вибропогружатели, которые загоняют железобетонную сваю на огромную глубину? А я видел, я испытал такое. Одна из моих опор на сваях. Когда меня строили, это был первый опыт, а теперь...

— Кто вы такой? — спросил ленинградец, который был явно обескуражен.

— Вы не дали мне закончить мысль. Я хотел сказать, что свайный способ вытесняет и окончательно вытеснит кессоны. Вы

Василий Ягола.

знаете, какое это ускорение строительства? И как это облегчит труд!.. Вы спрашиваете, кто я такой? Я астраханский городской мост и стою, как вы догадываетесь, на Волге. Мой средний пролет длиной в 230 метров! Не верите? Измерьте, я повернусь к вам боком...

— Разрешите вопросик? — крикнули из задних рядов.

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, а какие у вас плиты?

— Обыкновенные. Железобетонные. Лежат поверх балок.

— И давят на них?

— Ну, конечно, давят, а как же иначе?

— А вот так. Взгляните на меня. Мои плиты — не ленивицы вроде ваших, они не балласт, они включены в работу всей конструкции. Экономия металла! Запишите мой адрес: Новосибирск. Только не спутайте со старым железнодорожным мостом. Я новый, городской.

— Запишите и мой адрес,— попросил еще один мост. — Я в Красноярске. Я интересен тем, что весь из сборного железобетона.

— Позвольте, позвольте! — прозвучал звонкий, на очень высокой ноте голос.— Ведь вы еще не существуете, вас еще строят. Это только в сон вы явились готовым. А я давно готовый. Я хоть и не велик и стою на маленькой кавказской речке Хошупсе, но заслуживаю внимания. Мои надсводные строения тоже из сборного железобетона, и это сделали еще до войны.

А мосты все прибывали и прибывали, в комнате не оставалось уже места, и опоздавшие размещались в сенях. Оттуда, из сеней, с трудом пробился к дверям в комнату мост, у которого крайний левый пролет был посветлее, поновее остальных.

— Я с Ипути,— сказал он.— Тут все говорят, как их возводили. А кто возводил? Почему забывают о тех, кому мы обязаны своим рождением? Меня строил и лечил после ранения Антоныч...

— Антоныч? — переспросил Володарский мост. — Не Василий ли Антонович Гайдамак, который строил меня в 1934 году?

— И меня, — сказал старый новосибирский мост, к которому тут же присоединился новый:

— И меня...

— И меня!.. И меня!.. И меня!..— раздавалось со всех сторон.

— Антоныч!.. Антоныч!.. Антоныч!.. — неслось отовсюду.

— Антоныч! Да проснись же, Антоныч... — будил Гайдамака его сосед Иван Евтушенко, один из «гайдамаков», живущий нынче на пенсии в Кочках. — По радио Указ передают. Героя тебе дали...

— Почему героя? Какого героя? — протирал глаза Гайдамак.

— Героя Социалистического Труда!

Вот такими представил я себе сон и пробуждение Гайдамака.

...Я рассказал о старом мостовике молодому — Василию Яголе, тоже Герою Социалистического Труда. Он киевлянин, но познакомились мы в Москве, на строительстве метромоста в Лужниках.

Москвичи видели нынешним летом, как плыл этот мост по реке. Скажут: не весь плыл, а только кусок, его речной пролет. Но пролетец такой, что и за целый мост мог сойти: 5 тысяч тонн в пролетце! И этакую громадину собрали на берегу и подали в готовом виде на реку. Ставьте, монтажники!.. Такого еще не было в мостостроении. Но не только этим славен метромост. Он стоит на глубоких свайных основаниях, которые заменили кессон. Он полностью, на протяжении всех своих двух километров, из сборного железобетона. И он не просто мост, а еще и станция метро «Ленинские горы», которая займет весь его первый этаж над рекой. Вот такого еще не было и в метростроении. Но самое удивительное, что все это огромное и сложнейшее сооружение поставлено за полтора года. А в Москве нет крупного моста, на который потратили бы меньше трех лет. Быстро строили в Лужниках, а в последние, предпусковые дни просто невиданными сверхтемпами строили.

Я в те дни вернулся как раз с Енисея, из Красноярска, и, наслышавшись там о мостах, отправился на берег Москвы-реки. С Николаем Николаевичем Тихоновым, заместителем главного инженера, шли мы вдоль эстакады. Сейчас этот «второй этаж» моста стал уже обычной дорогой для москвичей, влившись в Комсомольский проспект. А тогда, в октябре, левобережная часть эстакады обрывалась над рекой. Правой же и до реки было еще порядочно. В соревновании берегов левый явно опережал.

— Еще бы! — сказал Тихонов. — Приехали киевляне, Василий Ягола с бригадой. Дюжина таких хлопцев, таких орлов!.. Мы их сюда, на отстававший левый участок. Сразу рванули вперед... Вон он, Ягола.

Наверху, на самом краю эстакады, спиной к нам стоял человек. Правая его рука энергично и выразительно разговаривала с портальным краном, несшим в зубах железобетонную балку. Выполняя приказания руки, кран точненько поднес свою ношу и мягко опустил ее к ногам человека.

Вечером мы встретились с Василием Яголой в гостинице. Я пришел поздно, в одиннадцатом часу, но бригадир, видно, только что вернулся из Лужников, помылся под душем и теперь, раскрасневшийся, с мокрыми еще волосами, торопливо ужинал, аппетитно откусывая от целого куска колбасы и запивая лимонадом.

— Ну, наився, аж лоб твердый,—сказал он, прибирая на столе. — Голодный був, як тот вовк. Днем нема часу на обид...

Чтобы начать как-то разговор, я рассказал про поездку в Красноярск, про встречу с Гайдамаком, про то, что мосты ему снятся.

— О, це дило!.. — сказал с завистью Ягола. — Я ж, як мала дитына, ниякив снив не бачу...

Он и в самом деле был, кажется, огорчен, что не снятся ему сны, как Гайдамаку. Услышал о старом мостовике и сам потянулся к воспоминаниям. А начав, разохотился. И для меня это была вторая повесть о мостах, конечно, более короткая, чем первая. Но если уж сравнивать, то и у того и у другого мосты заняли почти по полжизни: у Антоныча двадцать семь лет из пятидесяти пяти, у Васи четырнадцать из двадцати девяти.

Ягола рассказывает вкусно, весело, зримо, как истый украинец. И все, о чем он говорит, я вижу. Вижу худенького кудрявого хлопчика, которого дядька, брат матери, привел на Дарницкий мост в Киеве. Хлопчик еще «беспачпортный», и его хотят отослать обратно в село. И выручает только угроза дядьки, что он тоже уедет, а дядька — первостатейный монтажник. А через год нет уже в мостоотряде верхолаза смелее того хлопчика. Он просто не понимает, что такое высота, она для него не существует. Ему одно, что по Крещатику пройти, что по узенькой рейке над рекой. Там, наверху, он, как птаха на ветке. Только что не прыгает. Но был раз и прыжок.

Полез на канатную дорогу «башмак» менять. С поясом полез, с цепью, но не прицепился. Спешил. Начал откручивать болт, а он проржавел. Уперся ногами посильней, рванул ключом, опрокинулся и вниз с двадцати метров. Удачно: ногами в воду, головой выплыл.

— Не убився, но зашибся. Сам упав, нихто не спихав. А як бы знав, де впав, то и соломки пидстелыв...

Смелости в нем после того полета не убавилось, а осторожности прибавилось. И еще кое-чего прибыло: возраста, роста, силы, опыта. В 18 лет — бригадир.

...В те дни я читал о мостах. И, идя к Яголе, прихватил с собой недавно вышедшие «Воспоминания» академика Патона, знаменитого нашего мостостроителя и изобретателя автоматической сварки. На обложке большой его портрет. Пока мы беседовали, книга лежала под моим блокнотом, но вот он сдвинулся, и показались запорожские усы Патона. Ягола сразу приметил их и узнал:

— Це знакомый мени дид!

Взял книгу, перелистал.

— Бачьте, це наш мист!

Показывает снимок. Торжественное открытие моста имени Патона в Киеве. Над колоннадой реют флаги. У въезда на мост трибуна. Тысячи киевлян слушают оратора... Ягола находит в толпе своих дружков из бригады. Вот Алеша Плужников, вон Ваня Валуйко, Микола Рудь. Только его, Василия, нема. Такая уж у него планида. Как открытие моста, так он хворый. Открывали Дарницкий, лежал в больнице с повязкой на глазу: стружка попала. Открывали вот этот. Патоновский, тоже был в больнице: воспаление легких. В тяжкую погоду простудился. Зимой же. когда монтировали пролетные строения. в мороз, в ветрягу. никакая хвороба не брала.

А мост — чудо! Патон пишет: «Мы... мечтали создать цельносварной мост, мост без единой заклепки... Тридцать пять лет жизни я отдал мостам. Двадцать пять последних лет занимался электросваркой. В этом цельносварном мосту через Днепр воплощался итог всей моей долгой трудовой жизни: электросварка встретилась с мостостроением, и эта встреча принесла советской науке и советской технике новую победу...»

Ягола и его хлопцы монтировали на том мосту стальные конструкции под сварку. А варили автоматами, патоновскими «тракторами», которым только подавай да подавай металл! И уж не ошибись! Чуть скосил балочку в 40 тонн, мигом прошьют огненной нитью, и не перекроишь. Под рентген принималась работа...

Василий Ягола в отличие от Василия Гайдамака мало ездил по стране. Хватало дел и в Киеве! Дарницкий мост, мост Патона, Парковый, Воздухофлотский путепровод... Вот в Москву приехали. Да три года назад побывали на целине!

Там, в Оренбургской степи, прокладывалась железная дорога к новым глубинным совхозам. Надо было подготовиться к вывозке первого целинного урожая... Киевляне прибыли весной. Но весна тут не украинская. В марте страшенные морозы — 35°. Яголу и «яголят» посадили в вагон, стоявший на санях, и трактор потащил их в степь. Стирали снеговой водой, пили снеговую воду... До тех пор они имели дело со степенным, уравновешенным Днепром. В Приуралье речушки малые, но озорные. Весной все крушат на своем пути, летом, набушевавшись, замирают. Мостов было запроектировано много, и все из сборного железобетона. По проектам, пролетные строения предполагалось накатывать на опоры с берега. Но Ягола попробовал другой способ — прямо с реки. И закончили сборку моста на Бастыбае за три дня.

Василий рассказывает про этот способ, а мне не все ясно.

— Як же мени зробыти, щоб вы зрозумили? — волнуется Ягола, открывает дверь и кричит в соседнюю комнату: — Алеша, Петро, Микола!

И являются Алеша, Петро и Микола. Про Миколу, худенького, чернявого, Василий говорит:

— Братусь мий молодший...

— Так вы же совсем не похожи!

— Я-то на него похожий, это он на меня непохожий, — почтительно шутит младший.

— Сказав, як гвиздком прыбыв, — одобряет шутку старший.

Трое, явившись на подмогу бригадиру, подсаживаются к столу. Теперь они вчетвером объясняют мне про мост на Бастыбае. Но строить, наверно, легче, чем объяснять. Они стараются. Один набросал чертежик, второй, сдвигая и раздвигая стулья, пытается наглядно показать, как они надвигали пролетное строение, третий поправляет второго. И вдруг я замечаю, что они уже вовсе не про Бастыбай говорят. Их мысль невольно перекинулась на Москву-реку, к сегодняшним заботам. Рождается какой-то план, который непременно нужно завтра же осуществить. Мне трудно вникнуть в техническую суть разговора. Но я вижу, сколько огня в этих чудесных хлопцах!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Добро

Брился Коровин остервенело, крякал от боли, ругался вполголоса, но твердая рыжая щетина плохо поддавалась бритве. Он тряс большой головой на тонкой жилистой шее, из которой остро торчал кадык, тер подбородок широкими мозолистыми ладонями.

— Рубаху!

Манефа, его жена, в широкой юбке, скрывавшей формы сухого тела, подала косоворотку. Натянув ее, Коровин взглянул в зеркало. Оно висело в тяжелой резной раме, с наклоном от стены, и Коровин выглядел в нем еще ниже, еще более кривоногим.

— Налей-ка, — попросил он и, когда жена подала стакан, сказал себе: «Ну, будем здоровы!», — процедил сквозь зубы мутную брагу и вытер рот рукавом.

В кухне Коровин надел старый полушубок, порванный во многих местах, с вылезшими клочками шерсти, ноги всунул в залатанные, подшитые брезентом валенки.

— Петя, — жалобно позвала жена, — пойду я, а?

— Проверь сундук, — сказал Коровин, подпоясываясь веревкой. — Сон приснился мне, будто моль валенки жрет. Сыпни нафталину.

— Все бабы идут, все, а я... — И Манефа умолкла, увидев, как сжались сухие, бескровные губы мужа.

Гулко хлопнула, как крышка у погреба, дверь. Манефа выпрямилась, туже затянула узел платка, закрывавшего лоб по самые брови, и подошла к огромному кованому сундуку.

Гитарным перебором прозвенел замок, с визгом скрипнули ржавые шарниры, и на женщину дохнуло плотным запахом нафталина и слежавшейся одежды.

— Добра-то, добра-то сколько, — удивленно прошептала Манефа, — носить не переносить...

Медленно, будто машинально, доставала она и раскладывала на полу вещи: пальто, полупальто, плащи, валенки, костюмы, сапоги, сапожки, платья — все новое, ненадеванное. Вот уж и ступить некуда. Манефа, вытянувшись, замирая от страха и удовольствия, ходит прямо по добру из угла в угол, из угла в угол. Ей становится не то жарко, не то душно. Она срывает с головы платок. Рассыпаются густые волосы. Широко шагает Манефа.

Резко остановившись, она берет шубу, встряхивает, и блестки нафталина, подобно снегу, засыпают пол. С брезгливой усмешкой кладет Манефа шубу в сундук и вдруг, сразу обессилев, опускается на пол.

Открыть бы ясным утром сундук и увидеть, что все добро сгнило! Или выбросить бы его в осеннюю грязь и трактором переехать! Чтоб пустым этот сундук был, как тогда, когда Коровин привел ее к себе в избу, молодую, поначалу пугливую от мужской близости. Стыдливый тогда он был, краснел, помнится, если жена звала средь бела дня, приманивала, хохоча, сама удивляясь своей смелости, ласковый, помнится, был.

А теперь сидит она на добре, вспоминает, как у мужа во сне губы шевелятся: считает, должно быть, пересчитывает. Уж лучше бы зазнобу, что ли, приобрел да одаривал, а то все в сундук, в сундук, в сундук!

Перед людьми бедным прикидывается, а дома от нафталина кашляет. Давно уж без радости живет, завистью одной кормится. Только и заботы: купить бы чего-нибудь — и в сундук, как в нору.

И виделось Манефе: полыхает изба ярким пламенем, лезет Коровин прямо в огонь, хватается за сундук, тянет. Сундук ни с места. Коровин зубами в ручку... Выскакивает из огня обгорелый, к груди валенок прижимает. Дымится полушубок. Манефа смеется, целует мужа.

Кто-то постучал в окно. Манефа тяжело поднялась, прислушалась. Не велит ведь Коровин никому добро показывать!

Манефа закрыла дверь в комнату и впустила в кухню Матвеича, сторожа из правления.

Матвеич повел длинным носом, унюхал запах, гоготнул:

— Хорошо попахивает!

— Чего надо?

Матвеич становится серьезным, вытягивает руки по швам, докладывает:

— Велено звать тебя на собрание. Секретарь райкома приехал. Разных начальников много. Велено всех членов колхоза собрать.

— Так ведь я... — бормочет Манефа. — Так ведь мне...

— Знаем, знаем, — сочувственно вздыхает старик, — не дает тебе твой мужик активничать.

У него редкая белесая бородка и детские голубые глаза. Опершись плечом о косяк, он свертывает цигарку, говорит нарочито небрежным тоном:

— И опять же кинокартина новая. Это, значит, после собрания.

— Ты сядь, — предлагает Манефа, угрюмо глядя куда-то мимо. — Бражки налью.

— Не откажемся, не откажемся. Бражка у тебя завсегда того... с характером.

Прежде чем выпить, Матвеич закатывает глаза к небу, придав лицу смиренное выражение, тянет брагу сквозь плотно сжатые губы, облизывается и говорит ласково:

— Хороша... Так ты чего? Сиди. Чего ты на собрании не видела? До утра, полагаю, беседовать будут. Да и не след своего мужика забижать. Не хочет, ну и не надо.

Манефа наливает ему второй стакан. Выпив, Матвеич хмурится и неуверенно рассуждает:

— И опять, какое у него законное право нарушать конституцию? Курица, она, конечно, не птица, но баба — это женщина. А женщина, между прочим, — это человек. Член колхоза... — Снова унюхав запах, он косит глазами на дверь в комнату.

— Посмотри, — с хмурой решительностью предлагает Манефа.

Матвеич срывается с места.

— Сельпо! — восторженно кричит он из комнаты. — Промтовару-то!

Он охает, крякает, щелкает языком и, выйдя на кухню, благоговейно шепчет:

— Добришко... хорошее добришко... а помрете? Куды все денется? А?

— Пей.

В два глотка осушив стакан, старик произносит:

— Добрецо, оно человеку силу дает. Личная собственность граждан охраняется законом... Но я тебя спрашиваю! — кричит он. — А помрете? Тогда что? — Он сам наливает в стакан браги, пьет. — Крепкий у тебя мужичишко!

— А я ведь не старуха еще, — задумчиво говорит Манефа, — и детей у нас из-за него нету.

— Вот и скажи на собрании, — бормочет Матвеич, — а что? Тем более, не старое время... Налей-ка мне этого... Я вопрос на правлении поставлю, — шепчет он, — в Верховный Совет опишу. По всем правилам. Чего это он, Коровин, такую добрую бабу под нафталином держит?..

Манефа ставит бутыль в угол, и Матвеич обиженно продолжает:

— А, может, так и надо? Шуму от баб много... Я пошел! — Он встает, держась за стену. — Я сейчас свою старуху тоже выгоню! Чего она по собраниям шляется!

— Дожди меня, — решительно произносит Манефа, уходит в комнату, срывает с себя кофту, юбку, скидывает с ног валенки.

Матвеич шумит на кухне:

— Почему у меня добра нет? Потому что не я дома хозяин! А кто? Баба. А она, известно дело... — И он оторопело замолкает, увидев Манефу.

Она в пальто с лисьим воротником, белом пуховом платке и хромовых сапожках. Фигура у нее тонкая, девичья.

— Не пущу! — Матвеич встает в дверях. — Ты что! Куда вырядилась?

Манефа выталкивает его в сени, гасит свет и плотно прикрывает за собой дверь.

Старый бакенщик

— Десять лет уплыло, как Даша померла. Хорошая женщина была, а померла. Бросила, значит, меня одного. Скучища без нее, ровно не к чему жить одному-то...

Поперек Камы шевелится лунная дорожка, и кажется, что светло именно от нее, а не от луны. Сюда, на высокий крутой берег, ползет прохлада, густая и влажная.

Старик негромким, простуженным голосом говорит:

— Я без реки жить не могу. Трудно дышу без реки-то. Только на берегу и отхожу, вроде бы лекарство какое принимаю... Даша, еще когда живой была, окунем меня дразнила. Смолоду она красивая была, сильнющая. Купаться, помню, на косу поедем, разденется она у воды, а у меня от ее красоты ноги отнимаются. Хоть бы всю жизнь смотрел... Никифоров тут один был. Еще раньше меня сватался. И всю-то жизнь он про Дашу думал. Как на своем «Ретвизане» мимо идет, вот тут, так гудит. Приветы ей, значит, посылает.

Где-то внизу, на тропинке, послышались веселые голоса и смех. Старик замолчал. Цигарка вспыхивала ярким синеватым пламенькем. Когда голоса растаяли в темноте, старик продолжал неторопливо:

— Потом старость приковыляла. А мы еще лучше жили. Ночью, если сон страшный увижу, рукой пошевелю — жена рядом, и успокоюсь... Денег у нас сроду не было. На что они? Даша хорошая больно была. Только Никифоров этот среди ночи иной раз как вскрикнет. А голос у «Ретвизана» жалобный был, будто человеческий... Во-от... Десять лет я без Даши вытерпел, с каждым годом все больше об ней думаю... Померла, а я больной сделался. Каждая косточка у меня болит, каждый позвонок. Весь я больной, сверху донизу. Раньше, бывало, занемогу, Даша меня в баньку да как веником всего исхлещет — и нету хворости...

— А где сейчас Никифоров? — спрашиваю я, но старик, видимо, не слышит и продолжает:

— Годов восемь назад сообразил я жениться. Ага. С горя, значит. Ведь встанешь утром — один, днем — обратно один, ночью — тоже... И нашел я себе тут на рейде молодушку. Толстую, веселую. Иду как-то вот здесь по берегу, а мимо «Ретвизан» плот тащит и... ага, гудит. Стыд меня заел... Вот как голодный косточку обгладывает, так меня стыд... На пенсию Никифоров ушел и тоже помер. Недавно. Теперь сын его по Каме плавает... Сегодня капитаном в первый рейс идет. На «Ретвизане», на новом...

Кругом тишина. Но чем больше я вслушиваюсь, тем сильнее убеждаюсь в ее обманчивости. Со всех сторон доносятся звуки и шорохи, и даже сама река не безмолвна, она словно дышит.

Старик молчит, и, чтобы продолжать разговор, я спрашиваю:

— А как здоровье у вас? Сердце?

— А ну его, сердце-то! Дурака валяет. То скачет, то останавливается. К врачам меня направляли, анализы со мной делали. Стыдно сказать, чего я только в больницу не носил: чепуху разную в баночках да бутылочках... Тьфу! Лекарства потом всякие пил. На что?

— Детей у вас не было?

— Трое, на войне погибли.

Сквозь лунную дорожку прошел катерок, и часть ее некоторое время тянулась за ним.

— Шу-умная река стала, — говорит старик, — ране, бывало, в дальние-то годы, в день один — два парохода мимо прошлепают, а ныне... и теплоходы тебе, и пароходы, и вообще всякие... Многие ночи у меня без сна. На берегу сижу. А дома если, от каждого гудочка-свисточка просыпаюсь. Все мне охота «Ретвизана» послушать... А Никифоров-то... Он плотоводом был... Считай, полжизни под ногами палуба.

Видно, что от реки начинает отделяться туман. Тает луна. Исчезает дорожка. Мы долго сидим молча. Я не жалею, что опоздал на трамвайчик и вынужден коротать ночь на берегу.

Река дымится.

— Вот так, значит, — задумчиво произносит старик, — тяжело на реке работать, тревожно... — Он снимает выгоревшую капитанскую фуражку, рукавом проводит по лысине. — Не идет что-то никифоровский сынок... нет, вон показался.

Старик резко поднимается, суетливо надевает фуражку.

Сверху — расплывчатым пятном с сигнальными огоньками — приближается буксир.

— «Ретвизан», — шепчет старик.

Все яснее проступают очертания широкобокого судна. Оно дышит шумно, тяжело.

Буксир поравнялся с нами. Канат, соединяющий судно с длинным плотом, не был виден, но даже отсюда, издали, я чувствовал, что он есть, мне казалось, что я слышу, как он звенит от напряжения.

Пусто на капитанском мостике. Спит, наверное, молодой Никифоров...

Лицо у старика растерянное, он пытается улыбнуться, шарит сзади руками, как делают, когда нащупывают стул.

И когда старик опустился на скамейку, мощный крик гудка ворвался в тишину и, радостный, густой, стал подниматься все выше и выше...

Пермь

НАША ШКОЛА — НАШ ДОМ

О. КНОРРИНГ

У школьницы Фатимы Садыковой большая радость. Вместе с другими детьми колхоза «Кзыл Узбекистан», Ташкентской области, она зачислена в интернат, недавно выстроенный на средства артели в их кишлаке.

— Здесь наша школа, здесь и наш дом,— говорит Фатима.

Сияют окна трехэтажного учебного корпуса. Слева и справа в двух зданиях расположены жилые и бытовые помещения. В глубине двора столовая и кухня. Позади стадион, сад и участок для сельскохозяйственной практики. Здесь дети колхозников живут на всем готовом. К их услугам просторные классы, лаборатории, мастерские, спортивный зал, библиотека, пианино и несколько телевизоров.

В спальнях, на 5—6 человек каждая, стоят никелированные кроватки с белоснежным бельем. Всем ученикам выдана форменная одежда, верхнее платье, костюмчики и пальто. Музыкально одаренным детям будут давать уроки музыки.

Интернат при школе-восьмилетке рассчитан на 400 человек. С самого раннего возраста колхозная детвора здесь будет не только учиться, но и овладевать трудовыми навыками.

День начинается с зарядки.

«Огонек».

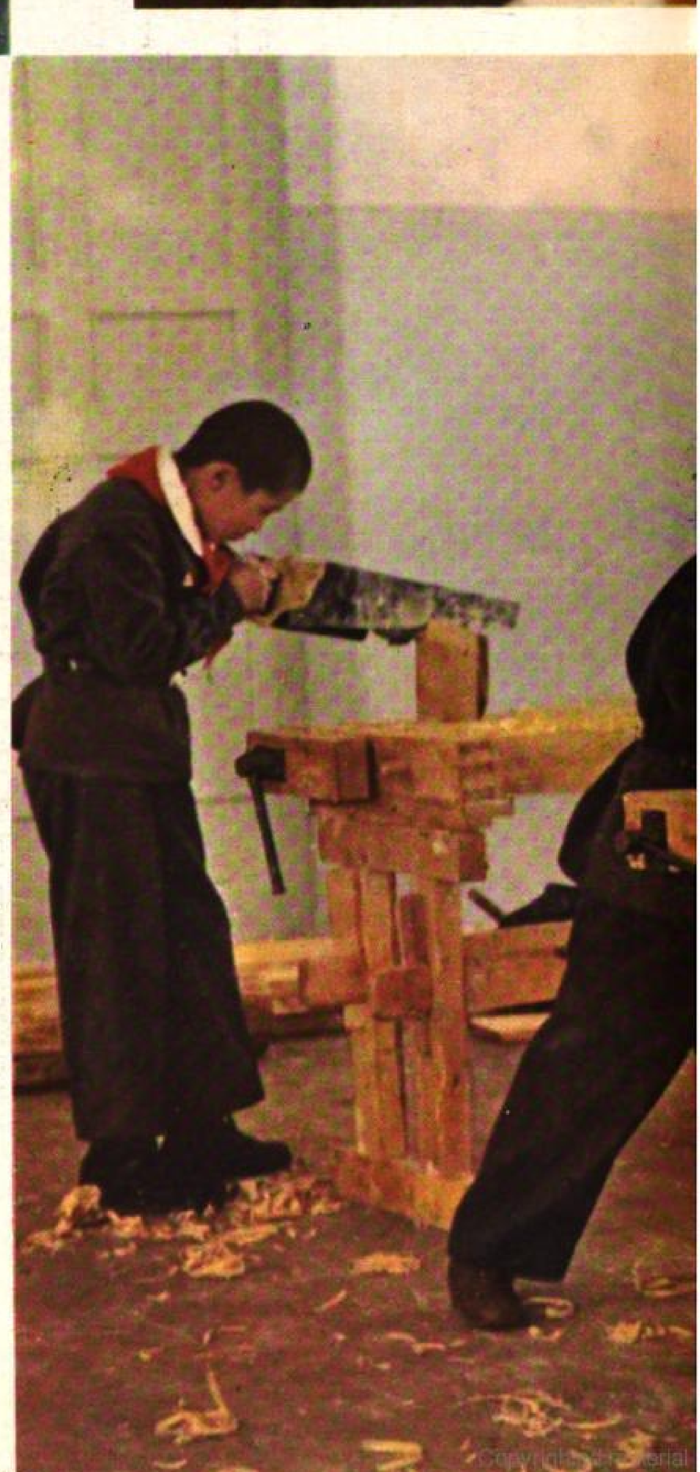

Фатима Садыкова на уроке родного языка.

Хороша новая форма!

Накрыть стол к обеду не так просто.

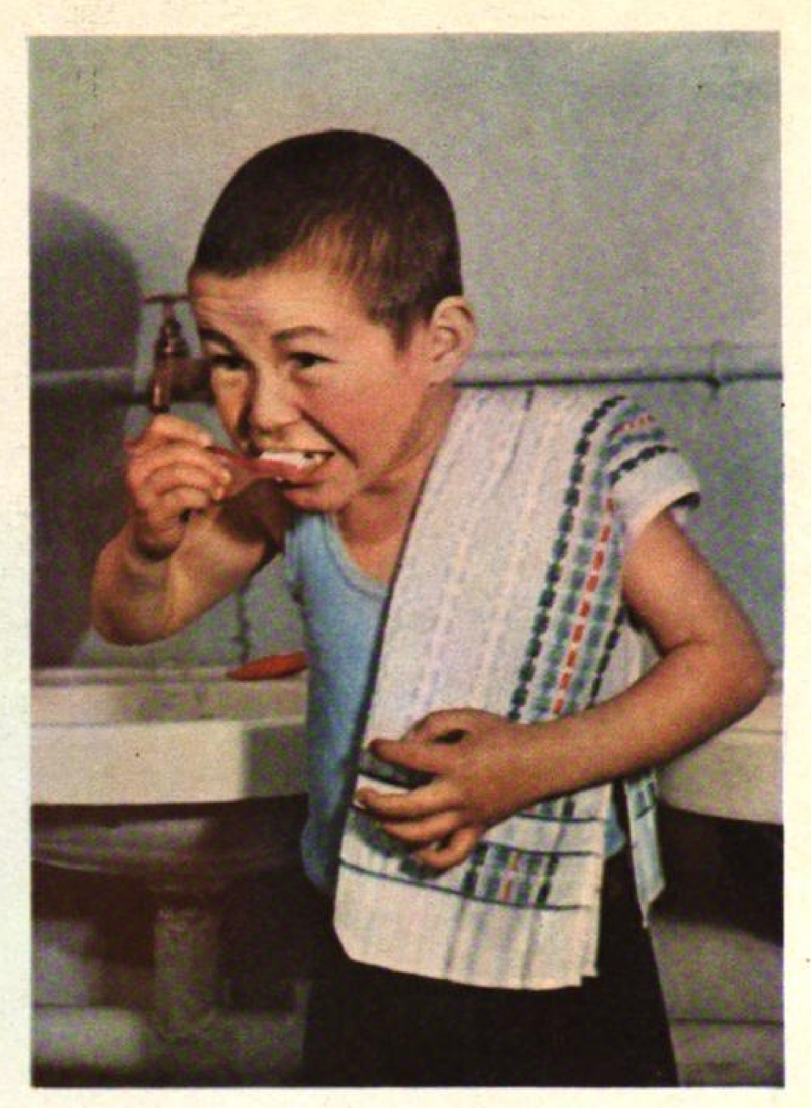

Аккуратно ли убраны постели?

Юные столяры.

В Узбекистане не так часто поиграешь в снежки!

Чистка зубов — дело серьезное.

Горнист трубит отбой. Покойной ночи!

Не станет ли парнишка со временем музыкантом?

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

С. МОРОЗОВ

Этот снимок сделан мною 1 мая 1954 года на Северном полюсе. В центре группы, самый высокий,— Виктор Михайлович Перов. Справа от него — академик Д. И. Щербаков, слева — Герой Советского Союза Е. К. Федоров. Рядом с ними — ученые, летчики, кинооператоры.

Все улыбаются. Еще бы! Мы тогда, помнится, только что поднялись из-за праздничного стола, только что слушали по радио Красную площадь и читали вслух поздравительную телеграмму из Кремля, адресованную всем нам. За нашими спинами лежала просторная льдина, уставленная по краям самолетами и куполами палаток; посреди белого поля чернели полосы посадочного «Т»; чуть поодаль, над высоким торосом, развевался государственный флаг СССР. Было чему радоваться! Вместе с нашим отрядом высокоширотной воздушной экспедиции во льдах дрейфовали еще две только что созданные научные станции: «СП-3» и «СП-4». Завершалось исследование открытого недавно подводного хребта Ломоносова. Словом, советские люди чувствовали себя в Арктике, как дома.

В тот памятный Первомай на полюсе мне случилось участвовать в одном из «воздушных прыжков» Перова. Каждый час хорошей, ясной погоды был у нас на счету, и, закончив праздник, авиаторы вместе с учеными сразу после обеда разлетелись кто куда, по заранее намеченным пунктам.

Стоя за спиной Перова, я видел внизу, за смотровым стеклом, то голубоватые нагромождения торосов, то ослепительно белый, словно накрахмаленная скатерть, ровный лед, то черные окна разводий. Трудно было представить себе, что где-то внизу, за толщей океанских вод, тянутся горы. Но высокий кареглазый человек с добродушным, круглым лицом, сидя в левом пилотском кресле, неторопливо отводил от себя штурвал. Самолет плавно снижался, находя меж торосов узенькую площадку, и лыжи, коснувшись снега, скользили мягко, без толчков. Будто и не море, схваченное морозом, было под нами, а надежный аэродромный бетон.

Правда, уже в следующие полчаса, когда гидролог, пробив лунку, опустил лот, счетчик лебедки дал точную справку о глубинах под нами — 2 164 метра! А штурман, взяв секстаном высоту солнца, подтвердил: координаты те самые, что заданы; мы опустились на восточном, тихоокеанском, склоне подводного хребта.

Когда над лункой тарахтел мотор и приборы гидрологов ныряли в пучину за новыми и новыми «тайнами океана», мы с Виктором Михайловичем рассматривали широкий лист батиметрической карты. Голубой разлив с темно-синими пятнами особо глубоких впадин был весь испещрен рябью цифр. Рядом с набранными черным промерами Нансена, папанинцев, седовцев ярко выделяется красный шрифт — результаты воздушных высокоширотных экспедиций. Сколько тут чисел! Многие сотни. И не один десяток в этих сотнях принадлежит Виктору Перову и его спутникам...

...Спустя год с небольшим, когда в атласах впервые появилась эта новая батиметрическая карта, а во льдах океана дрейфовала еще одна станция «СП», теперь уже под номером «5», мы с Перовым случайно повстречались в московском метро. В рубашке-теннисске, распахнутой на загорелой груди, он выглядел еще моложавей, чем на льду в костюме полярника.

— На даче блаженствую, первую неделю в отпуску,— поздоровавшись, сказал он.— Доставай блокнот, записывай адрес. Может, и соберешься когда...

Адрес я записал, но собираться нам обоим пришлось вскоре совсем в ином направлении. И очередная наша встреча состоялась отнюдь не в Подмосковье...

Транспортный грузовой «ЛИ-2», вылетевший из Тикси к «Северному полюсу-5», был в воздухе над океаном уже восьмой час. Давно по расчету времени мы должны были увидеть поселок станции, но, сколько ни всматривались вниз, не видели ровно ничего сквозь снегопад и заряды тумана. Радиокомпас отказал — нашей самолетной рации никак не удавалось настроиться на привод радиостанции «СП». На обратный путь в Тикси горючего уже не хватило бы. Садиться? Но куда? Куда может сесть сухопутная колесная машина, если внизу битый лед?

И вот тогда-то я увидел вдруг в окно плоский, словно нарисованный на льду, миниатюрный биплан «АН-2». И сквозь однообразный гул моторов прорвался оглушительный, ликующий возглас соседа:

— Ура! Перов!

Да, это была машина Виктора Михайловича Перова на ледовом аэродроме «СП-5». Вот уже более месяца трудился он тут, так и не отдохнув на даче больше недели. На «СП-5» заблудился и потерпел аварию вертолет. И Перов, поднятый по тревоге, пролетел две тысячи километров над океаном на крохотной «Аннушке», разыскал вертолетчиков, спас их и теперь, заменяя вертолет, нес воздушную вахту при дрейфующей станции.

Разбрызгивая лужи на талом снегу, наш «ЛИ-2» катил по ледовой дорожке.

— Ох, и напугали вы меня, черти! — ворчал Виктор Михайлович, по очереди обнимая всех нас, вылезавших из кабины.

А несколько минут спустя в жарко натопленной палатке кают-компании, потчуя всех вновь прибывших кирпично-красным обжигающим чаем, он говорил:

— Боялся я, братцы, что придется мне ваш аэроплан, как тот вертолет, разыскивать. И до чего же обидно было на вас снизу глядеть! Ракетами вам сигналю, по радио вызываю, а вы точно ослепли и оглохли сразу...

Перов хлопал нас по спинам богатырскими своими ручищами, пристально заглядывал каждому в лицо, словно желая проверить, все ли мы здесь в целости и сохранности. И теплые глаза его искрились такой заботой, такой добротой...

Сегодня, когда имя Виктора Михайловича, героя Антарктиды, произносят на всех языках мира, я мысленно вижу перед собой эти глаза, слышу неторопливую, чуть насмешливую речь. И мне хочется восстановить в памяти события минувших лет, происходившие с Перовым в разные периоды в крайних полярных широтах нашей планеты.

Сентябрь 1956 года, Шпицберген... На пустынном острове Северо-Восточной земли бедствует группа полярников: шведы, норвежцы, русские, высаженные с борта корабля, оставшиеся без радиосвязи. На поиски пропавших послан В. М. Перов. Долго кружил его «ИЛ» над гористым островом, пока обнаружил на куполе ледника обессиленных, замерзающих людей. Но «видит око, да зуб неймет»: опуститься на рыхлом снегу самолет с колесным шасси не может, и спасательную операцию, начатую Перовым, завершает другой наш полярный ас, Петр Павлович Москаленко, на лыжном самолете «ЛИ-2».

Вскоре друзья прощались в Москве. Москаленко уезжал в Антарктиду. А еще через год с небольшим он встречал Перова у ледяных обрывов Мирного.

— Вот видишь, Петя, какая у нас судьба! Ты тогда меня на Шпиц-

бергене сменял... — смеясь, начал Виктор Михайлович.

— А теперь здесь ты меня сменишь, Виктор, — закончил Петр Павлович.

Арктика и Антарктика... Сколь несхожи эти, казалось бы, родственные полярные области планеты! И насколько Крайний Юг суровей Крайнего Севера! Вместо океанских просторов тут высокогорный материк, вместо мозаики дрейфующего морского льда — монолиты тысячелетних глетчеров. Чем дальше уходит самолет от побережья, тем выше поднимается беспредельный ледяной купол. Альтиметр показывает 2 000, 2 500, 3 000 метров над уровнем моря, а земля вот она — всё рядышком, всё под крылом, — иссеченная непрестанной поземкой, ощетинившаяся застругами, насквозь промороженная земля таинственного шестого материка. Самый воздух, и тот, кажется, настроен здесь враждебно к человеку. Поднимется в Мирном пурга, и летают над головами людей бочки, ящики, срываются с ледяных якорей, кувыркаются, ломаются, как спичечные коробки, тяжелые самолеты. Опустятся наши летчики где-нибудь в глубине материка, на высокогорном плато, и сразу же, едва выйдя из кабин, начинают задыхаться. Огромного напряжения воли и сил требует каждое движение на шестидесятиградусном морозе в разреженном, бедном кислородом воздухе. Слабеют тут и легкие, и сердца, и моторы. Недаром еще на родине, снаряжая свои авиационные отряды, Москаленко и Перов оборудовали самолеты компрессорным наддувом, дающим моторам «дополнительный воздушный паек».

А какой в Антарктике снег? Сыпучий, сухой, точно песок в пустыне; по нему и лыжи не скользят, проваливаются. А радио — глаза и уши полярных авиаторов? В Арктике, куда ни полети, всюду самолет точно на привязи: идет по сигналам радиомаяков. А тут, в Антарктиде, молчалив и пустынен эфир.

Когда Петр Павлович Москаленко, бывалый, видавший виды воздушный волк, вернувшись в Москву, делился впечатлениями, мне особенно понравилось такое его замечание:

— Вроде как на том свете побывал... Наш брат, полярник, и на том свете умеет хозяйничать.

Хорошо сказано! Да, настоящими крылатыми хозяевами крайних широт показали себя советские авиаторы! Это Петр Москаленко со своим отрядом впервые начал летать в Антарктиде полярной ночью. Это Виктор Перов пересек недавно по воздуху весь шестой материк, пролетев из Мирного через Южный полюс к американской базе Мак-Мурдо.

Придет время, и подвиги эти будут описаны в книгах, а сегодня перед нами лишь отрывочные строки оперативных донесений, принятых в Москве радистами Главсевморпути.

На двух телеграфных бланках, подписанных Перовым, скупой перечень дат, расстояний, географических пунктов.

12 декабря. По сигналу бедствия, принятому от бельгийцев за три с лишним тысячи километров, Виктор Михайлович со своим экипажем стартует из Мирного.

16 декабря. У подножия Кристальных гор, в палатке, продуваемой ветром, советские авиаторы находят бельгийских полярников, обессиленных пешим путем, доедающих последние крохи растянутого, урезанного походного пайка.

Глянем на карту Антарктиды, и перед нами предстанет путь Перова над сползающими в море ледяными громадами, над дрейфующими айсбергами. Вот ночевка на австралийской станции «Моусон», вот посадка на покинутой японцами базе «Сиова» — тут из кабин выкатывают бочки с бензином, чтобы создать себе запасы на обратный путь.

Вот множество линий — маршруты от «Бодуэна» к Кристальным горам — на поиски пропавших бельгийцев.

Сколько раз за это время самолет Перова леденел в облаках! Сколько раз педантичный штурман Борис Семенович Бродкин, прокладывая курс, проклинал неточные карты местности! Сколько раз механики Сергеев и Меньшиков считали и пересчитывали запасы горючего в самолетных баках!

Когда-нибудь в географическом музее будут висеть под стеклом вычерченные Бродкиным строгие прямоугольники галсов, которыми Перов и Афонин водили самолет, что называется, «утюжили» воздух, перекрывая белую пустыню частой сеткой маршрутов так, чтобы ни один квадратный метр ледяной, заснеженной земли не выпал из поля зрения.

Полеты галсами, испытанные еще в Арктике — на аэрофотосъемке и разведке льдов, — оправдали себя и в Антарктиде. В прямоугольники, прочерченные нашими авиаторами, как рыба в невод, попались сначала аварийный самолет, брошенный бельгийцами, а потом и сами они — четверо, — волей случая превратившиеся в пешеходов.

Наверное, вспомнилась Перову Арктика и в минуты посадки. Как, бывало, там, в океане, опускал он машину на зыбкий покров дрейфующих льдов, ежесекундно рискуя провалиться, утонуть, так и здесь теперь запорошенные снегом трещины ледника грозили вот-вот разверзнуться, точно пропасти.

В донесении Перова Главсевморпути читаем: «С момента вылета из Мирного до момента спасения бельгийцев провели в воздухе 38 часов, из них 25 потратили на поиски».

Если учесть, сколько времени требует разогрев и запуск моторов на морозе и ветру, то простой арифметический подсчет подскажет: спать, отдыхать за эти трое суток нашим авиаторам было некогда.

Почему-то мне очень хорошо представляется Виктор Михайлович в тот момент, когда он усаживал спасенных бельгийцев в тесной, заставленной бочками кабине своего самолета, потчевал их шоколадом и галетами, шутил. Как счастливо, наверное, лучились его добрые глаза, морщилось в усмешке круглое лицо, как задушевно звучал негромкий, спокойный голос:

— В тесноте, да не в обиде, не взыщите, друзья!

Таков уж он по характеру: заботливый хозяин, душа-человек, русское, открытое сердце.

Случай в воздухе

С. Н. ПЕРЕВЕРТКИН,
генерал-полковник,
Герой Советского Союза

Случай, о котором я хочу рассказать, действительно имел место в пору Великой Отечественной войны.

Шел март 1943 года. Бойцы Н-ской армии продвигались на запад вдоль магистрали Москва — Минск, через Гжатск, Вязьму в направлении на Дорогобуж.

Гитлеровцы, отступая, уничтожали все на своем пути. Горели города, села, деревни. Гарь и дым стлались по обожженной советской земле. Дороги были разбиты.

Очень часто, и особенно ночью, удары наступающих советских войск были неожиданными для противника. Помню, однажды наши солдаты, вступив в деревню, вдруг заметили немецкого офицера на лыжах. Спокойно подойдя к дому, в котором он жил до вступления наших подразделений, гитлеровец снял лыжи, привел себя в порядок и шагнул на крыльцо. Каково же было его изумление, когда он увидел наших солдат! На допросе фашист удивлялся: «Как вы здесь оказались, ведь деревню занимает моя рота?» Его поправили: «Не занимает, а занимала»...

Отгремели бои за город Вязьму. Первый эшелон штаба Н-ской армии только что разместился в деревне Бабьи Горы, в нескольких километрах западнее Вязьмы. Офицеры сразу же приступили к делу: запрашивали у подчиненных штабов обстановку, готовили новые расчеты, писали сводки и донесения. Для поддержания устойчивой связи с подчиненными частями использовалось все: телефон, радио, самолеты, автомашины... И, тем не менее, во второй половине дня была потеряна связь с Н-ской дивизией, наступавшей на главном направлении, вдоль магистрали Москва — Минск и на станцию Издешково. Все попытки наладить

Летчик А. П. Маслов. Снимок сделан в 1942 году.

эту связь оказались безуспешными. А сделать это следовало незамедлительно: надо было уточнить обстановку на участке дивизии и поставить ей новую боевую задачу на следующий день.

Тогда начальник штаба армии генерал-майор Борис Алексеевич Пигаревич решил сам вылететь на самолете «ПО-2» в район боевых действий дивизии.

Читатели, и особенно военные, законно могут задать вопрос: как же начальник штаба армии решился во время наступления оставить свой штаб и отправиться в одну из подчиненных дивизий? Дело обстояло так. Получив принципиальное решение командующего соединением, начальник штаба отдал всем частям необходимые распоряжения, и только до одной части этот приказ не дошел. Надо было действовать немедленно, и Пигаревич лично вылетел в дивизию. Он был уверен, что к приезду командующего успеет сделать все необходимое и вернуться.

До наступления темноты оставалось не более двух часов. Полет должен был занять 20—30 минут. Погода выдалась отличная; на полях еще лежал снег, хотя днем весеннее солнце уже начинало подтачивать снежный наст.

Летчик старший лейтенант Маслов быстро подготовил машину и через несколько минут поднялся в воздух. Самолет был на лыжах.

Еще перед взлетом летчик и его «пассажир» — начальник штаба — внимательно осмотрели небо: не видно ли где вражеских истребителей? Нет, в небе чисто. Ничто не предвещало беды, случившейся буквально через несколько минут.

В те годы, летая на самолетах связи, мы всегда глубоко верили в искусство наших летчиков. Старший лейтенант Маслов был прекрасным мастером своего дела. Не раз уходил он от врага на бреющем полете, лавируя между холмами, по оврагам и лесным просекам. У нас никогда и в мыслях не было, что его могут сбить; поэтому никто не задумывался о том, что на крайний случай в задней кабине должна быть вторая ручка управления.

Других правил придерживался начальник штаба. Он, когда садился в самолет, независимо от обстановки всегда вставлял на свое место вторую ручку управления: а вдруг что случится?

Искушенные в этом деле люди, особенно летчики, скажут: значит, он умел управлять самолетом? Нет, генерал Пигаревич никогда в жизни не заводил мотора самолета на земле, не взлетал с аэродрома, не управлял самолетом в воздухе, никогда не сажал его на землю. Как все военные люди, он знал лишь общие зако-

ны полета самолета и принципы управления им.

Так вот. Следуя своему неизменному правилу, своей привычке к точности, генерал поставил вторую ручку управления на свое место. Больше того, он подготовил пулемет для воздушной стрельбы.

После небольшого разбега «ПО-2» буквально с огородов деревни Бабьи Горы поднялся в воздух и на бреющем пошел заданным курсом. Маслов и Пигаревич внимательно смотрели по сторонам.

Через десять минут вдали показалась станция Издешково. Она горела. Дым поднимался высоко в небо. На земле, по дорогам в сторону Издешкова, двигались обозы и войска. Желая лучше осмотреть с воздуха район станции, генерал приказал летчику подняться еще выше, метров до шестисот.

Набирая высоту, Маслов все свое внимание сосредоточил на линии фронта, а генерал Пигаревич, наблюдая за местностью, сличал ее с картой. Оба забыли о главном: следить за воздушной обстановкой.

А в это время, возвращаясь с разведки наших тылов, в сторону линии фронта летел фашистский разведчик «Ю-88». Увидев наш самолет, он быстро нагнал его и, пролетая мимо, буквально в упор, с близкой дистанции, дал длинную пулеметную очередь.

Машина была изрешечена. Летчик Маслов поник на своем сиденье. Самолет потерял управление и пошел вниз...

☆ ☆ ☆

Вместе с командующим армией мы к вечеру прибыли на командный пункт в Бабьи Горы. Нас встретил полковник Мостинский и доложил обстановку. На вопрос командующего: «Где начальник штаба?»—он сообщил: генерал два часа назад вылетел в Н-скую часть и до сих пор не вернулся. Попытки установить связь с этой дивизией пока успеха не имели. Ничего не известно и о судьбе вылетевшего туда начальника штаба.

Что было делать? Мы испробовали все меры для розыска генерала Пигаревича. Теперь оставалось терпеливо ждать.

Вскоре в штаб явился незнакомый солдат. Представившись шофером Н-ской части, он доложил, что привез на своей машине убитого летчика в звании полковника. Мы не понимали, в чем дело. Никакого полковника авиации у нас в штабе не было. Я вышел на улицу, где стояла грузовая машина.

Шофер откинул задний борт, и при свете карманного фонаря я увидел в машине санитарные носилки, а на них — мертвого летчика с погонами старшего лейтенанта. Предчувствуя недоброе, я быстро вскочил в кузов машины и осветил фонарем лицо убитого. То был Маслов, наш летчик, улетевший с начальником штаба. Шофер просто перепутал погоны и принял старшего лейтенанта за полковника. В этих строках трудно передать чувство горечи, которое охватило нас.

Шофер ничего не мог ответить толком. Он рассказал, что в деревне, через которую проходила их часть, его вызвали к командиру. Когда он прибыл, в машину поставили носилки с убитым летчиком и приказали отвезти его в штаб, в деревню Бабьи Горы. О самолете ему ничего не известно.

А какова судьба Пигаревича? Если убит летчик, то...

Хотелось верить, что генерал не погиб.

Командующий армией приказал немедленно выслать офицера на той же грузовой машине в деревню, откуда доставили тело старшего лейтенанта Маслова.

Все мы заранее тяжело переживали весть, которую должен был привезти этот офицер. Мы любили нашего начальника штаба за человечность, за его спокойствие, за штабную культуру и постоянную заботу о нас, подчиненных ему офицерах.

И вот когда мы уже потеряли всякую надежду на благополучный исход, в штаб прибыла легковая машина, которая привезла генерала Пигаревича, привезла живым и здоровым! А потом, когда радостное волнение улеглось, мы стали удивляться: как же могло произойти, что «пассажир» остался жив, если летчик убит в воздухе?

Вот что рассказал нам Борис Алексеевич:

— Когда самолет, поднявшись на высоту около шестисот метров, летел в направлении Издешкова, я заметил промелькнувший слева «Ю-88». Выстрелов я не слышал,

Генерал-полковник Б. А. Пигаревич.
Фото А. Бочинина.

но увидел, как впереди сидящий Маслов поник головой, весь словно обмяк на своем сиденье. Кровь забрызгала козырек моей кабины. Самолет, потеряв управление, пошел вниз.

Мне сразу стало ясно, что Маслов убит. Я инстинктивно схватил ручку управления и резко потянул ее на себя. Мотор работал ровно и спокойно. Когда самолет пошел вверх, я отдал ручку от себя, и «ПО-2» стал снижаться. Так, действуя рулями высоты и глубины, я поставил ноги на педали управления рулем поворота. В конце концов мне удалось найти среднюю горизонтальную точку полета, и я предоставил самолет тяговой силе мотора. Мозг лихорадочно работал: как быть, что делать дальше? Ясно одно: надо спасать машину, тогда будет спасена и моя жизнь. Между тем самолет шел к линии фронта. Его надо во что бы то ни стало развернуть в обратную сторону. Но как это сделать?

Я вспоминал, что при левом вираже ручку управления нужно медленно наклонять влево и постепенно нажимать на левую педаль, прибавляя при этом количество оборотов. Отыскав сектор управления оборотами мотора, я попробовал так сделать.

Первая моя попытка не увенчалась успехом. Самолет при вираже начал скользить на левое крыло и пошел на снижение. Выровняв машину в горизонтальный полет, я вновь попытался сделать вираж. Удача! Самолет теперь летел в наш тыл. Трудно передать чувство, охватившее меня, когда я убедился, что управляю машиной. Мотор работал безупречно, рули высоты и поворота действовали хорошо.

Но ведь летать бесконечно я не мог: бензин в баках рано или поздно должен кончиться. К тому же наступал вечер. Надо было думать, как и где посадить самолет. Первым делом нужно выбрать посадочную площадку. Я сделал несколько разворотов вокруг какой-то деревни и вблизи ее высмотрел ровное, как мне казалось, снежное поле.

Иду на посадку. Медленно подвожу самолет к земле, постепенно уменьшая количество оборотов мотора. И вдруг я почувствовал, что самолет начинает проваливаться, почти падать. Я сразу же увеличил количество оборотов и потянул ручку на себя. Самолет набрал высоту и снова перешел в горизонтальный полет. Делаю разворот и снова иду на посадку. И опять попытка не удалась. Сколько было этих попыток, я не помню. Посадить самолет оказалось самым трудным делом во всем этом страшном для меня полете. Однако хочешь не хочешь, а садиться надо...

В это время через деревню проходила Н-ская часть. Командир, заметив, что в небе кружится советский связной самолет, понаблюдав за его неудачными заходами на посадку, решил дождаться, чем же все это кончится. Он знал, что за последние дни наступления офицеры высших штабов чаще всего поддерживали связь с частями на самолетах. Не исключено, что самолет прилетел из штаба армии именно к нему в часть. К тому же странно: что это за летчик, который не может посадить свою машину?

Наконец, видимо, «летчику» надоело болтаться в воздухе. Самолет рывками стал терять высоту. В двух метрах от земли мотор заглох, и машина, задрав нос кверху, как говорится, плюхнулась на лыжи, пробежала несколько метров и замерла.

Самолет сел от деревни метрах в двухстах. Командир части ждал, что вот сейчас на крыло выйдут летчик и штабной офицер. Никто не показывался. Надо было проверить, в чем же дело. Командир вместе с адъютантом и группой солдат подбежали к самолету. Глазам их представилась такая картина. В передней кабине лежит убитый летчик. Шлем и комбинезон залиты кровью. На заднем сиденье недвижно застыл человек в комбинезоне и летном шлеме. Сначала вынули из кабины летчика, положили его на снег. Когда начали вынимать второго летчика, тот обнаружил признаки жизни. Каково же было удивление командира части, когда в этом втором «летчике» он узнал начальника штаба своего соединения!

Борис Алексеевич от страшного перенапряжения и наступившей реакции не мог самостоятельно двигаться. Его усадили в машину и отвезли в штаб. Там он подробно рассказал о гибели Маслова, которого знал давно, как одного из самых боевых и самоотверженных офицеров летного состава. А тело замечательного летчика тем временем на другой машине привезли к нам.

Вот, собственно, и все.

Я не летчик. Может быть, мой рассказ страдает неточностями в авиационной терминологии, может быть, я неполно и неточно описал действия генерала Пигаревича при управлении самолетом, но я пишу это так, как рассказывали нам сам Борис Алексеевич и очевидцы его подвига. Пусть эта история послужит молодому поколению офицеров хорошим примером. Пусть наши офицеры настойчиво овладевают современной военной техникой и умело используют ее в бою.

Что касается Бориса Алексеевича Пигаревича, то он и поныне здравствует. Теперь он генерал-полковник и в меру своих сил и здоровья самоотверженно трудится на благо нашей Родины.

ВЕК КОСМОСА

Тезисы о семилетнем плане, опубликованные к XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза, открывают широкую дорогу для развития советской науки, облик которой я попытался набросать на этих страницах. Если требуется еще кому-либо доказательство того, что Советский Союз будет неуклонно продолжать свое изумительное движение по пути научного, технического и социального прогресса, то вот оно, это доказательство — семилетний план! Я испытываю глубокую уверенность в том, что новые силы природы, разведанные человеком, и новые научные идеи, выдвинутые им, будут все больше сокращать путь человечества к новым формам общества. И я беру на себя смелость предсказать, что Век Космоса будет Веком Коммунизма.

Репортаж

Стефан ГЕЙМ

...Ночью был шторм, и старенький колесный пароход робко отстаивался в порту, прежде чем выйти в очередной рейс по морю. Потом ветер, дувший из степей, немного приутих.

И вот теперь, прекрасным ранним утром, солнце рассыпает миллионы алмазов по неспокойной еще волне моря, носящего название затопленной казачьей станицы Цимлянской, и смутная береговая линия на горизонте теряется в нежной зелени безграничных равнин. Я путешествую по сделанному человеческими руками морю, которое вчера было степью.

«Вчера, сегодня... Вчера, сегодня...» — трудолюбиво отстукивает пароходная машина. Может быть, эти два слова лучше всего выражают то непрерывное возбуждение, которое я ощущал, путешествуя по этой стране, стоя у новых автоматических линий на заводах, глядя на мигание трубок на вычислительных машинах, разговаривая с ловцами космических лучей и теми, кто посылает спутников в мировое пространство...

Но нет! Тут есть еще и третье слово: «Завтра».

И какое Завтра!

...Еще при жизни нашего поколения, вашего и моего, мы увидим межпланетные путешествия!

...Мы построим машину, которая будет вычислять со скоростью миллиона операций в секунду!

...Мы свяжем два континента в единую энергетическую систему!

...Мы решим проблему источников энергии на века!

...Мы создадим новый тип рабочего — рабочего-инженера!

...Мы построим Коммунизм!

Я слышал голоса ученых, инженеров, рабочих, студентов, строителей, искателей. Они повторяли:

— Мы сделаем, мы построим, мы создадим!

...Уже полночь. Берег придвинулся ближе; то там, то здесь островки свежего, зеленого кустарника, полузатонувшие деревья. Впереди город, порт, причалы, краны — Калач!

Встают в памяти сводки военных лет, молниями пронизывающие эфир, крупные заголовки в газетах: Калач!.. Это уже был встречный удар. Когда клещи сомкнулись в Калаче, судьба фашистов в Сталинграде была решена, и не только в Сталинграде.

Член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Михайлов (слева) и Стефан Гейм в Пулковской обсерватории.

Фото Е. Умнова.

Сталинград! В первую весну после великой битвы даже трава не хотела расти на Мамаевом кургане: слишком много стали было запахано в эту землю; то, что и сейчас шуршит под вашими ногами, как гравий,— это мельчайшие осколки снарядов. Но сегодня с этой вершины десяток раз переходивший из рук в руки, растянувшийся на сорок пять миль город предстает перед вами возрожденным и молодым: заводы, окруженные новыми домами для рабочих, парки с деревьями не старше пятнадцати лет и вдали две стройные стальные башни, несущие провода, переброшенные через Волгу; там, омывая грудь могучей плотины, разольется вскоре новое море, еще более обширное, чем Цимлянское, и заработают турбины электростанции, одной из самых больших в мире...

Как маленькие трудолюбивые муравьи, неустанно снуют в высоте взад и вперед вагонетки. Они держат связь между вчерашним, сегодняшним и завтрашним...

Прыжок в космос

На календаре тот день был весьма уместно обозначен для верующих словом «Вознесение».

После завтрака, в час, когда человек приходит в хорошее расположение духа, резкий телефонный звонок разорвал праздничную тишину. Звонил один из берлинских издателей моих книг.

— Слышали последнюю новость?

— Нет.

— Разве вы не слушаете радио?

— Только при крайней необходимости.

— Третий спутник запущен!

Мой собеседник выжидательно умолк. Он, должно быть, ждал от меня какого-нибудь «ах!», или другого возгласа удивления, или хотя бы вздоха, вырвавшегося из сжатых губ. Но я не доставил ему этого удовольствия. Будучи в Советском Союзе, я научился, по примеру советских ученых, не удивляться ничему.

— Но третий спутник весит почти полторы тонны! — с надеждой продолжал издатель.— Вдвое больше, чем второй! Вы только подумайте!..

— Они там, в Советском Союзе, не так уж стеснены по части величины и веса,— сказал я; впрочем, это я цитировал слова профессора Евгения Федорова из советской Академии наук.— Они не стали бы тратить силы, чтобы запустить в небо какой-нибудь апельсин...

Издатель, должно быть, начал раскаиваться, что позвонил мне.

— У третьего на борту целая куча инструментов! — сделал он новую попытку.

— Разумеется.— И я снова стал цитировать профессора Федорова: — Серьезную пользу для науки могут принести только большие спутники. Чем больше они сами, тем больше полезная нагрузка, тем богаче научные результаты...

— Они называют его «летающей лабораторией»! — крикнул издатель, явно уже теряя всякую надежду расшевелить меня.

— Они правы,— подтвердил я.— Видимо, на нем есть приборы для изучения состава космических лучей — протонов, фотонов и прочего... Там должны быть и аппараты для наблюдений корпускулярного потока Солнца и еще такая штука для регистраций микрометеоров...

— Микро... чего? — услышал я в трубку.

— Микрометеоров,— повторил я терпеливо.— Это, знаете, такая космическая артиллерия, с которой могут встретиться межпланетные корабли... Я не удивился бы, если бы там был и прибор для измерения состава верхних слоев атмосферы и концентрации в них положительных ионов. Вы ведь, наверно, слышали об ионах, а?

Что-то неясно забулькало на том конце провода.

— Знать все о положительных ионах в ионосфере очень важно. Изучение ионосферы обеспечит надежную радиосвязь между космическими кораблями и межпланетными вокзалами на Земле... Ну, и еще магнитометр; это для того, чтобы поближе познакомиться с магнитным полем той планеты, на которой мы имеем счастье проживать. Видите ли, мы знаем о действии этого магнитного поля только на поверхности Земли или на небольшой высоте... — Тут я вспомнил легкую улыбку, промелькнувшую на лице профессора Федорова. И я повторил его слова: — Правду говоря, мы даже пока не знаем, откуда там вообще магнитное поле...

В телефонной трубке царила полная тишина.

— Вы еще у телефона? — спросил я.

Да, издатель еще слушал меня, но был явно подавлен.

— Меня не удивило бы также,— продолжал я ровным голосом,— если бы спутник вез на себе и спектрограф: ведь интересно узнать состав газообразной материи на таких больших высотах... Видите ли, всеми этими приборами командует одно электронное программное устройство, оно не так уж невероятно сложно, если вам доведется его увидеть. Показания, собранные приборами, переводятся на телеграфную ленту... В определенные, заранее установленные промежутки времени «управляющий» говорит: «Давай!» — и радиотелеметрическая система спутника начинает передавать с ленты... Алло!

Ответа не последовало. Легкий щелчок сообщил о том, что мой собеседник положил трубку.

Есть люди, которые спешат первыми удивить вас очередной сенсацией. Когда им это не удается, они очень обижаются.

Когда профессор Евгений Константинович Федоров сказал мне, что мы еще увидим межпланетные путешествия, я, естественно, спросил, сколько ему лет. Выяснилось, что он родился в 1910 году. И такова уж сила уверенности в собственном долголетии, что я тут же нарисовал себе картину: отправляется первая флотилия космических ракет с пассажирами «откуда-то из Европейской части Советского Союза...»

Е. К. Федоров — один из членов Советского комитета Международного геофизического года и как член этого комитета — официальный представитель советских спутников на Земле. Он возглавляет Институт прикладной геофизики Академии наук СССР. По специальности Федоров — метеоролог, человек погоды, и при первой возможности готов забраться в гущу своих любимых облаков, особенно грозовых, и заставить их разразиться дождем раньше, чем они превратятся, скажем, в град. Правда, он хмурится, когда его называют «делателем дождя».

— Мы можем преобразовывать облака,— говорит он,— заставлять их исчезать, скажем, над аэродромами, но вовсе не всегда умеем превращать их в экономически полезные массы дождя. Видите ли, облако не вещь, а процесс... Мы еще не можем «взять облако в работу» — заставить его вобрать в себя побольше воды и «вылить» ее там, где надо.

Говорят, американцы беспокоятся: а вдруг советские метеорологи все-таки решат эту проблему! «Бюллетень американского метеорологического общества» писал после запуска первого спутника, что «русские — в этом уже не может быть сомнения — способны решить любую научную задачу». Впечатление было такое, что авторов статьи заранее пробирала дрожь при мысли, что русские могут забрать себе всю хорошую погоду, оставив американцев с носом...

Я могу понять их беспокойство: в самом деле, что станется с бедными американскими миллиардерами, если они не смогут больше играть летом в гольф, поскольку солнце перестанет светить над Палм-Бичем [1]!

Как известно, запуски спутников вызвали за океаном немалую суматоху. Мне и самому вначале казалось, что тут всплыл один из тщательно хранимых в тайне «сюрпризов» и что именно поэтому «бип-бип» первого спутника с такой силой ударил кое-кого на Западе по нервам. Но в Ленинграде, на Пулковской обсерватории, ее директор профессор Александр Михайлов объяснил мне, что там знали о так называемом «секрете» по крайней мере за полгода до запуска, и не только ученые Пулкова знали, но и работники десятков наблюдательных станций в Советском Союзе и в странах народной демократии!

Да и вообще никакой «тайны» не было. Еще в 1956 году на одном из международных совещаний академик Л. И. Седов заявил, что Советский Союз в период МГГ намерен запустить спутники. В июне 1957 года об этом же писал в своей статье академик А. Н. Несмеянов. Слухи дошли до Вашингтона. Президент Эйзенхауэр предложил своим ракетостроителям ускорить работы в этом направлении.

Откуда же это «изумление», сопровождавшее запуск советских спутников? Почему мировая пресса пришла в раж, а в НАТО поднялась паника? Почему весь этот шум выглядел так, словно советские ученые подкрались к кому-то сзади и поддали коленкой ни о чем не подозревавшему «западному миру»?

Очень просто. Потому что Советский Союз оказался на этот раз в роли Золушки. Изумление и испуг некоторых господ на Западе были похожи на те чувства, которые должны были испытать богатые и строптивые сестры Золушки, когда принц надел маленькую туфельку на ее красивую ножку. На Западе просто не могли поверить, что «мужики» способны сотворить такое. Сколько раз утверждали там, что только на Западе люди высшего разряда и поэтому они должны быть победителями во всем! Эта реклама была так упорна и назойлива, что даже сами советские ученые иногда принимали ее за чистую монету.

— Да,— подтвердил профессор Федоров.— Мы тоже допускали, что американцы первыми запустят спутников в космическое пространство.

— Но почему? Почему?

— Потому что они два года подряд только и делали, что кричали об этом.

Когда я разговаривал с профессором Александром Михайловым в Пулкове, конец спутника II ожидался со дня на день. Этот обходительный старый человек, один из больших астрономов нашего времени, казалось, был явно опечален этим. Видимо, человеку свойственно все больше привязываться к созданиям рук своих: сколько кропотливого терпения и самоотверженных усилий, сколько дум и надежд носилось в космическом пространстве вместе с этим куском металла, который должен был теперь испепелиться, соприкоснувшись с атмосферой!..

Но скоро профессор обратился к будущему — к ракете, которая умчится на Луну, может быть, для того, чтобы оставить огромное пятно на ее поверхности; или для того, чтобы облететь мертвую планету и сфотографировать и показать людям по телевизору ту ее сторону, которую никогда не видал человеческий глаз; или, наконец, для того, чтобы приземлиться на этой первой дорожной станции в мировом пространстве. Ведь столько увлекательного и важного предстоит еще выяснить. Мы так мало еще знаем, а мироздание так необъятно...

Когда позднее, в Москве, профессор Федоров сидел напротив меня за столом, уставленным стаканами с чаем и вазочками с конфетами и печеньем, был как раз период «междуцарствия» между спутником II и спутником III. Я все спрашивал профессора, когда же вступит на престол III, и как он будет выглядеть, и какие обязанности на себя возьмет.

— А вы, случайно, не смогли бы запустить следующий к Первому мая? — спросил я.— Я в этот день еще буду в СССР и был бы счастлив посмотреть, как он взлетит в небо...

— Мы не торопимся,— ответил он.

— А что, третий будет тяжелее, чем первые два? Может быть, повезет парочку обезьян?

— Будет еще много спутников: одни поменьше, другие побольше, одни с животными, другие без, в зависимости от того, что им будет поручено делать. Но одно несомненно: чтобы вывести на орбиту спутник с хорошей полезной нагрузкой, надо применить межконтинентальные баллистические ракеты. С ракетами среднего радиуса действия больших результатов не достигнешь...

— Вот вы тренируете собак для космических полетов,— сказал я,— а человека вы не готовили?

— Для этого,— произнес за-

[1] Фешенебельный американский курорт. (Прим. перев.)

Член-корреспондент Академии наук СССР Е. К. Федоров в своем кабинете.

думчиво профессор,— надо раньше решить проблему безопасного возвращения на Землю. В СССР работают над этим.

— А кто сделает это раньше: вы или американцы?

— А почему это так важно?

— Потому,— ответил я,— что решение вопроса «мир или атомная война», как мне кажется, зависит среди прочего и от первенства социалистической системы в запуске искусственных спутников Земли...

Член-корреспондент Академии наук СССР Михайлов сказал мне, что самая интернациональная из наук — астрономия, потому что звезды светят над всем человечеством. А профессор Федоров выразился в том смысле, что метеорологическую науку поджигатели войны не смогут использовать, так как ветры дуют во всех направлениях.

Суждено ли сбыться ужасному кошмару Джека Лондона: некая шайка полусумасшедших империалистов управляет миром с какого-то межпланетного корабля, носится над Землей, угрожая непокорным народам полным уничтожением?

Мне припомнился факт, ярко раскрывающий диалектику этой проблемы. Не кто иной, как бывший нацист Вернер Браун, нынешний американский ас ракетостроения, сказал на заседании комиссии конгресса США по использованию космического пространства: «Соединенные Штаты только в том случае смогут противостоять имеющемуся вызову в области использования межпланетного пространства, если будет прекращена неразумная практика, когда поддержка оказывается только тем научным исследованиям, которые служат непосредственно военным целям».

Здесь, думается мне, корень вопроса. Старинная пословица утверждала, что «война — двигатель всего». Опыт истории показал другое: двигателем всего является мирный труд. В основе любого научного прогресса лежат теоретические исследования, лежит неугомонное стремление людей проникнуть в тайны природы. И не может человек науки работать творчески, если ежеминутно ему через плечо заглядывает генерал и спрашивает: «А можно из этой штуки стрелять?»

Советские спутники — результат не какого-то «чрезвычайного плана», доверенного двум — трем узким областям науки. Их могла породить только совместная дружная работа огромного числа ученых самых разнообразных специальностей, их мог создать только общий подъем советской науки на ту высоту, которая дает ей право и возможность штурмовать космос.

Вот почему — и профессор Федоров сказал мне это — спутники стали гордостью советских людей. Гордостью, но не чем-то вызывающим изумление, как это случилось на Западе. Спокойно и уверенно, без фанфар и рекламы, советская наука — социалистическая наука — росла как неотъемлемая часть строительства коммунистического общества.

Но я не верю в чудеса и в судьбу. Я верю в другое. Есть очень ясная связь между революцией, которая началась выстрелом с крейсера «Аврора», и революцией, начало которой обозначил «бип-бип» первого спутника,— революцией, боевые силы которой рекрутируются из тех двухсот шестидесяти—двухсот девяноста тысяч молодых специалистов, которые ежегодно выходят из стен высших учебных заведений первого в мире социалистического государства.

В миллион раз быстрее мысли

Кто-нибудь, возможно, удивленно поднимет брови и пожмет плечами при словах «новая революция».

Я говорю о революции, которую немецкий экономист, философ и революционер Карл Маркс описал в знаменитой XIII главе своей великой книги «Капитал»,— о революции в технике. Подобно промышленному перевороту XVIII и XIX столетий, революция в технике, переживаемая нами сейчас, внесет глубочайшие изменения в нашу жизнь, в жизнь наших потомков и потомков наших потомков.

Маркс говорит в XIII главе о «границах человеческой силы». До тех пор, пока не появились машины и машины для управления машинами, производство было ограничено тем, что могли дать человек с его ручным инструментом или комбинация многих людей с инструментами. Машина же, которая есть множество инструментов, собранных воедино, дала человеку сто или даже тысячу рук вместо двух; машины, двигающие машинами с помощью пара или электричества, снабдили человека в тысячу, даже в сто тысяч раз большей силой, чем он обладал до тех пор. Машины сломали «границы человеческой силы».

Ныне мы ломаем границы скорости человеческой мысли. Снова, но на неизмеримо более высоком уровне мы увеличиваем мощь человека, оставляя позади источники энергии, содержащиеся в молекулярных процессах, и подчиняя себе невиданную и неслыханную энергию атомного ядра. Целые коллективы современных Прометеев вступили в бой за овладение вечным огнем.

Если это не революция, то что же?

* * *

При первой встрече академик Сергей Алексеевич Лебедев производит впечатление очень застенчивого человека. Я сомневаюсь, чтобы он сам считал себя когда-нибудь Прометеем или чем-то вроде полубога; но он уже увеличил скорость работы человеческой мысли в десять тысяч раз, и у него еще более смелые планы.

— Зачем такая скорость? — спросил его я, Фома неверующий.— Если вычислительная машина, которую вы построили, делает тысячу операций в секунду, то ты ведь сможете решить за неделю — другую все математические задачи, какие только существуют на свете...

Академик Лебедев, руководитель Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР, позволил себе слегка усмехнуться.

— Как зовете вы вашего ребенка? — продолжал я.

— Быстродействующая электронная счетная машина.

— Виноват?

Он повторил название по-английски.

— Ага.

— Сокращенно она называется БЭСМ.

— И она делает тысячу операций в секунду?

— Нет. Десять тысяч. Как видите, ребенок подрос.

— О!

— Только не в размерах — в производительности. Иначе говоря, делаясь все проворнее, машина уменьшается в размерах.

— Профессор Лебедев, я хотел вас спросить...

— Да?

— Остались еще в Советском Союзе нерешенные математические задачи?

Снова усмешка.

— Видите ли, чем быстрее работает машина и чем больше таких машин мы строим, тем больше оказывается у нас клиентов, которые приходят со все новыми математическими задачами. Наш ребенок вычисляет, например, орбиты спутников, помогает в исследованиях атомного ядра, решает задачи из области аэродинамики, гидродинамики, турбиностроения, радиолокационной техники, кристаллографии, химии, чистой математики. Для развлечения он еще переводит с иностранных языков. Мы даже пробовали его в пении и в шахматах...

— И здорово играет в шахматы?

— Не играет, а решает шахматные задачи. Думает только на три — четыре хода вперед.

— Ну, а... скажем, насчет романов? Можете вы научить вашего ребенка писать романы?

— Машина может делать все, что выполняется с помощью механического мышления.

— Понятно,— сказал я.— Значит, она может работать только как средний писатель.

...Воображение людей, особенно поэтов и писателей, издавна питалось идеей машины, способной мыслить. Труд раба, крепостного крестьянина и пролетария низводил человека до уровня придатка к орудию труда; поэтому мысль о машине, делающей все за человека, всегда была близка людскому сердцу. У людей, погибавших на строительстве египетских пирамид, наверно, была эта мечта, как и у рабов, мостивших дороги для колесниц римских императоров. От сказочных гномов, которые берут на себя труд средневекового крестьянина и его злой жены, через глиняного Голема, вызванного к жизни заклинанием древнего раввина, и до универсальных роботов в пьесе Карела Чапека пролегает одна дорога, одна страстная мечта. Как ни странно, но в фантастических историях этого рода вы встречаете одно и то же чувство опасения: а не взбунтуются ли машины против человека, создавшего их? Угнетенный народ, из недр которого вышли эти сказания, как бы переносил на «думающие» машины свое собственное неутоленное желание восстать против угнетателей; будучи сами, по существу, «роботами», люди подневольного труда инстинктивно приписывали машине-роботу бунтарские наклонности: ведь даже средневековые гномы разрушают дом крестьянина, когда тот отклоняет их условия; Голем приходит в бешенство; «универсальные роботы» и вовсе «уничтожают человечество». Классовая борьба в народной фантазии принимала сказочную форму бунта «ожившей» машины против человека.

И хотя род человеческий все это облекает в форму сказки, право же, какое-то беспокойство охватывает тебя, когда ты видишь рядом с собой «мыслящую» машину, которая играет в шахматы или переводит на иностранный язык. Не слишком ли, черт побери, она «человечна», эта машина?

Я должен успокоить тех, кто никогда не видел электронную вычислительную машину: она нисколько не похожа на страшного «человекообразного робота». Она напоминает скорее огромных размеров шкаф, передняя стенка которого заполнена гроздьями трудолюбиво мигающих неоновых ламп, а задняя сторона оснащена густой паутиной разноцветных проводов и крохотных переключателей; у дилетанта, как я, они вызывают сравнение с нервной системой человеческого тела.

Словом, примерно так выглядела первая вычислительная машина, которую я увидел собственными глазами. Это была маленькая тихоходка, ковылявшая со скоростью «всего» каких-нибудь ста операций в секунду. Мне показали ее в Физическом институте Академии наук СССР.

Вокруг нее — на первый взгляд, без какого-либо неотложного дела — собралась кучка молодых людей — юношей и девушек. Меня познакомили с ними. Я узнал, что кудрявый молодой человек с серьезным выражением глаз, по имени Борис Марчук,— руководитель отдела по исследованию и планированию вычислительных машин и от роду ему 26 лет; что стоявший тут же рядом его товарищ, видимо, одногодок, Вениамин Антонов,— помощник конструктора этой машины; что хорошенькая белокурая девушка, инженер Евгения Ивановна Лебедь, окончившая высшую школу в 1957 году, ныне изучает машину, чтобы потом самой

управлять ею; что молодая женщина с живыми темными глазами, Наталия Ирисова,— физик, и исследует она какую-то проблему строения молекул, и явилась сюда в качестве «клиента»: машина должна решить для нее математическую задачу. Наконец, мне было сказано, что имя машины — «Урал», а серийный номер — 008, что возраст «Урала» — полтора года и что его производят серийно в Советском Союзе, но скоро он будет заменен новой моделью, использующей главным образом полупроводники вместо электронных ламп.

— Почему вы все такие молодые? — несколько обескураженно спросил я.

— Потому что и наука наша молодая,— ответил Марчук.

— И страна молодая,— добавила хорошенькая блондинка.

— Тогда расскажите мне, как работает ваш «Урал».

— «Урал»? Очень просто,— сказал Антонов; он выглядел так, как будто головой отвечал за каждую из этих разноцветных паутинок.— Возьмем, скажем, такое уравнение...

Он написал на бумажке уравнение, которого я не мог взять в толк: гимназия не умудрила меня до такой степени. Я отобрал у него бумажку и написал: «3 × 5 =...» — и потом сказал:

— Вот объясните, как ваша машина вычислит это.

— Но вы можете сами в уме помножить три на пять! — возмущенно воскликнул Антонов.

— Я знаю. Но поэтому-то я и хотел бы знать, как проделывает эту операцию ваша машина. Мне хочется проверить, будет ли ее ответ что-то вроде 15.

Должен сказать, что Антонов честно попытался передать «Уралу» мою просьбу. Я не сомневаюсь, что машина великолепно «прожевала» бы его сложное уравнение, но дать ей задачу из таблицы умножения оказалось ему не под силу. Это было слишком просто!

Все они почувствовали себя неловко и стали оправдываться, а машина в это время равнодушно выполняла за сотрудницу с молекулами ее работу.

— У меня это заняло бы часов восемь,— сказала она,— если бы я стала высчитывать сама. Мне и приходилось это делать не раз...

Маленькая блондинка принесла ей полоску бумаги, похожую на чек, который выбивает кассовый аппарат в бакалейном магазине.

— Вот! «Урал» сделал все за две минуты,— сказала она.

— Большое спасибо.— Эти слова были адресованы блондинке.

Я ждал, что специалистка по молекулам уплатит что-либо за оказанную услугу. Но она достала из сумочки не рубли, а пудреницу. Мне стало ясно, что академия обслуживает своих клиентов бесплатно.

— Это была сложная задача? — спросил я.

— Очень,— заявила клиентка.— Я же сказала: восемь часов.

— А может «Урал» писать романы? — повторил я свой заветный вопрос.

— Почему же? — ответил Антонов, явно желая взять реванш за фиаско с 3 × 5.— Она посложнее задачи решает!

— Это возможно, конечно,— вмешался Марчук, решив бросить на весы свой авторитет руководителя отдела.— Но только если товарищ иностранный писатель изложит нам законы, управляющие построением и стилем его романа...

— Да, конечно! — подхватила специалистка по молекулам, пряча в карман свою бумажку.— Но все-таки этот машинный роман будет только, как говорят немцы, эрзацем — заменителем... Возьмите музыку. Ну, скажем, Чайковского. Да, «Урал» может написать музыку вроде Чайковского, но это будет только «вроде». Машина не может написать, как Чайковский, если бы не было раньше Чайковского, который писал, как Чайковский,— вы понимаете меня?

Она говорила очень горячо, и ее черные глаза возбужденно блестели. Я пожалел, что я не одна из молекул, с которыми она имеет дело.

— Помните из «Евгения Онегина»? — Она пропела: — Та-таа-та-та-та-та-та-та...

— Да, я помню.

— Так вот, можно найти математические законы, которые управляют этой последовательностью звуков, их ритмом, интервалами и так далее; потом выразить все это в формуле, записать на киноленте и передать в «память» машины. Она начнет давать вариации этого «та-таа-та-та...» Но все равно, раньше должен был быть Чайковский, а за ним — еще человеческий мозг, который переложил бы его музыку на математические величины...

Она была очень увлечена разговором. Совершенно очевидно, раз она одолевает все эти капризные прыжки и повороты своих молекул, почему бы ей не поймать «математику» музыки Чайковского?

— Машина,— сказала она,— может вычислять и думать в сто или в десять тысяч раз или в миллион раз быстрее, чем человек, но она никогда не будет мыслить творчески. Ее механическая «память» — вот и все ее богатство, да и оно дано ей человеком. И поведение ее тоже предписано человеком... Эти машины, как палка для пешехода. Но разве есть палки, которые сами ходят?..

* * *

— Поиски внутренних законов явлений — будь то законы аэродинамики, или языка, или музыки — остаются привилегией человека и его же увлекательной задачей.

Профессор Лебедев стал несколько словоохотливее.

— Видите ли, если бы сущность языка заключалась только в словах, задача для вычислительных машин была бы проще простого. Нам оставалось бы только пронумеровать слова, скажем, из русско-английского словаря и передать номера в электронную «память» машины, затем вложить английский текст в машину, и она начнет выбрасывать русские слова. Но это будет «словарный» язык — просто существительные, прилагательные, глаголы. Но так ведь никто не говорит по-русски.

— Увы! — вздохнул я.— Я говорю немного по-русски, и, кажется, именно так...

— Да,— сказал профессор,— машина должна делать нечто большее. Она должна давать грамматически правильную форму. Мы ведем работы, которые позволили бы переводить прямо с печатной страницы...

— С печатной?!.

— Да. Со страницы. Хотим разделаться с телеграфной лентой. Эти ленты, знаете, слишком громоздки.

...Быстродействующая электронная счетная машина академика Лебедева стоит в продолговатой комнате в одном из зданий на проспекте Ленина. Вокруг гудит новая Москва, растут, как грибы из земли, новые восьмиэтажные жилые дома вдоль широких автомагистралей. Но здесь слышно только дробное постукивание, напоминающее отдаленную пулеметную дробь: это печатающий механизм переносит итоги законченных вычислений на бесконечные бумажные ленты.

Огромные шкафы, наполненные электронными трубками, казалось, подавляли немногих людей, которые словно жались к стенке, осторожно ступая на мягких подошвах. Но в помещении было много свободного места. Широкая пустая стальная рама говорила о том, что здесь недавно стояли другие шкафы.

— Я уже говорил вам,— сказал профессор,— что ребенок наш стал меньше, когда подрос. Здесь стояла старая электронная «память» машины — сорок трубок, величиной каждая с большой графин для воды. Хотите посмотреть новую?

Новая «память» занимала вшестеро меньшее место, чем прежняя. Профессор Лебедев открыл небольшой шкаф. Там было шесть рам, в каждой — густая сеть проводов, и на каждом их скрещении виднелся маленький металлический цилиндрик — феррит, как назвал его профессор,— который мог создавать крохотное магнитное поле, представляя собой, так сказать, клетку искусственного мозга. Но это была только повседневная, готовая к немедленному использованию «память», то опустошаемая, то вновь наполняемая по мере необходимости; а машина могла пользоваться и еще двумя, большей емкости запасами «памяти»: одним — нанесенным на магнитную ленту, другим — на магнитный барабан.

— БЭСМ,— скромно заявил профессор,— может совершать шестьдесят четыре вида различных операций со скоростью десять тысяч операций в секунду. Она самая быстрая в Европе.

— Только в Европе?

— У американцев есть машина, дающая пятнадцать тысяч.

— А ваша быстродействующая не могла бы поднатужиться и дотянуть до пятнадцати?

Профессор Лебедев пожал плечами.

— Мы считаем, что эту модель мы развили достаточно далеко. Теперь мы перейдем к новой модели. Рассчитываем довести ее до ста — двухсот тысяч операций в секунду.

— Молодец! — вырвалось у меня по-русски; я, впрочем, не был уверен, уместна ли такая форма выражения моего восхищения.

— Весьма благодарен,— ответил профессор.— Но и это еще не предел. В дальнейшем целесообразно будет иметь вычислительную машину с производительностью от одного до десяти миллионов операций в секунду и такого объема, который позволил бы захватить ее с собой в межпланетное путешествие... Нет, я не могу точно сказать, когда она будет готова, но в нашей науке работа идет очень быстрым темпом...

Академик С. А. Лебедев.

Профессор Лебедев шутливо покачал головой.

— Не забудьте, что мы сами младенцы. Мы вступили в область быстродействующих электронных счетных машин очень недавно. Когда этот институт открыл свои двери — это было в 1950 году,— у нас не было научных кадров, которые имели бы опыт в этой специальной области; мы должны были учиться на ходу и вот учились у этого ребенка.

— Миллион операций в секунду! — сказал я, не в состоянии сразу охватить всего значения этой цифры.

— Да, нам понадобятся и такие машины,— сказал профессор Лебедев.

Это врезалось мне в память и сознание: миллион операций! Иметь возможность думать в миллион раз скорее, чем возможно было всего несколько лет назад,— это значит не только сокращать время, но изменить и самый характер мышления. Количество переходит в качество. Освобожденные от пут сравнительно медленной работы мозга, мы сможем решать задачи, которые раньше были для нас за пределами досягаемости! Это значит межпланетные путешествия, где только сверхскоростное вычисление высокой точности может спасти возвращающийся космический корабль от того, чтобы проскочить мимо той пылинки во Вселенной, которой является наша старая добрая планета. Это означает и новую эру в чистой математике.

Человек, сбросив с себя бремя «обыденного», кропотливого труда, сможет больше отдаваться работе творческой мысли. Ему останется самая интересная, подлинно творческая часть работы: постановка задачи, выработка программы. Человек нашей эпохи может и впрямь стать подлинным хозяином своего труда.

Разумеется, при социализме.

Вадим Избеков — чемпион страны

И. БОРИСОВ

Из четырнадцати детей Марии Избековой выжило только восемь. Остальных унес голод. Он посещал юрты якутов зимой, когда скромные запасы ячменя и мяса подходили к концу.

Лютые голодные зимы оставили горькие следы на лице «бабки Марии». Она видела, как убывал род Избековых, за каждого своего ребенка готова была изойти кровью, пожертвовать собой, но бог не призывал ее к себе. Может ли быть печальней удел: жить без радости да хоронить сыновей?

Дмитрий родился седьмым. В детстве он часто хворал, и старшие брали его с собой на охоту разве лишь из чувства жалости. Голод подкарауливал именно таких, хилых, беззащитных...

Чтобы сохранить Дмитрия, мать отдала его в батраки к богачу — тойону, у которого было много лисьих шкур, коров, оленей. На чужбине, знала она, несладко, зато сын хотя бы поест вволю.

Нетрудно представить себе, как бы сложилась судьба Дмитрия Избекова, если бы не Советская власть. После семи лет службы у кулака он сел на школьную скамью, научился грамоте. Потом учил других, работал в школе в глухом звенкийском селении на берегу Охотского моря, куда добирался из Якутска добрых два месяца. Пришел срок, и любознательного юношу послали в Ленинград, в Институт народов Севера. Дмитрий окончил его с отличием, вернулся на родину и опять учительствовал до самой войны. А там фронт. Под Кенигсбергом командир орудия Избеков был тяжело ранен. Полтора года лежал он в госпитале, а когда поднялся на ноги, окреп, снова принялся за учебу. Позади осталась аспирантура, защита кандидатской диссертации...

Однако наш рассказ пойдет о другом Избекове, о сыне Дмитрия — Вадиме.

...Он стоял на краю ковра, закинув за спину сильные руки. Куртка самбиста, перехваченная крепким поясом, облегала ладную, коренастую фигуру. Она отнюдь не поражала мускульной мощью, нет; опытный глаз угадывал в ней стальную гибкость, ловкость, которым принадлежит не последнее слово в атлетическом споре.

Ожидая соперника, спортсмен нетерпеливо переминался с ноги на ногу, старательно вытирал подошвы мягких ботинок; лицо его при этом оставалось спокойным, непроницаемым. Увидев среди зрителей широкогрудого, с седеньким пушком на бронзовом черепе, здоровяка, борец улыбнулся ему одними глазами, будто продолжил начатый до выхода на арену разговор. Все, мол, в порядке...

А вот и противник. Лаврентий Кациашвили, чемпион СССР 1955 года, стремительно сближался с Вадимом Избековым, и тому пришлось тоже поспешить, чтобы встретить мастера на середине ковра.

Руки соперников соединились в традиционном пожатии. Еще мгновение — и вспыхнет поединок, венчающий многодневный (и многотрудный, добавим от себя) турнир самбистов.

К этой решающей встрече Вадим шел целых три года, с того дня, когда впервые переступил порог зала самбо Московского энергетического института и предстал перед грузным, широкогрудым человеком, присутствие которого среди зрителей он только что так радостно приветствовал.

Анатолий Аркадьевич Харлампиев внимательно оглядел тогда новичка, и тот вдруг густо покраснел, застыдившись своего небогатырского вида.

— Боролся когда-нибудь? — спросил тренер.

— Нет, не приходилось...

— Вот и хорошо, не надо будет переучивать...— Харлампиев еще раз скользнул взглядом по худощавой фигуре юноши и, считая, что, так сказать, с официальной частью покончено, властно кинул: — Раздевайтесь!

Опытный воспитатель, спортсмен, с именем которого связано рождение замечательной борьбы самбо (самозащиты без оружия), Анатолий Аркадьевич любил, когда к нему в секцию приходили именно такие, «необученные» ребята. Он был убежден, что атлетом может сделаться каждый.

А. Харлампиев тренирует Вадима Избекова.

Фото А. Бочинина.

Сильными и ловкими не рождаются — ими становятся. Все дело в характере, в умении трудиться.

Многое, конечно, зависит от тренера. Он должен «заразить» ученика борьбой, вооружить его всем арсеналом приемов самбо, сделать так, чтобы юноша признал их «своими». И еще: привить молодому атлету стремление к творчеству. В этом смысле самозащита без оружия предоставляла простор для фантазии, для поисков. Одежда борца позволяла проводить уйму разнообразных захватов; обилие захватов определяло богатство приемов; последнее обстоятельство приводило к тому, что на ковре то и дело возникали самые неожиданные и сложные положения, воистину атлетические головоломки, решить которые мог только искусный борец.

Вадиму поначалу не хватало физической силы (ловкости ему было не занимать), и Харлампиев посоветовал ученику поднимать тяжести. Избеков с трудом выжимал 20 килограммов. Гиря представлялась ему живым, неподатливым противником. Он вел с ним спор с той же непреклонностью, с какой атаковал физику и теплотехнику.

Сила постепенно прибавлялась. Вадим поднимал уже одной рукой 25, 30, 32 килограмма. Партнеры Избекова по тренировочным схваткам доверительно сообщали ему, что бороться с ним становится с каждым разом все труднее и труднее. Вадиму было приятно знать, что друзья-соперники искренне рады этому.

Он засыпал тренера вопросами, допытывался, почему не получаются у него простые, казалось бы, броски или защитные приемы. Анатолий Аркадьевич охотно объяснял Вадиму его ошибки. Харлампиев вглядывался в смуглое сосредоточенное лицо ученика и ловил себя на мысли, которую другой, может быть, посчитал бы обидной,— что Избеков, честно говоря, не все принимает на веру. Он должен еще убедиться на деле, прав ли тренер. И именно такой Вадим нравился Харлампиеву — пытливый, упорный, стремящийся до всего дойти своим умом.

Ученический период длился у Избекова недолго. Уже через четыре месяца после прихода в секцию он провел свою первую официальную встречу. Вадим проиграл ее. Он попался на болевой прием, и судья, не дождавшись сигнала сдачи, прекратил борьбу. Избекова огорчило не столько поражение (что ж, соперник оказался искуснее его), сколько преждевременный свисток судьи. «Я бы ни за что не сдался,— говорил в сердцах Вадим,— ни за что!»

С той памятной схватки прошло три года.

А сейчас предстояло куда более серьезное испытание — финальный поединок, который решит, кому называться сильнейшим самбистом страны в наилегчайшем весе: маститому Лаврентию Кациашвили или молодому перворазряднику Вадиму Избекову.

Вадима нельзя было упрекнуть в непочтении к грозному сопернику. Он знал, на что способен хладнокровный, расчетливый мастер, умеющий «вспыхивать» в момент атаки, в то самое мгновение, когда соперник доверчиво расслабился или сделал неосторожный шаг. Как все грузинские борцы, Кациашвили удивительно ловко проводил зацепы. Противник чувствовал себя на просторном ковре, словно на «пятачке». Куда ни ступал — всюду доставали его ноги чемпиона. Волей-неволей приходилось думать только о защите.

«Атакуй сам, не выжидай»,— напутствовал Вадима Харлампиев.

Кациашвили надо было лишить преимущества нападающего, он не должен оставаться, по своему обыкновению, хладнокровным и расчетливым, его следует выманить из-под этой брони, навязать темпераментный поединок, в котором скажутся ловкость и выносливость молодого Избекова.

Таков был тактический замысел схватки.

Мы не будем описывать ее подробно, скажем только, что Вадим в точности выполнил план тренера. Зная склонность Кациашвили к проведению зацепов, Избеков сам нападал на ноги противника, чем немало удивил его. В середине схватки Вадиму удалось перехитрить опытного мастера: он сделал вид, что готовит бросок через бедро, и, когда Кациашвили, парируя прием, отпрянул назад, чтобы избежать опасного сближения, Избеков с быстротой молнии взметнул свое гибкое тело в воздух. Падая, Вадим ногами, уподобившимися клинкам ножниц (одна нога легла на грудь соперника, другая — на подколенные сгибы), «подрезал» Кациашвили, и тот, потеряв равновесие, рухнул на ковер.

Чемпион страны быстро поднялся в стойку. Всем своим поведением он хотел показать, что нисколько не удручен неудачей. Кациашвили будет сейчас более внимательно следить за ногами противника, вот и все...

И тогда Вадим пустил в ход свой коронный бросок — «через себя»...

Зрители дружно приветствовали решение судейской коллегии, признавшей победителем Избекова. Любители атлетического спорта долго не отпускали на отдых смущенно улыбавшегося смуглолицего, с пятнами румянца юношу.

И. Н. Воробьева.

Из серии
«ЛЮДИ ЦЕЛИНЫ».

АКВАРЕЛИ И ГРАФИКА

НА ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ 40-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

И. Н. Воробьева.

Из серии
«ЛЮДИ ЦЕЛИНЫ».

Цветные
автолитографии.

В. А. Новиковский. РЕМОНТ МАРТЕНА. Цветная литография.

Художники— комсомолу

Недавно вся наша страна отмечала славную дату — сорокалетие Ленинского комсомола. Советские художники сделали замечательный подарок к юбилею: около двух месяцев была открыта художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Художники всех братских республик стремились показать героический путь, пройденный Ленинским комсомолом за сорок лет.

Выставка в основном состояла из произведений молодых художников нашей страны, которые в недавнем прошлом сами были комсомольцами. Здесь были представлены и лучшие дипломные работы выпускников 1957—1958 годов всех высших художественных учебных заведений страны. Кроме того, зрители увидели работы на молодежные темы, созданные художниками старшего поколения на протяжении всей истории советского изобразительного искусства.

«Огонек» уже публиковал некоторые произведения с выставки «40 лет ВЛКСМ». Почти все они представляют творчество молодых художников. Это были работы живописцев—украинцев Л. Стипя «Комсомольцы», И. Бевзенко «Первый комсомольский прокат», «Майским утром» москвича В. Сидорова, «Сельская учительница Н. А. Басалаева» ленинградского художника И. Раздрогина; дипломная работа Ю. Павлова «Стадион». Всех их объединяет стремление художников к отображению современной действительности.

В этом номере читатели познакомятся с работой грузинского художника Т. Самсонадзе «Руставн» и с некоторыми произведениями графического раздела выставки. Эти произведения показывают, как шагнула вперед наша графика, какие жизненно важные темы отображают советские художники.

С одинаковым интересом зритель останавливался и перед уже известными ему по предыдущим выставкам такими работами, как «Маша, пора обедать» замечательного художника Ю. Пименова, «Сверх плана» из шахтерской серии Н. Пономарева, и перед листами молодых художников, впервые выступающих на всесоюзных художественных выставках,— москвича В. Попкова «Трудовые будни» из серии «Транспорт», украинского художника В. Новиковского «Концерт на строительстве» и «Ремонт мартена» из серии «Металлурги Приднепровья», белорусского художника С. Геруса «Рабочий», москвичей Н. Воробьевой и Л. Тукачева.

Молодые художники посвящают свои произведения замечательным труженикам отечественной тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, рассказывая о труде и отдыхе простых советских людей. Молодая художница Н. Воробьева в своей серии «Люди целины» образным языком рассказывает о жизни новоселов целинных земель. Во всех этих листах чувствуется искреннее стремление художников раскрыть духовный мир советского человека—творца нашего коммунистического завтра.

Выступление молодых советских художников на выставке «40 лет ВЛКСМ» свидетельствует о том, что к XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза наши художники приходят с произведениями большого общественного звучания, показывающими рост советского многонационального изобразительного искусства.

М. БАКУЛЕВА

В борениях мира

Лион Фейхтвангер. 1955 год.

В часе езды от Лос-Анжелоса, на берегу Тихого океана, среди крутых причудливых скал, будто вытолкнутых каким-то великаном к самой воде, стоит маленький домик. Местечко Пэсифик Палисайдс мало известно в Лос-Анжелосе. Даже весьма осведомленные шоферы такси не скоро покажут вам, как добраться к нему по узенькой, резко уходящей в сторону от широкого шоссе дороге. Здесь жил в эмиграции Лион Фейхтвангер. Когда радио принесло известие о его смерти, мне вспомнились слова писателя, сказанные группе советских журналистов, которые поздней осенью 1955 года приезжали к нему в гости:

— Вы говорите о возвращении на родину?! Может быть, это единственное желание, которое мешает мне спать и гнетет меня беспрестанно. Но, видимо, мне суждено вернуться туда уже после смерти, потому что я стар, у меня рассчитана каждая минута, я хочу больше сделать как раз для того, чтобы мое посмертное возвращение в Германию не было очень печальным.

Лион Фейхтвангер как бы шутил, но, согласитесь, слова его были грустные. Несколько минут мы никак не могли снова наладить разговор и молча любовались океаном и брызгами от волн, которые разбивались о красновато-серые скалы.

Сегодня нет Фейхтвангера. Ушел из жизни большой писатель, человек, за семьдесят с лишним лет своей жизни написавший сотни страниц потрясающих человеческих историй, которые десятилетиями волновали читателей многих стран мира.

Творческая биография Фейхтвангера сложна. Не во всем и, конечно, не всегда мы соглашались с его пониманием истины. Но «Еврей Зюсс», «Лже-Нерон», «Семья Оппенгейм», «Успех», «Гойя» и книга-памфлет «Братья Лаутензак» — все это огромное разнообразие литературных полотен создает в нашей памяти образ Фейхтвангера, огромного мастера и гуманиста, человека потрясающей работоспособности и знаний.

Есть нечто удивительно прискорбное, как мне думается, в том, что писатель умер далеко от Германии, от Берлина, от своих друзей, от той земли, которой он жил и которая помогала ему работать, несмотря на старость, несмотря на то, что каждая страница и каждый час диктовки давались с огромным трудом.

Помните, в своей книге о Москве Лион Фейхтвангер замечал:

«Когда, например, молодая студентка политехникума, которая еще несколько лет назад была работницей, говорит мне: вот несколько лет назад я не умела написать по-русски правильно ни одной фразы, а сегодня смогу беседовать с вами на сносном немецком языке об организации американского автозавода, или когда деревенская девушка, пылая от радости, заявляет на собрании: четыре года тому назад я была неграмотна, а сегодня могу рассуждать с Фейхтвангером о его книгах, я знаю — такая гордость вполне законна — она возникает из столь глубокого удовлетворения и советской действительностью, и положением оратора в этом мире, что ощущение счастья передается даже слушателю».

Заметьте, это было сказано немецким писателем Фейхтвангером двадцать с лишним лет тому назад, когда наша молодежь еще только приступала к осмыслению сотен и тысяч томов прекрасных произведений художников слова всего мира. Но уже тогда Фейхтвангера хорошо знали у нас в Советском Союзе тысячи молодых читателей. Имя Фейхтвангера для той девушки было одной из мерок интеллектуального развития, которого она добилась. А слова девушки для Фейхтвангера были мерой народного признания творчества прогрессивного художника. Как было не гордиться этим Фейхтвангеру и как было не гордиться этим девушке!

И вот мы, семь советских журналистов, в Америке 1955 года. Сопровождаемые целой сворой агентов и уполномоченных государственного департамента США, приезжаем в Лос-Анжелос и говорим, что хотим посетить Фейхтвангера. Если бы кто-нибудь из советских людей мог видеть удивление, нескрываемое подозрение при звуке имени, которое было нами произнесено!

— Лион Фейхтвангер?! — переспрашивали по нескольку раз ученые господа, разодетые с дипломатическим блеском, безупречно управляющие автомобилями, господа, которые держатся обычно так, словно весь мир только потому и существует, что есть в мире они. Эти господа пожимали плечами, о чем-то переговаривались друг с другом и, наконец, с американским простодушием заметили, что Фейхтвангера они не знают.

Это было больше чем грустно.

Когда представители государственного департамента, целую ночь проконсультировавшись с кем-то, заявили, что к господину Фейхтвангеру мы поехать не сможем, потому что его имя уже сорок раз упоминается в отчете комиссии сената штата Калифорния по расследованию антиамериканской деятельности, мы громко рассмеялись. Мне не забыть, как Борис Полевой внезапно оборвал этот невеселый смех и с гневом проговорил:

— Ваше дело, господа ученые, знать или не знать Фейхтвангера, но нас не поймут наши читатели, если, находясь всего в часе езды от дома этого большого писателя, мы не скажем ему, что каждый школьник, каждый студент, каждый рабочий, каждый служащий и каждый колхозник в Советском Союзе читает и любит многие из его книг.

Не знаю, подействовала ли горячая речь Бориса Полевого или господам из дипломатической службы Соединенных Штатов Америки стало стыдно, но мы поехали к Фейхтвангеру и провели у него целый день.

Здесь, на чужом берегу, этот человек не был в духовной изоляции. Мир с его страстями и борениями стучался круглые сутки в двери домика, и они всегда открывались предупредительно навстречу любому доброму гостю, навстречу сотням животрепещущих новостей.

Маленький, даже тщедушный на вид человек, Лион Фейхтвангер был похож на сказочного деда, лукавого и всемогущего. Он переносился легко из двадцатого столетия во времена библейских сказаний и жил там спокойно и уверенно, оставаясь все же гражданином своего века. Он работал одновременно над четырьмя или пятью произведениями. Больше всех других его влекла тема становления Человека в высшем смысле этого слова, тема победы мира над войной.

Будь дописана эта книга, она смогла бы естественно и достойно увенчать огромный труд писателя-гуманиста. Но еще ни одному писателю не удавалось дописать все, что он хотел.

Во всем мире отдают день уважения большому немецкому писателю, человеку, который уже на склоне лет сердечно и радостно приветствовал рождение первого в истории Германии государства рабочих и крестьян — Германской Демократической Республики. Правда, в некоторых учреждениях Соединенных Штатов Америки при известии о смерти Фейхтвангера даже не шелохнулись занавески. А кое-кто, кому «по долгу службы» полагалось помнить о «красном» Фейхтвангере, облегченно вздохнул: Фейхтвангер никого не будет больше беспокоить! Но совсем не хочется говорить об этих чиновниках.

Фейхтвангер навсегда вернулся на родину и больше не будет значиться в списках ФБР. Зато он вошел в сердца миллионов людей во всем мире. Это, в конечном счете, самое существенное для человека, который всю жизнь хотел служить правде.

Алексей АДЖУБЕЙ

ТАЛАНТ, ТРУД, ТВОРЧЕСТВО...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Большой талант — это всегда большой Человек. Но всякая крупная, одаренная человеческая личность только тогда становится явлением в искусстве, когда она, словно чудесный алмаз-самородок, бывает затем отшлифована, огранена трудом, творческой волей, целеустремленными усилиями художника, мастера...

Труд — главное для актрисы Пашенной на протяжении всей ее жизни. Началась эта трудовая жизнь с той самой минуты, когда шестнадцатилетняя Вера, окончив одну из московских гимназий, впервые вошла августовским днем 1904 года в дверь Императорского театрального училища на Неглинной улице. Вошла, повинуясь внезапному и неотвратимому душевному велению. До этого будущая артистка, дочь известного русского актера Н. П. Рощина-Инсарова, и не думала о сцене. Она собиралась стать врачом. Даже начала уже заниматься латынью. Но, видимо, неосознанное еще тяготение к искусству взяло верх. Получив разрешение родственников — без него по существовавшим тогда правилам не допускали к экзаменам, — Пашенная, скромно одетая, в стареньких туфельках, предстала, сдерживая дрожь волнения, перед Александром Павловичем Ленским.

— Что вы прочтете? — спросил знаменитый артист, приветливо глядя на оробевшую, смущенную девушку добрыми синими глазами.

— Стихотворение Надсона «Мать».

И зазвучал, забился в стенах экзаменационного зала чистый, ясный, трепетный девичий голос...

Вспоминая тот день, Вера Николаевна задумчиво говорит:

— Конечно, я не понимала тогда своего состояния. И только потом, значительно позже, разобралась в своих переживаниях. Все во мне словно устремилось навстречу непреодолимому желанию слиться с образом, зажить в нем... Осмысленная радость, понимание этой «жизни в образе», — необходимой для каждого актера, — пришли много лет спустя, когда я научилась играть на сцене сама, пройдя через ошибки, трудности, разочарования, когда узнала самое великое творческое счастье — приобщать к любимому искусству молодежь...

Работая с молодежью, будущими актерами, В. Н. Пашенная не просто учит их жесту, мимике. Она добивается истины переживаний, правды чувств. Каждое слово, каждое движение артиста должно быть рождено мыслью и мыслью же оправдано. Одной только эмоциональности, стихийного «горения» мало. Большое искусство требует раздумий, анализа, глубоко продуманных решений. Это узнала Пашенная от своих великих учителей — А. П. Ленского и К. С. Станиславского.

Развивая их теоретическое наследие, претворяя в своей собственной сценической практике замечательные реалистические традиции М. Н. Ермоловой и О. О. Садовской, В. Н. Пашенная, подобно некоему живому мосту, соединяет блистательное прошлое Малого театра с его славным настоящим.

Около ста ролей сыграла В. Н. Пашенная за полвека жизни, безраздельно отданной театру. Гоголь, Толстой, Островский, Чехов, Шекспир, Шиллер, Ибсен, Гюго... Высокие творения мировой и русской классики формировали облик артистки в ранней юности. Послереволюционная, молодая советская драматургия наполнила сценические создания Пашенной большим гражданским смыслом. Особенно сильно почувствовала это актриса, получив осенью 1926 года заглавную роль Любови Яровой в пьесе Константина Андреевича Тренева.

— Прочитав роль впервые, — рассказывает В. Н. Пашенная, — я узнала в своей героине живую, настоящую, новую женщину — такую, которых я тогда в произведениях писателей почти не встречала. А в жизни эти люди были вокруг нас! Мы играли для них. Они глядели на нас из глубины зрительного зала. Они творили и строили. Но какие они сами — каковы их чувства, переживания, манера поведения, — мы, актеры, еще не очень знали...

Шаг за шагом Вера Николаевна Пашенная просматривает мысленно всю линию жизни своей героини. Вдумывается в ее поступки, слова. И вот уже воображение художника, а главное, мысль подсказывают жест, походку, внешность. Строгий белый воротничок, темное платье прямого покроя, гладкая прическа, открывающая высокий лоб; ясные, пытливые глаза, напряженно вглядывающиеся во всех окружающих... Решительно отвергнут предложенный молодым тогда художником Н. А. Меньшутиным пышноволосый рыжий парик, подчеркнуто короткая юбка... Актриса сразу утверждает свою Любовь Яровую как человека очень простого, скромного, на первых порах далекого от революции... Учительница Яровая сперва неосознанно — просто «по-человечески» — помогает «красным». Лишь постепенно она проникается теми великими идеями, которые делают ее непосредственной участницей гражданской войны, подлинным борцом за новую, большевистскую, ленинскую правду жизни.

Москвичи, постоянные зрители Малого театра, помнят, каким громадным событием в советском искусстве оказалась постановка спектакля «Любовь Яровая» в декабре 1926 года. «Правда» тогда писала, что постановка пьесы «стала вехой в новой, советской истории русского театра».

Особенно запоминался финал, где Яровая проходит мучительную жизненную проверку, вынужденная решить, с кем же она: с мужем, оставшимся на стороне «белых», или с «красными», которые стали ее товарищами, соратниками... Трудным, сложным, но до конца правдивым было решение Яровой-Пашенной: она на стороне революции!

Женственная, искренняя, во всем верно и живо схваченная — такой была Любовь Яровая Пашенной. По словам самого К. Тренева, актриса облекала в плоть и кровь «не только героиню, но и всю пьесу...» Так писал драматург В. Н. Пашенной по случаю 300-го представления «Любови Яровой».

Творение актрисы действительно вошло в историю советского сценического искусства и стало классическим.

Благородная, патриотическая и вместе с тем скромная, простая роль Талановой — русской женщины-матери в пьесе Леонида Леонова «Нашествие» — продолжала в творчестве Пашенной путь, по которому шла актриса. Путь создания крупных и сильных женских образов при удивительном внешнем лаконизме, сдержанности исполнения.

Роль Талановой В. Н. Пашенная играла в самом разгаре войны. Малый театр ставил «Нашествие» в 1943 году, вкладывая в спектакль всю силу ненависти и презрения советских людей к фашистским захватчикам. Таланова в исполнении Пашенной, мать, отдающая сына Родине безо всяких колебаний, с огромной гордостью, вызывала в зрительном зале большой душевный подъем. Прямая, строгая, высокая, чем-то напоминающая знаменитый портрет Ермоловой работы Серова — такой играла свою Таланову В. Н. Пашенная. Все в ней было еще более устремлено вглубь, чем даже в Любови Яровой. И все от-

Народная артистка СССР В. Н. Пашенная в спектакле Малого театра «Васса Железнова» в заглавной роли.

Фото А. Гладштейна.

кликалось в душе зрителя живым и бурным сочувствием...

Скупость красок?.. Да, несомненно! И вместе с тем разве можно сказать так об актрисе, создающей образы столь несхожие, и внешне и внутренне, изумляющие глубиной постижения характеров... Вот рыбачка в спектакле «Южный узел» А. Первенцева. А вот «человек необычайной душевной красоты» — Наталья Ковшик из спектакля «Калиновая роща» А. Корнейчука. Все в Наталье-Пашенной так и блещет, светится радостью труда, мысли, созидания: ясные, с лукавинкой, веселые и умные глаза, ослепительно щедрая, белозубая, открытая улыбка. Сильная, ловкая Наталья привлекает гордой стáтью, гармоничными, плавными движениями, напевной, мелодичной речью.

Еще бóльшим психологическим различием, еще большей силой актерского перевоплощения отмечены работы В. Н. Пашенной в спектаклях «Васса Железнова» А. М. Горького и «Каменное гнездо» Х. Вуолийоки. Думается, именно в этих ролях актриса достигает наивысшего умения владеть своим талантом, своей творческой палитрой. Она лепит образы, самое появление которых на сцене невозможно вне многолетнего опыта, вне мысли и вдохновения.

Крупная, большая, но не грубая и не грузная, а подвижная, энергичная женщина — вот какой рисует свою бесконечно одинокую Вассу Железнову Пашенная. Много обаяния в этой Вассе: совсем еще легкая поступь, властные движения, уверенный взгляд... Она словно могучий дуб, на корню подточенный червем... Падает этот дуб—рушится жизнь Вассы. Мгновенная смерть разит грозную хозяйку огромного волжского пароходства, когда вся она устремлена на борьбу с людьми, против людей, за «свой» — капиталистический — класс...

Потрясающее по глубине художественного обобщения, реалистическое горьковское неприятие Вассы, вобравшей в себя все черты старого мира, нашло у Пашенной трактовку, не побоимся сказать, совершенную.

Среди исполнителей образов, созданных Горьким для театра, не многие актеры поднимались на сцене до такой человеческой правды, страшной своей непреложностью, неотвратимой убедительностью... Пашенная столь исчерпывающе знает свою Вассу, что даже молчанием своим говорит нам о ней бесконечно много. Образ, рожденный высоким искусством актрисы, позволяет зрителю вплотную соприкоснуться с ушедшей эпохой, вживе ощутить тот давящий груз, который незримо лежит на плечах Вассы и ломает, убивает в ней человека. Смотришь на Вассу Пашенной и догадываешься, сколько горя и несправедливости надо было перенести ей, чтобы самой рождать только горе и несправедливость.

«Весь старый мир старой России... вот как много удалось передать Вам в образе Вассы», — писал актрисе растроганный и изумленный ее превосходной игрою писатель А. А. Фадеев. Он сожалел, что Горький не дожил до того, чтобы увидеть свою Вассу в исполнении В. Н. Пашенной.

...И вот уже второй год с аншлагами идет — не только на гастролях, но и в Москве — «Каменное гнездо».

Сама по себе пьеса финской писательницы Х. Вуолийоки вовсе и не претендует на крупные социальные обобщения. Именно Пашенная своим исполнением главного образа Хозяйки «Каменного гнезда» — маленького поместья Нискавуори — многократно углубляет звучание произведения.

Здесь актриса показывает радостную победу, одержанную в человеческой душе. Эта победа знаменует неотвратимое наступление нового в жизни людей, в их отношениях.

Образ, созданный В. Н. Пашенной, вновь покоряет поразительной достоверностью. Точными медлительными движениями, хмурым взглядом, приглушенными интонациями передает актриса переживания своей Хозяйки. И зритель опять видит, что все досконально знает Пашенная и об этой гордой, замкнутой, даже суровой на первый взгляд женщине.

Как ошиблись все те, кто думал в старой Хозяйке опять увидеть Вассу Железнову, только на иной, финский лад! Нет, Пашенная не повторяется. Посмотрите, какая живая, сочувственная, порою чуть насмешливая, порою совсем молодая, добрая, горячая искорка загорается в строгом, пристальном взоре старой Хозяйки, когда, будто вопреки самой себе, любуется она Илоной. Эта прекрасная девушка полюбила сына старой Хозяйки, а тот не свободен: приданое богатой жены связало, закабалило его... Поначалу кажется, что старая Хозяйка в своем гневе никогда не сможет понять сына, простить Илону... Она непреклонно молчит. Лицо ее словно камень. Но вот неуловимым движением прошла по нему глубоко скрытая, добрая мысль, в глазах пробудилась любовь. И весь зрительный зал отзывается единодушным движением сердца, всплеском аплодисментов на сцену, в которой не было сказано ни слова, но которая до всех дошла и всех тронула.

Вера Николаевна Пашенная у себя дома.

Хозяйка Нискавуори («Каменное гнездо») в исполнении В. Н. Пашенной.

Гуманистическая тема веры в человека, которую последовательно раскрывает Пашенная, звучит в спектакле «Каменное гнездо» широко и торжественно, как тема неискоренимой веры в народ, в победу сил разума и правды.

— Интересно, какой же будет Кабаниха в «Грозе»?..

...Народная артистка СССР В. Н. Пашенная позволила нам приоткрыть для читателей «Огонька» один творческий секрет. Она ведет сейчас большую работу, заново изучая великое произведение Островского. Когда-то Пашенная играла в «Грозе» Катерину. Впервые это было в сезон 1910—1911 года... С особым волнением пересматривает ныне актриса образы бессмертной пьесы. И, думается, много интересных сценических открытий принесет зрителям новая постановка Малого театра.

Немногие часы своего домашнего отдыха В. Н. Пашенная сейчас посвящает «Грозе». В ее большом, чуть сумрачном кабинете в эти часы горит на письменном столе неяркая лампа. Круг света падает на любимые и знакомые лица — портреты великих мастеров русской сцены... Обитатели старинной московской квартиры стараются не шуметь в эти часы, посвящаемые актрисой сосредоточенному творческому раздумью. И все же жизнь бьет ключом в комнатах под сводчатым потолком, где выросло уже четвертое артистическое поколение... Вместе с В. Н. Пашенной живет ее дочь — И. В. Полонская, заслуженная актриса Якутской АССР, доцент кафедры мастерства школы Малого театра. Внуки Пашенной— Сверчковы — тоже актеры: Владимир — артист Малого театра, Александр работает в Хабаровске.

Сорок лет прожила Вера Николаевна Пашенная в доме на улице Огарева, куда почта ежедневно доставляет письма со всех концов страны. Пожалуй, нет крупного театрального города, где не работали бы ученики и ученицы В. Н. Пашенной. Их уже сотни и сотни. Среди них многие имеют звания лауреатов, профессоров, народных артистов... И каждый год В. Н. Пашенная вновь слушает молодые голоса в школе Малого театра.

Волнуясь, робея, встают экзаменующиеся перед актрисой. Она ласково спрашивает:

— Что вы будете читать?

...Кончаются экзамены, начинается учеба. Каждому своему питомцу В. Н. Пашенная снова и снова внушает, что главное в облике актера — это труд, труд и еще раз труд!

— У человека, — говорит она,— может быть способность, даже талант. Но его легко растерять. Могут быть подъем, увлечение. Но их тоже можно потратить безрассудно, нерасчетливо. И никогда не пропадет даром труд, оттачивающий мастерство, раскрывающий творчество артиста-художника.

30 минут—и Ялта

Вертолет над Ялтой.
Фото Н. Бондаренко.

Совсем недавно говорили:

— Ну, что ж, главное — добраться до Симферополя, а там четыре—пять часов на автобусе — и Ялта!

Четыре—пять часов! А дорога-то какая — змеей извивается в горах! Не каждый легко переносит путешествие по краю пропасти, да еще в гололедицу.

Другое дело теперь. Между Симферополем и Ялтой открылась первая в Советском Союзе регулярная пассажирская линия на вертолетах.

30 минут — и Ялта.

Трассу для регулярных полетов подготовил экипаж вертолета в составе командира Г. П. Дробышевского, бортмеханика Ш. М. Аруина, штурмана В. П. Разжавина, инженера К. Н. Макарова и техника В. Н. Ульянова.

В Крыму замечательная машина, что называется, пришлась ко двору. Ее испытали на опрыскивании химикатами крупных садов и виноградников, пораженных вредными насекомыми. В этом году вертолеты будут служить не только отдыхающим в Крыму, но и колхозным садоводам и виноградарям.

П. СИНИЦЫН

МЕЛЬНИЦА НА КОЛЕСАХ

На фотографии показана первая в нашей стране автопередвижная вальцевая мельница, удостоенная диплома Всесоюзной промышленной выставки.

Вся мельница смонтирована на семитонном грузовом автомобиле «МАЗ-200» и двухосном автоприцепе.

Все оборудование мельницы приводится в действие от индивидуальных электродвигателей с питанием от внешней сети или собственного генератора, установленного на автомобиле.

Перевод мельницы из походного состояния в рабочее совершается за 50 минут, а перемещается она со скоростью 40 километров в час.

Производительность мельницы—15 тонн сортовой муки в сутки. Ее обслуживает один рабочий.

Автопередвижные мельницы предназначены для целинных земель и тех сельских районов, где отсутствуют вальцевые мельницы.

Производство автопередвижных мельниц организовано на николаевском заводе «Мельмаш».

С. КОФМАН

ОТ КРАЯ

Почта капитана Пономарева

Если вы спросите на почтамте в Ленинграде, кто в эти дни больше всех получает писем, вам ответят:

— Павел Акимович Пономарев.

Застать Павла Акимовича дома почти невозможно. Все свое время он проводит на судоверфи, где у пирса ведутся швартовые испытания первого в мире корабля с атомным двигателем. Вокруг стальной громадины, стоящей неподвижно на Неве, клубится пар. Снежные хлопья кружатся в воздухе, запорашивают палубу, надстройки.

В эту горячую пору зоркий глаз капитана всюду необходим. Строители атомохода испытывают одну систему механизмов за другой. И везде надо побывать капитану. Наступило то время, когда ледокол переходит, что называется, по частям из рук строителей в руки моряков. Вместе со своей командой Пономарев проверяет каждый механизм...

Заслуженный капитан, проплававший на кораблях без малого полвека, не раз пересекавший арктические моря, ходивший на «Красине» спасать экспедицию Нобиле и челюскинцев, выглядит моложаво. Лицо без резких морщин, голос звонкий. И только седина, посеребрившая голову, напоминает о возрасте. Тридцать шесть лет назад Павлу Акимовичу довелось впервые прийти в Ленинград на ледоколе «Ленин». То было небольшое паровое судно. А сейчас он капитан первого в мире атомохода...

Вот уже два года Павел Акимович присматривается к необычному кораблю, изучает его сначала по чертежам и схемам, затем в цехах завода и вот сейчас у пирса, когда ведутся швартовые испытания.

Павел Акимович показывает нам капитанский мостик. Отсюда он и его помощники смогут легкими поворотами рычагов изменять скорость движения атомохода. Работу всех сложнейших машин будут регулировать автоматы.

— На нашем корабле,— рассказывает Пономарев,—будет не так уж много рядовых моряков. Весь командный состав с высшим образованием: инженеры, механики, физики.

На атомном корабле такие удобства для команды, каких не было ни на одном ледоколе. В каютах — мягкие, убирающиеся койки-диваны, письменные столы, кресла, лампы дневного света, установки «искусственного климата».

— Плавать на таком корабле— честь для любого моряка,— говорит капитан.— Сколько в стране желающих попасть в наш экипаж!

И Павел Акимович перебирает

Павел Акимович Пономарев.
Фото М. Васильева.

конверты со штампами Томска, Москвы, Южно-Сахалинска, Магадана, Киева, Алма-Аты, Горького, Воронежа...

«Я комсомолец,— пишет москвич Виталий Фролов.— Восемь лет назад окончил Херсонское мореходное училище по специальности судомеханика. Плавал по Азовскому и Черному морям, на судне «Полюс» участвовал в переходе из Владивостока в Одессу. Очень хочу быть в составе экипажа атомного ледокола «Ленин».

А вот письмо электрика Алексея Гоголева: «Я могу работать оператором радиолокационных установок и радиотелеграфистом. Очень люблю море. Прошу вас, Павел Акимович, зачислить меня в экипаж атомохода».

Капитан вскрывает еще одно письмо, и по лицу его пробегает улыбка. На маленьком клочке бумаги детским почерком аккуратно выведено: «Дорогой Павел Акимович! У меня есть к вам большая просьба. Зачислите меня в команду атомного ледокола, который в недалеком будущем вы поведете по студеным морям в Арктику. Юра Шустиков, ученик 4-го класса 31-й школы г. Магнитогорска».

Павел Акимович отвечает маленькому мечтателю: «Учись, Юра, прилежно. К тому времени, когда ты вырастешь, у нас будет много таких кораблей, как атомный ледокол «Ленин»...»

К. ЧЕРЕВКОВ

РЕЛЬСЫ ДОРОГИ ДРУЖБЫ

Ан. ВЕТРОВ

Еще одно звено ложится на насыпь.
Фото В. Агафонцева.

Известный наш геолог и путешественник Владимир Афанасьевич Обручев еще в начале века особым знаком пометил на карте коридор в горах Джунгарского Алатау, на границе Китая с Россией.

— Джунгарские ворота,— сказал тогда Обручев,— кратчайший путь из Внутренней Азии в Восточную Европу; рельсы, которые со временем свяжут столицы двух великих государств и соединят Черноморские и Балтийские порты с портами Китая, пройдут именно здесь.

В наши дни это мнение ученого было включено как убедительный аргумент в проектное задание по строительству железнодорожной линии Актогай — государственная граница, известной под неофициальным названием «Дорога дружбы».

Стройка идет полным ходом. Путейцы давно уже покинули Актогай, исходный пункт новой дороги. Они пересекли солончаки, сыпучие пески Сары-Кумов, где растут лишь саксаул да упругий чий. На исходе осени вагончики путейцев стояли уже на 143-м километре, у пристанционного поселка Алакуль. А путеукладочная машина к тому времени ушла уже километров на шестьдесят дальше. Туда, «в голову», на передовую линию строительства, надо добираться с оказией.

Едем на автомотрисе вместе со строителями. Она плавно берет с места и сигналит на высокой ноте. В окно виден хлебоприемный пункт— бледно-золотые холмики пшеницы, малая щепотка огромного казахстанского урожая. Колхозы глубинных районов Талды-Курганской области — Алакульского и Андреевского — теперь имеют действительно свою «ближайшую железнодорожную станцию». Раньше до такой станции надо было добираться многие десятки километров.

Новая магистральная линия с тепловозной тягой послужит транспортной артерией для всего Семиречья. Берутся на учет окрестные земли, на которых можно будет создать орошаемые свекловичные плантации. Неподалеку от дороги намечается соорудить сахарный комбинат, крупнейший в Казахстане.

Ходко идет наш «экспресс». Позади остались склад кирпича у путей да две палатки, в которых обитает «интернациональная бригада» каменщиков. Один к одному подобрались тут работящие юноши: белорус Адам Кривальцевич,

ДО КРАЯ

Колхозная здравница

Ульян Иванович Шкарлет, распахнув ворот темной косоворотки и поплотней усевшись на лавочке под сенью ветвистой акации, неторопливо рассказывал:

— В колхозе Кирова я с самого основания, с тридцатого года. Все перепробовал. И на косилке робил и быков пас... Семьдесят пятый год мне теперь. На пенсию идти посоветовали. А зачем мне пенсия, когда я колхозу еще пользу дать могу? Вот и сторожу второй год. Как прибаливать ноги стали, говорят мне: езжай, отец, на кавказские минеральные воды, в санаторий, подлечишься. На общественный счет пошлем — заработал. Вот так и лечусь тут, третью неделю уже. На ванны радоновые возят, грязями пользуюсь. И ничего, помогает, болей в ногах вроде не стало...

Беседа эта шла в одном из живописных пятигорских скверов, возле нового красивого, белоснежного здания, на котором сверкала свежая вывеска:

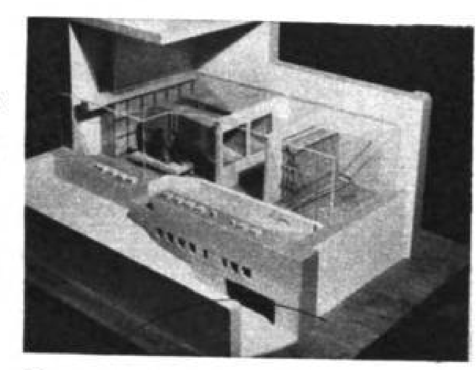
Санаторий построили и оборудовали весной этого года на кооперативных началах восемь колхозов района, и обошелся он им без малого в четыре миллиона рублей.

— Деньги, конечно, большие. Но вот решили всем обществом и построили. В государственный карман не лезли. К тому же для наших колхозов этот расход не такой уж обременительный,— говорит директор санатория Алексей Матвеевич Самойлов, который еще не так давно был заместителем председателя колхоза «Родина».

Он перечисляет артельные доходы. Оказывается, десять — пятнадцать миллионов рублей — обычный годовой доход многих егорлыкских колхозов.

В новой здравнице сорок две удобных палаты, хорошо оборудованные медицинские и процедурные кабинеты, просторная столовая, свой автобус.

А. ГРИГОРЬЕВ

Макет приточной камеры, в которой наружный воздух очищается от пыли, нагревается и увлажняется.

КРЫМСКИЙ ВОЗДУХ В КВАРТИРАХ МОСКВИЧЕЙ

— Странно! В комнатах тепло, термометр показывает плюс 20 градусов, но где же нагревательные приборы?

Вы нигде не обнаруживаете ни радиаторов, ни отопительных панелей.

Спустимся в подвальные помещения дома, которые похожи на отсеки корабля. Здесь в герметически закрывающихся камерах наружный воздух очищают от пыли, увлажняют, при помощи пластинчатых калориферов нагревают до 80 градусов. Из камеры статического давления по асбоцементным трубам, заложенным во внутренней несущей стене, теплый и чистый воздух поступает в квартиры.

Так отапливается огромный 187-квартирный дом № 15 по Ломоносовскому проспекту, на Юго-Западе Москвы. Рядом стоит дом с обычной системой отопления. Оба здания строились по одному проекту, из одних и тех же материалов, в одно и то же время. Но когда строители подсчитали стоимость сооружений, то оказалось, что дом № 15 обошелся значительно дешевле. Новая система отопления дала большую экономию. Было израсходовано в четыре раза меньше металла, чем расходуют обычно.

Система воздушного отопления, совмещенная с приточно-вытяжной вентиляцией, разработана сотрудниками Академии строительства и архитектуры СССР В. М. Ивановым, М. М. Грудзинским и инженером Моспроекта Е. И. Булаковской.

— В самом недалеком будущем,— сообщил нам инженер Вадим Михайлович Иванов,— воздух, поступающий в квартиры москвичей по новой системе отопления, будет не только очищаться, увлажняться и нагреваться, но также и ионизироваться. Ему будут приданы физические свойства, присущие воздуху Черноморского побережья Крыма.

Системой воздушного отопления через два — три года будут оборудоваться почти все вновь строящиеся жилые здания, школы и больницы.

В. БОРОНИН

КАЖЕТСЯ, ЭТО Я

В журнале «Огонек» № 25 было напечатано «Письмо незнакомому воину» и снимок советского бойца в группе молодежи чехословацкого города Брно. Этим воином, кажется, был я.

Вы зададите вопрос: почему «кажется»? Дело в том, что прошло порядочно времени с того дня, то есть с 26 апреля 1945 года. Я воевал солдатом в составе 2-го Украинского фронта и участвовал в освобождении Брно, Братиславы и других населенных пунктов.

Население Чехословакии всюду встречало нас очень тепло: нас обнимали, дарили нам цветы и очень много фотографировали. Стоило кому-нибудь парню или девушке достать фотоаппарат, как тотчас собиралась вокруг толпа, ибо каждый хотел сфотографироваться с советским воином.

Читая «Письмо незнакомому воину», я вспомнил суровые военные годы, годы, принесшие освобождение братским народам. И мне захотелось написать чехословацким друзьям, в частности

автору «Письма». Хочется узнать, как он живет, каким стал город Брно после войны. В настоящее время я живу на Волге, в городе Горьком, где я вырос, учился и откуда пошел воевать.

Я работаю на автомобильном заводе.

Высылаю вам фотокарточку фронтовых лет. Она сделана в Чехословакии, в городе Брно.

Александр АБАШИН

Молодые рабочие завода полупроводниковых приборов рассматривают свою первую продукцию — полупроводниковые фотосопротивления. В центре — Петер Тобор, выпускник 7-й средней школы Таллина.

Фото С. Розенфельда.

Есть полупроводниковые приборы!

Автомобиль еще только замедляет ход перед въездом на заводскую территорию, а ворота перед ним уже распахиваются, будто «по щучьему велению». Сигнал открыть ворота дала маленькая таблетка сульфида кадмия — прибор, называемый полупроводниковым фотосопротивлением. Это первая продукция завода полупроводниковых приборов, недавно созданного в Таллине.

Принцип работы здесь тот же, что и у обычного фотоэлемента. Подъехав к воротам, машина пересекла световой луч, идущий от электрической лампочки к маленькой трубочке с заключенным внутри фотосопротивлением. Лишенный света полупроводниковый прибор дал сигнал открыть ворота.

Главный инженер завода Вирве Сепп, несколько лет назад закончившая Таллинский политехнический институт, рассказывает:

— Отличительная черта нашего предприятия — абсолютная, стерильная чистота. Спецодежда — белые халаты, рабочий инструмент — пинцет; к нашей продукции нельзя прикасаться пальцами. Многие операции производятся под микроскопом.

Идем на участок. Бригадир Геция Андерсон, молодая девушка, пришедшая на завод после девятого класса, показывает нам первую серийную продукцию — таблетки, обработанные термически и химически, прикрепленные к маленькой стеклянной пластинке. Эти полупроводниковые фотосопротивления заменят громоздкие и сложные приборы в автоматике и телемеханике.

Химики Энн Юмарик и Эйно Линзи только что завершили высшее образование в Таллинском политехническом институте и Тартуском университете. Сейчас Энн и Эйно разрабатывают технологию нового полупроводникового прибора — варистора. Варистор в готовом виде напоминает красивую пуговку. «Пуговка» эта будет широко применяться в телефонии, телемеханике, автоматике, в грозозащитных установках.

Инженеры и техники нового завода в Таллине — в большинстве своем молодежь. Они и сами учатся и обучают молодых рабочих.

С каждым днем новый завод увеличивает выпуск продукции, расширяет ассортимент.

Вместе с производством растут и молодые специалисты.

Н. ХРАБРОВА

казах Баймухан Абыкеев, узбек Надыр Дикамбаев...

Не снижая скорости, проходим еще десяток километров. По левую сторону трассы все та же равнина, по правую — горы Джунгарского Алатау; ближние вершины одеты снегом. Грозно выглядит в пасмурную погоду большое соленое озеро Алаколь, чьим именем названы административный район и железнодорожная станция.

На исходе второй сотни километров автомотриса взбегает на мостик с идиллическими голубыми перилами. Они тут как будто бы и не к месту, разве что для контраста с суровым пейзажем! Внизу чернеют галька, камни, измельченные шалой силой горной реки Джаманты, бушующей в жаркую погоду, когда в горах тают ледники. Теперь реки словно и нет, и по руслу ее бежит, торопится быстрый ручей.

...Мостостроители уехали на новую стройку — на магистраль Абакан—Тайшет, и в их бывшем поселке на берегу Джаманты обосновался теперь новый строительно-монтажный поезд.

Дальше путь лежит по безводной пустыне, где часто дуют ветры из Китая. По словам знающих людей, ехать навстречу этим ветрам верхом почти невозможно.

Тепловоз превозможет, конечно, шторм, порывы которого доходят до 40—50 метров в секунду. Но выдержит ли земляное полотно, не сдует ли его ветер в конце концов? Нет, такая возможность исключена. Насыпь надежно защищена слоем гравия и галечника. На некоторых участках в бровки уложены камышитовые жгуты, укрепленные деревянными кольями.

Прямая транспортная линия Москва — Пекин легла уже на многие карты, а в ближайшем будущем появится и в натуре. От Актогая протянется она к Караганде, пройдет вблизи Темир-Тау, где сооружается «Казахстанская Магнитка», и через Акмолинск, Карталы, Магнитогорск, Челябинск устремится к нашей столице.

На территории Китая строящаяся дорога берет начало в городе Ланьчжоу, тянется на запад, к Урумчи — центру Синьцзян-Уйгурского автономного района. У Джунгарских ворот, в пределах китайской земли, будет расположена станция Эрхорлили, что опять-таки означает «дружба».

Пока открыто движение на участке в 1 149 километров — от Ланьчжоу до станции Синхунлюхэ.

Когда минувшим летом наши механизаторы подошли к будущей станции Дружба, китайские строители прислали им поздравительное письмо с выражением надежды на скорую встречу.

«У нас,— писали они,— выдвинут боевой призыв: «За год пробьем Тянь-Шань, за два года дойдем до государственной границы, а на третий передадим железную дорогу в эксплуатацию». Рельсы между двумя пограничными станциями — Дружба и Эрхорлили—скоро сомкнутся.

ЗА ДВА СТОЛЕТИЯ...

В небольшой квартире на одном из окраинных переулков Москвы можно познакомиться с историей русской армии. Экономист Александр Михайлович Макаров долгое время собирал книги на военные темы. В его библиотеке более пяти тысяч томов. Здесь воинские уставы за два столетия, памятные книжки об армейском кадровом составе за сто лет, справочники и каталоги, подшивки газет и журналов, энциклопедии и научные труды.

Редчайшая книга — «История Чугуевского Уланского полка». Единственный ее рукописный экземпляр хранится у Макарова. Трудолюбивому писцу пришлось не раз сменить гусиное перо, чтобы заполнить двести пятьдесят страниц. Труд писца сто двадцать лет назад разделил и безымянный художник, который украсил книгу акварельными рисунками.

Крохотная книжечка, впервые отпечатанная Санкт-Петербургской Морской типографией в 1806 году. Полное название ее гласит: «Творения пропрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса Российских армий князя Италийского графа Суворова-Рымникского с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства». Это суворовская «Наука побеждать».

Кроме книг, А. М. Макаров собрал двухтысячную коллекцию боевых орденов и медалей, больше тысячи нагрудных знаков и разнообразных эмблем, сотни пуговиц и оловянных солдатиков. В металлической шкатулке, которую с трудом поднимают двое взрослых, хранятся золотые суворовские медали. Такими медалями великий полководец награждал своих храбрецов «За победу при Кинбурне», «За храбрость на водах финских», «За труды и храбрость при взятии Праги» и за другие ратные подвиги.

А вот десять тысяч портретов военных деятелей — гравюры, акварели, фотоснимки. Одна из гравюр изображает первого солдата Петра I в зеленом мундире с красными обшлагами. Более ста лет назад кто-то сделал эту надпись: «Сергей Леонтьев сын Бухвостов из придворных служителей 1688 года ноября 30-го дня при начале военно-потешной службы первейшим в оную самопроизвольно предстал, потому государь Петр Великий тогда же сим первенством почтить его соизволил». Далее перечисляются некоторые сведения о солдате: «Жил 86 лет, был росту среднего, силен, тверд, скромен и весьма воздержан».

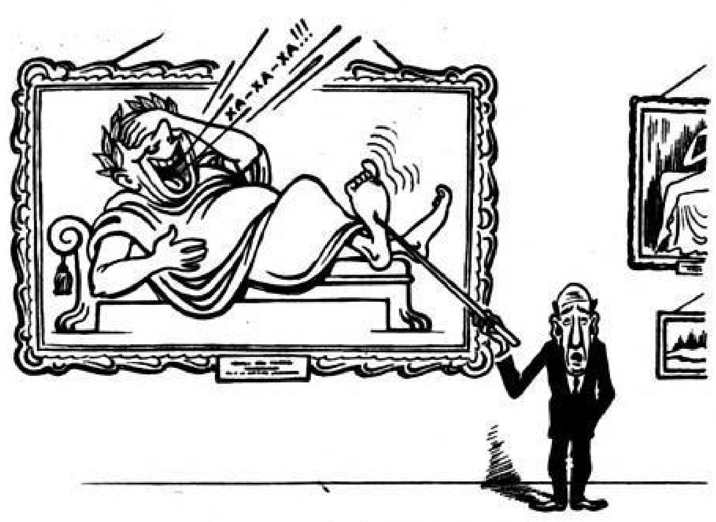
Как-то один из музеев приобрел миниатюру с изображением гусара в черном доломане с золотым шитьем. Утверждали, что это Лермонтов. Миниатюру показали Александру Михайловичу, и он пришел к иному выводу. Поэт служил в лейб-гвардии гусарском, Гродненском гусарском, Нижегородском драгунском и 77-м Тенгинском пехотном полках. Они носили присвоенную им форму, а в черные доломаны одевались только гусары 5-го Александрийского полка.

Советские писатели не раз благодарили Макарова за дружеские советы, которые были ими получены от него в связи с работой над историческими темами. Нередко к Александру Михайловичу обращаются постановщики фильмов и спектаклей. И коллекционер то объясняет нумерацию солдатских пуговиц, то уточняет, кому принадлежала посуда с изображением воинских атрибутов, то определяет автограф какого-нибудь полководца.

Н. ЧЕРНИКОВ

СВЕРХНАТУРАЛИЗМ

Изошутка Г. Оганова. Баку.

Старые друзья

Варвара КАРБОВСКАЯ Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Двое медвежат вполне доверяют Славе Кончину. Как-никак, человек учится в 8-м классе 429-й школы, отличник. Кроме того, он член кружка юных биологов Московского зоопарка, водится с волками и выдрами. Летом выезжает со своими товарищами по кружку в заповедники. Недавно они побывали в Теберде, знакомились с турами и дикими козами.

Товарищи читатели! Пожалуйста, возьмите карандаш и запишите в блокноте: Москва, Большой Черкасский переулок, дом 2/10. Секция охраны животных.

Вы всегда были друзьями четвероногих и пернатых, а теперь вы все, начиная с ребят школьного возраста, можете стать активными членами этого хорошего общества.

Да, но почему «охрана животных»? И от кого их нужно охранять? Очевидно, от тех, кто не понимает, сколько пользы и радости приносят самоотверженные ученые джульбарсы, неученые, но очень преданные и верные шарики, как украшают жизнь ласковые мурки, безымянные голуби сизари и многие, многие другие.

Посмотрите, например, на гордого красавца Урса, запечатленного на верхнем снимке. Не каждый пес может получить столько медалей и быть чемпионом Всесоюзной выставки!

Овчарка Туман при исполнении служебных обязанностей. Не шутите с Туманом, у него 30 золотых медалей и 11 ценных призов за службу. Правда, несмотря на свое высшее собачье образование (чемпион по дрессировке), он в призах толку не понимает, зато ими гордится его хозяин, Вячеслав Петрович Дунаев. Ему восемнадцать лет, он работает водолазом, а по вечерам — в бригаде содействия милиции. →

← В своей нежной любви к лошадям Берта Смирнова непременно сошлется на классиков. Помните, как ласково у Льва Толстого в «Холстомере» описывается «первая красавица» — бурая кобылка! А Гоголь как говорит про быструю езду: «Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?»

Гнедой Памир — любимец Берты Смирновой. Она уже два года занимается конным спортом в обществе «Урожай». Но она не кавалерист, а бухгалтер. Скоро рабочий день станет короче. Спортсмены будут рады на досуге лишний раз повидаться со своими четвероногими друзьями.

Но, конечно, кому кто нравится. Девочки из 114-й московской школы находят, что нутрии если и не ослепительно-красивы, то, во всяком случае, очень милы и приветливы. К тому же чистоплотны, с удовольствием купаются в лоханке. В своем живом уголке, который существует уже четырнадцать лет, школьники вырастили хомяков, кроликов, кур и тридцать нутрий. Для одного уголка это слишком много, нутрий раздали по другим школам.

По-видимому, Петр Петрович Смолин, руководитель секции юннатов, хорошо знает совиный язык... Или сова Тюка понимает по-человечески? Недаром у нее такой заинтересованный вид. Зато заяц беляк стесняется, он сидит на руках у будущего педагога Аркадия Малашенко.

КОРЫТА

Павел КОВАЛЕВ

Рисунок Ю. Черепанова.

Степан Лазарук стоял у крыльца правленческого дома и прислушивался к разговорам. Колхозники толковали о новой хате председателя колхоза, которая высилась белыми стропилами над всей округой. Степан, хоть и не принимал участия в беседе, был согласен с односельчанами: председательская хата влетит колхозу в добрую копейку...

Из двери выглянул председатель колхоза Зенон Окаемов и окликнул Степана:

— Заходи в правление. Поедешь со мной в район.

— Хорошо, если это нужно...— пробормотал Степан и зашел в контору.

В первой комнате, где восседала в полном составе бухгалтерия, его задержал бухгалтер.

— Ты, Степан Кондратьевич, подходи сюда. Вот,— вынул он какую-то бумажку,— давай распишись за деньги. Поедешь с Зеноном Аскольдовичем...

— Какие там деньги? — насторожился Лазарук.

— А это под отчет... понимаешь, под отчет. Будете что в городе с председателем покупать, так ты заплатишь и счетик возьмешь. Мне его потом сдашь.

— Пускай председатель и берет деньги,— перебил бухгалтера Степан.

— Э, ты, брат, чудак, как вижу,— улыбнулся бухгалтер.— Коли есть гроши, так ты всюду хороший. Расписывайся. Председатель ведь не имеет права залезать в колхозный карман.

Степан глянул в бумагу. Там уже значилась его фамилия и сумма в тысячу двести рублей.

— Нет, не могу... Такие деньги... Еще утеряю, отвечать придется...

Вышел Окаемов. Он слышал весь разговор.

— Отвечать, Лазарук, буду я,— вмешался Окаемов.— А деньги можешь смело брать. Да мы их, видно, обратно привезем. Давай расписывайся, а то машина ждет.

В кабину к шоферу сел, разумеется, сам председатель Окаемов. А Лазарук забрался в кузов. Окаемов был так вежлив, что даже подсадил его.

Степан примостился спиной к кабине и, чтобы не прохватило ветром, поднял воротник своей поношенной поддевки. Машина, пофыркивая и неуклюже покачиваясь на ухабах, неслась к городу. Миновали перелески, мельницу на реке. Вот уже и пригородный мост.

Степан размышлял о председательской хате. Была эта хата, как болячка. Председатель из-за нее ходил озабоченный и занятой. Так спешил со строительством, точно приближалась буря.

Машина остановилась у магазина. Окаемов быстро шмыгнул в дверь. Шофер вылез и заговорил со Степаном:

— Снова корыта повезем.

— Какие корыта?

— Не детей же купать и не свиней кормить. Цинковые.

— Цинковые, говоришь? — переспросил Степан.

— Домохозяйки в очереди стоят за корытами. А у председателя знакомство в раймаге,— продолжал шофер.— Не хочет он хату крыть черепицей, только оцинкованным железом, чтоб на всю округу видно было. Позавчера полтора десятка привезли. Сегодня...

Степан не дослушал шофера. Осторожно пощупав пачку денег за пазухой, он выскочил из кузова и дал стрекача. Когда Окаемов вышел из магазина с чеками в руках, Степана Лазарука и след простыл...

А через два дня колхозная машина снова катила в город, везла цинковые корыта обратно в магазин. Неизвестно как, но домохозяйки, раскупившие корыта, узнали, какой скандал на весь район поднял робкий Степан Лазарук, и называли его хорошим человеком.

Перевод с белорусского.

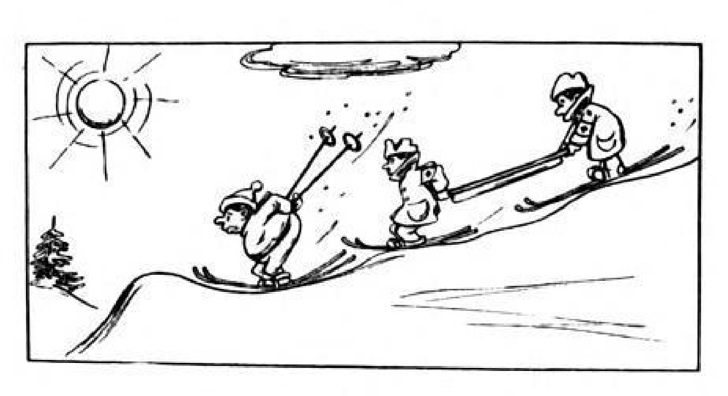
Змей

Басня

А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Высоко в небе плавал Змей,
Запущенный рукой умелой.
Он в облака стремился смело
Все дальше,
дальше от людей.
И, хвост мочальный выгибая,
Он умилялся:
«Ай да я!
Куда поднялся!
Высь какая!
Какие светлые края!
Мне стоит только захотеть —
Смогу до Солнца долететь!»
Пленившись призрачной идеей,
Змей совершенно ошалел,
Рванулся в небо посильнее,
Нить оборвал
и полетел!..
Он полетел,
да вот сюрприз:
Не снизу вверх,
а сверху вниз!
И тут-то Змею ясно стало
(Да поздно, что и говорить!),
Что в вышине его держала
Тянувшаяся к людям нить.

Свердловск.

БЕЗ СЛОВ. Изошутка И. Оффенгендена.

ЕЛКА У ПОЖАРНЫХ. Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

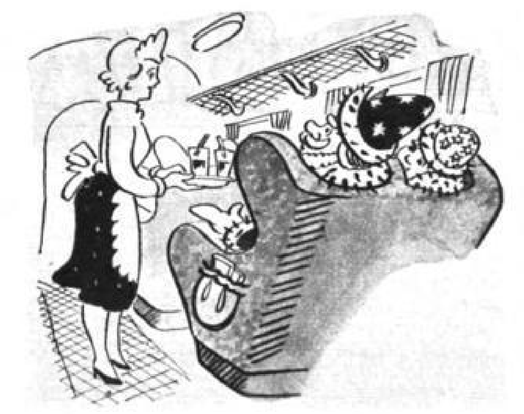

На елке дружбы

Изошутки В. Кащенко.

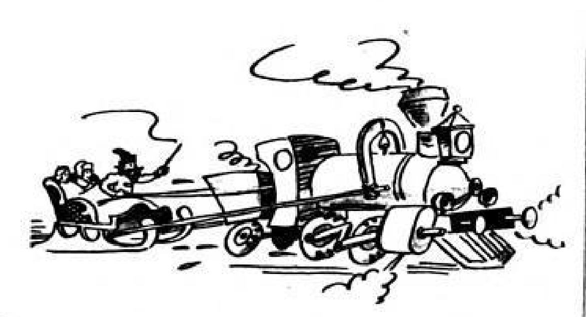
Карусель.

— Так много елок, что только «ТУ-104» и выручает.

— Наша коренная опять причесалась по новой моде.

Катание на старой технике.

ЭТО НАС ИНТЕРЕСУЕТ

К модам на обложке

Как сшить выходное платье, каким должен быть костюм для работы, какую модель следует выбрать полной женщине и какую — худой?

Эти и подобные вопросы интересуют многих женщин различных профессий и возрастов. Поэтому каждая выставка, знакомящая с модами предстоящего сезона, всегда привлекает широкое внимание.

Многолюдно было на выставке, организованной Управлением бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома в московском клубе имени Зуева. Представленные здесь модели мужской, женской и детской одежды выполнены в недорогих ателье, которых много в каждом районе Москвы.

В числе посетителей были работницы кондитерской фабрики «Большевик», Электролампового и Автогенного заводов, а также других московских предприятий. Внимательно и придирчиво осматривали они изделия, зарисовывали понравившиеся модели, не стесняясь, по-хозяйски критиковали безвкусицу.

Вот мнения некоторых посетителей выставки.

М. ДУРДАЛОВА (инспектор ОТК кондитерской фабрики «Большевик»):

— Мы давно ходим по выставке, присматриваемся к моделям, выбираем.

Пожалуй, лучше представлены здесь пальто: есть и прямые пальто, и расклешенные, и в талию. Интересны формы воротников, рукавов и карманов.

Мы на своей работе всегда думаем о том, как угодить потребителю—сделать и вкусно, и питательно, и непременно красиво. А вот о чем думают авторы некоторых экспонированных здесь моделей платьев, непонятно.

Ю. УСТИНОВА (рольщица 1-го цеха фабрики «Большевик»):

— На кого рассчитывал автор этой модели? Взял кашемир — самый дешевый вид шерсти, к тому же ярко-красный, сшил сугубо спортивное платьице и почему-то на короткий рукав нацепил большие манжеты из чернобурой лисы. Да ведь тот, кто купил дорогой мех, не нашьет его на дешевое платье! А у кого денег мало, тем более не станет кашемир чернобурной оторачивать.

А вот это платье мне понравилось. Простое, неброского цвета, с бейкой сверху донизу и складками с одного бока (рис. 1). Прямое, узкое, оно не будет полнить, а украсит любую фигуру. Его можно и на работу надеть под халат, если вечером собираешься в театр.

Е. ГЛУШКОВА (лаборант 1-го газового цеха Автогенного завода):

— Сейчас в нашу рабочую среду влилось много молодежи. Где молодежь, там любовь, свадьбы. Но на выставке мы не видели ни одного свадебного платья. А как в этот торжественный день невесте приятно быть в красивом белом платье!

А. ВОРОБЬЕВА (рольщица 1-го цеха фабрики «Большевик»):

— Вообще здесь мало моделей, рассчитанных на нас, молодежь. Но вот это платье мне понравилось (рис. 2). Оно простое и модное — цельнокроенное. С одной стороны карман, а с другой — наподобие кармана бант вывязан. Застежка на пуговицах дает возможность надевать платье, не испортив прически.

Л. ЧЕРТОВА (монтажница 11-го цеха Электролампового завода):

— А мне нравится вот это— платье-костюм (рис. 3). Оно скромное, изящное и удобное. И в театр его наденешь, и в гости, и когда идешь потанцевать. Жарко, жакет снять можно. И летом в нем пройтись неплохо. В общем, и в пир и в мир...

Жаль, что на выставке почти нет платьев-сарафанов. Они удобны и практичны. Блузки к ним часто менять можно, надевать разные: в гости—понаряднее, а на работу — попроще.

М. ТРОШКИНА (инженер ОТК Электролампового завода):

— Швейники никак не могут расстаться с излишествами и усложнениями.

Вот платье словно на замоскворецкую купчиху шито. Ярко-желтое, все задрапированное, и в центре живота большая бриллиантовая пряжка, как люстра. Или вот еще костюм. На юбке — вычурная плиссировка с какими-то загогулинами, на жакете — пучки защипок.

А вот это нарядное платье с прямым вырезом очень красиво для театра (рис. 4). Мне нравится, что оно неотрезное, от этого выигрывает фигура: тоненькую это подчеркивает, а полную — худит. Очень украшает шарф из той же ткани с бахромой. Я думаю себе сделать такое платье.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Новогодний рассказ А. П. Чехова. 6. Воодушевление, энтузиазм. 7. Ночная бабочка. 10. Охотничья собака. 13. Часть повествования. 14. Изобилие, достаток. 15. Персонаж пьес П. Бомарше. 18. Машинная деталь цилиндрической формы. 21. Роман П. Павленко. 23. Исполнение произведений по определенной программе. 25. Птица семейства вьюрковых. 28. Гимнастический снаряд. 32. Распорядитель пира. 33. Смесь засахаренных фруктов. 34. Плодовое дерево. 35. Недавно приобретенная вещь. 36. Народный духовой инструмент.

По вертикали:

1. Изделие из теста. 2. Ледяная площадка. 4. Игра слов. 5. Небольшая музыкальная пьеса. 8. Город в Молдавии. 9. Участник спортивных состязаний. 11. Столбец типографского набора. 12. Сладкое блюдо. 15. Сюртук с длинными фалдами. 16. Торжественная песня. 17. Рыболовное орудие. 18. Радостное настроение. 19. Подъемное устройство. 20. Опера Д. Верди. 22. Марка телевизора. 24. Курорт на берегу Балтийского моря. 26. Советский цирковой актер. 27. Русская народная пляска. 29. Река, вытекающая из Чудского озера. 30. Автор сказки «Конек-горбунок». 31. Сплав меди с цинком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. Юмореска. 8. «Фантазия». 9. Парик. 11. Маляр. 12. «Репка». 13. Виви. 15. Черепашка. 17. Дача. 18. Хамса. 19. Скотинин. 22. Фальстаф. 24. Такса. 25. Щиток. 26. Антракт. 29. Шумиха. 31. Кретон. 32. Хорей. 33. Финик. 34. Любка.

По вертикали:

1. Сюрприз. 2. Моор. 3. Скоморох. 4. Матрёшка. 5. Эзоп. 6. Кяманча. 10. Качели. 12. Ржанка. 14. Ильинский. 16. Помидор. 17. Дульцинея. 20. Оракул. 21. Нуга. 22. Флот. 23. Тропот. 27. «Тройка». 28. Апелла. 30. Аршин. 31. Кашка.

На вкладках этого номера: репродукции акварелей и графики со Всесоюзной художественной выставки, посвященной 40-летию ВЛКСМ, и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11009. Подписано к печати 30/XII 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 2. Заказ № 3043.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Моды
Рисунок Н. Голиковой.
1
2
3
4

Цена номера 3 руб.

